

Ю. М. Галенович

ЧЕТЫРЕСТА ЛЕТ
СОСЕДСТВА
РОССИИ С КИТАЕМ

**ВОСТОЧНАЯ
КНИГА**
Москва • 2011

УДК 327[(470+571):510]"16/20"

ББК 66.4(2Рос),9(5Кит)

Г15

Галенович Ю. М.

Г15 Четыреста лет соседства России с Китаем / Ю. М. Галенович. — М.: Восточная книга, 2011. — 256 с.

ISBN 978-5-7873-0627-9

Русские и китайцы встретились в XVII веке. История двусторонних взаимоотношений России и Китая, их соседства насчитывает 400 лет. Она состоит из четырех периодов: XVII век — 1917 г. (отношения главным образом между двумя империями); 1917–1949 г. (отношения главным образом между СССР и Китайской Республикой); 1949–1991 г. (отношения главным образом между СССР и Китайской Народной Республикой); 1991 г. — начало XXI века (отношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, между Российской Федерацией и Тайванем).

Коренные, правильно понимаемые интересы наций на протяжении всей четырехсотлетней истории их взаимоотношений в основном совпадали. В то же время по многим возникавшим проблемам каждая сторона занимала свою позицию. Будущее двусторонних отношений России и Китая зависит от степени их духовного взаимопонимания.

Книга представляет собой своего рода дополнение к четырехтомнику автора «История взаимоотношений России и Китая», работе «Россия в “китайском зеркале”» и вклад в обмен мнениями с китайскими учеными.

УДК 327[(470+571):510]"16/20"

ББК 66.4(2Рос),9(5Кит)

© Ю. М. Галенович, 2011

© ООО «Восточная книга», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Двусторонние отношения: XVII век — 1917 год.....	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Двусторонние отношения: 1917–1949 гг.	79
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
Двусторонние отношения: 1949–1991 гг.	149
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
Двусторонние отношения: 1991–2010 гг.	210
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	247
ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ АВТОРА.....	250

*Посвящаю памяти моих коллег-китаеведов
Алексея Алексеевича Москалева,
Евгения Дмитриевича Степанова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XXI века в КНР сформировано вполне определенное отношение к истории взаимоотношений Китая с нашей страной. Этот подход пропагандируется в средних и высших учебных заведениях всей страны, то есть при воспитании подрастающих поколений.

Особое внимание при этом придается работе с руководящими партийными кадрами. В Центральной партийной школе ЦК КПК существует Центр стратегических исследований. В начале нынешнего столетия этим центром руководил Цзян Чанбинь — специалист по истории наших двусторонних отношений, в особенности по вопросу об истории формирования границы между Россией и Китаем.

В конце своей жизни Цзян Чанбинь выступал с инструктивным докладом на всекитайской конференции специалистов по истории взаимоотношений России и Китая, а также издал книгу под названием «Государственная граница между Китаем и Россией. Эволюция ее восточного участка». В этом труде заложены основные идеи, с помощью которых пропагандистский аппарат КПК стремится формировать отношение к истории наших двусторонних связей у функционеров правящей политической партии Китая.

Важно обратить внимание на то, о чем идет речь в данной работе, так как это даст возможность лучше и глубже представить себе, как именно в КПК сегодня относятся к прошлому и настоящему наших двусторонних отношений, что, в свою очередь, определяет и взгляд на будущее этих отношений. Труд Цзян Чанбиня требует самого внимательного и подробного изучения и анализа. Это задача исследователей в будущем. В то же время представляется актуальным и совершенно необходимым обратить внимание на основные мысли, пропагандируемые в книге Цзян Чанбиня.

Итак, в нашей работе речь идет о первом прикосновении к той трактовке истории русско-китайских отношений, которая сегодня официально пропагандируется в КПК и в КНР.

Это представляется важным, потому что наши люди, встречающиеся на всех уровнях с официальными представителями КНР, ознакомившись с основным содержанием труда Цзян Чанбиня, смогут благодаря этому лучше представлять себе, как именно их китайские собеседники трактуют прошлое и настоящее российско-китайских отношений, политику России в отношении Китая, да и в целом то, что они думают о русских и о России.

Сделав эти предварительные замечания, можно обратиться к рассмотрению текста упомянутой работы.

Подчеркнем, что в данном случае речь идет и о сопоставлении трактовок тех или иных событий в России и в Китае, но, прежде всего, о первом впечатлении от прикосновения к упомянутой работе. Это делается с целью глубже понять то обвинение, которое бросают в КНР в адрес России: наша страна, дескать, своим отношением к Китаю и китайцам «оскорбляла национальные чувства» китайцев.

Когда выдвигаются материальные претензии или требования, предполагается, что так или иначе есть основания говорить о чем-то осязаемом. Когда же в ваш адрес выдвигается обвинение в нанесении обид с точки зрения морали и нравственности, в нанесении удара по национальным чувствам, тогда приходится иметь дело с неосязаемой, но, может быть, еще более важной вещью, чем материальные интересы, а именно с духовным миром той или иной национальной общности. И здесь приходится вникать в вопросы о том, почему и как именно ставятся проблемы такого рода. Более того, речь идет о столкновении национальных чувств двух народов, а это такой вопрос, который иной раз оказывается невозможно решить на протяжении по крайней мере многих столетий.

Обратимся к упомянутому труду китайского автора в попытке хотя бы первоначально прикоснуться к трактовке якобы ущемленных русскими национальных чувств китайцев.

Специалист по истории пограничных вопросов во взаимоотношениях России и Китая Цзян Чанбинь в своем труде «Чжун Э го цзе дун дуань ды яньбянь /Государственная граница между Китаем и Россией. Эволюция ее восточного участка/» (Пекин: Издательство “Чжунъян вэньсянь чубаньшэ”, 2007) все, что касается восточного участка государственной границы между Россией и Китаем, объединяет одним понятием «борьба». Попутно обратим внимание на то,

что книга Цзян Чанбиня издана центральным партийным издательством КПК.

Первое чувство, которое автор пробуждает и насаждает в душе своих читателей, — это ощущение, что русские и Россия — враги, с которыми изначально пришлось бороться Китаю и китайцам. С его точки зрения, с самого начала в наших двусторонних отношениях соседствовали «локальные столкновения» и попытки установления посольских и торговых отношений. При этом попытки такого рода были только с нашей стороны.

Автор подчеркивает, что центральное место вскоре заняли уже не просто «локальные стычки», а самая настоящая война — «война в Якса (в районе Албазина)», как ее именует автор. С его точки зрения, этой войны «трудно было избежать», то есть отношения России и Китая должны были начаться с фатально неизбежной войны. Автор, как это вполне можно предположить, полагает, что Россия изначально пришла на исконные китайские земли в качестве захватчика, что и сделало войну, оказание отпора русским агрессорам и экспансионистам неизбежным.

Военные силы сторон, как подчеркивает автор, были равны, но благодаря тому, что китайцы, дескать, оказались искуснее в военном деле, и благодаря тому, что на их стороне была «справедливость», полторы тысячи китайских воинов победили полторы тысячи русских, что и привело к подписанию Нерчинского договора в 1689 году.

Необходимо сказать, что Цзян Чанбинь не соглашается с приведенными Г. В. Киреевым в его книге сведениями о том, что у русских было действительно полторы тысячи бойцов, а силы китайцев доходили до пятнадцати тысяч человек. (См.: *Киреев Г. В.* Россия — Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М., 2003.)

Автор полагает, что в результате упомянутой войны Китаю удалось заставить русских подписать «единственный» в истории двусторонних отношений «справедливый и равноправный» договор — Нерчинский договор 1689 года. Следовательно, у читателей в КНР должно, с точки зрения Цзян Чанбиня, формироваться убеждение в том, что справедливость и равноправие во взаимоотношениях Китая с Россией могут быть лишь результатом победы в войне.

По Нерчинскому договору земли на левом берегу Амура от озера Байкал до Тихого океана, включая остров Сахалин, отходили к Китаю.

Автор, конечно же, не упоминает о том, что русские и китайцы встретились на землях, где жили коренные малочисленные народы,

на землях, которые изначально не принадлежали ни русским, ни ханьцам.

Главная мысль Цзян Чанбиня в данном случае сводится к тому, чтобы внушать читателям в КНР, что во взаимоотношениях России и Китая, в том, что касается пограничного размежевания, договоры, которыми определялась в истории граница, делятся на две неравные части: один из этих договоров, а именно Нерчинский договор 1689 года, читателям в КНР предлагается считать «единственным справедливым и равноправным договором», потому что по нему к Китаю отходили громадные территории, принадлежавшие до того времени нашей стране, а все остальные договоры о границе, действующие и в настоящее время, предлагается считать «неравноправными», ущемляющими «права Китая и китайцев», навязывающие китайцам «неравноправное» отношение к ним со стороны русских.

Так современная пропаганда в КНР на уровне образования в средних школах и в вузах внушает всем новым поколениям китайцев, что перед Китаем продолжает стоять задача добиться «подлинного равноправия» во взаимоотношениях с Россией.

Цзян Чанбинь в подтверждение этой своей установки обращается к высказыванию Мао Цзэдуна. Он пишет, что еще в 1945 году Мао Цзэдун говорил: «Народ Китая приветствует то, что многие иностранные правительства заявили, что они аннулируют неравноправные по отношению к Китаю договоры, а также предпринимают меры для заключения с Китаем новых равноправных договоров. Мы, однако, полагаем, что заключение новых равноправных договоров вовсе не означает, что Китай фактически уже добился действительно равноправного положения. Ведь это самое фактически действительно равноправное положение ни в коем случае не обеспечивается одной только опорой на то, что нам предоставляют иностранные правительства; тут главное в том, чтобы опираться на завоевание такого положения усилиями самого народа Китая, а эти усилия должны прикладываться в следующем направлении: превратить Китай в политическом, экономическом, культурном отношении в государство нового демократизма; в противном случае все это останется всего лишь формальными независимостью и равноправием; и фактически мы этим обладать не будем. Иными словами, если следовать нынешней политике Гоминьдана, тогда Китай ни в коем случае не добьется подлинной независимости и равноправия». (Мао Цзэдун *сюаньцзи /Избранные произведения Мао Цзэдуна/. Том 3. Издательство «Жэньминь чубаньшэ», 1991. С. 1085–1086.)*

Обращение к этому высказыванию Мао Цзэдуна позволяет глубже понять то, какими мыслями руководствуется Цзян Чанбинь, а также какие мысли он хотел бы внушать своим читателям. Мао Цзэдун произнес эти слова в 1945 году. Тогда формально речь у него шла об аннулировании в первой половине 1940-х годов США, Великобританией неравноправных договоров с Китаем (кстати, они сделали это в 1942 году, то есть восемнадцать лет спустя после того, как эти договоры отменил СССР в 1924 году; можно упомянуть и о том, что они это сделали после того, как упомянутые договоры аннулировала Япония) и об обещании заменить их равноправными договорами. В то время правительство Китайской Республики (правительство партии Гоминьдан Китая) представляло народу Китая этот факт как свою крупную дипломатическую победу и как проявление США и Великобританией доброй воли в отношении Китая. Мао Цзэдун смотрел на положение дел по-иному. Он, возглавляя своих приверженцев, вел борьбу за власть над Китаем. В этой борьбе своим главным конкурентом Мао видел Чан Кайши.

Обстоятельства к 1945 году сложились таким образом, что Чан Кайши оказался во главе Китая, одержавшего победу вместе с союзниками во Второй мировой войне на Тихом океане. США и Великобритания были вынуждены, будучи заинтересованы в Китае как в союзнике в войне против Японии, отменить неравноправные договоры, обещать отобрать у Японии Тайвань и прилегающие острова, не говоря уже об оккупированных Японией районах континентального Китая, и вернуть все это Китайской Республике.

Мало того, благодаря настоянию СССР при образовании ООН Китай стал одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Одним словом, у Чан Кайши как национального лидера Китая того времени, руководителя и партии Гоминьдан Китая, и тогдашнего китайского государства на китайском континенте, то есть Китайской Республики, в глазах многих китайцев были бесспорные заслуги в таком деле, как повышение престижа Китая на мировой арене и выход Китая на новое достойное место в мировой политике.

Все это было недопустимо с точки зрения Мао Цзэдуна. Он хотел опорочить Чан Кайши, противопоставить свое толкование ситуации тому, что говорили Чан Кайши и его сторонники.

По сути дела, и Чан Кайши, и Мао Цзэдун добивались того, чтобы Китай был независимым и самостоятельным в мировых делах, пользовался здесь равными правами со всеми остальными крупными государствами.

Ни Чан Кайши, ни Мао Цзэдун не были марионетками иностранцев. В Китае у власти долго находиться могут только «прокитайские» силы, но никоим образом не марионетки иностранцев.

Мао Цзэдун имел возможность воздействовать на КПК, на ее вооруженные силы, на определенные слои китайского населения. При этом он обвинял Чан Кайши в том, что тот всего лишь соглашается на «получение милости» со стороны иностранцев. Удовлетворяется лишь формальным, а не подлинным равноправием. Не превращает Китай в мощное во всех отношениях государство, которое именно благодаря своей мощи действительно сможет твердо взять в свои руки права, позволяющие ему не уступать никому, быть по крайней мере на равных со всеми крупными государствами.

На самом деле в том, что касается всех перечисленных целей, никаких различий между Чан Кайши и Мао Цзэдуном не было.

Но Китай стоял тогда, сразу же после окончания Второй мировой войны, на пороге новой гражданской войны, войны за власть над Китаем между Мао и Чаном, каждого из которых поддерживали его сторонники.

Цзян Чанбинь приводит установку Мао в своей работе, датированной 2007 годом и посвященной взаимоотношениям Мао и его сторонников с нашей страной по пограничным вопросам, ссылаясь на высказывание Мао, опубликованное в КНР в 1991 году (15 лет спустя после смерти Мао). Следовательно, Цзян Чанбинь приводит это высказывание в своем труде для того, чтобы внушать современным и будущим поколениям китайцев, что Мао Цзэдун завещал в нынешней и будущей борьбе за подлинное равноправие, в особенности с нашей страной, исходить из того, что в этой борьбе необходимо пройти три стадии.

На первой стадии добиться аннулирования нашей страной неравноправных договоров и признания нами «неравноправного» характера ныне существующих договоров о границе.

На второй стадии заключить новый равноправный договор о границе, как это требовалось в документе МИД КНР от 8 октября 1969 года.

На третьей стадии добиться подлинного равноправия в опоре на возросшую мощь Китая.

Вполне очевидно, что это означает исправление ныне существующего положения и подписание нового общего договора о границе вместо всех ныне существующих договоров о границе с тем, чтобы подвешенные в наших взаимоотношениях связанные с границей

вопросы были решены так, чтобы в Китае эти решения считали «справедливыми и рациональными», чтобы в Китае наконец сочли, что в конечном итоге в результате упомянутой борьбы удалось добиться подлинного равноправия во взаимоотношениях с нашей страной, прежде всего в том, что касается «вопроса о границе».

Лишний раз необходимо обратить внимание на то, что здесь Цзян Чанбинь превращает вопрос о «неравноправных договорах», о «неравноправии», «о «подлинном равноправии» в актуальный, ныне существующий, подвешенный и требующий в будущем, когда Китай будет обладать достаточной мощностью, решения вопрос.

Далее необходимо сказать, что Цзян Чанбинь указывает на то, что он обращался к трудам А. П. Васильева по истории забайкальского казачества, но главным образом к литературе, изданной как при Цинской династии, так и в последнее время в КНР. Таким образом, речь идет о современном толковании в Китае истории формирования границы между нашими странами на основе главным образом китайских источников.

Цзян Чанбинь по-своему трактует хронологию отношений России и Китая.

Мне представляется, что читателям в нашей стране сегодня важно иметь перед собой трактовку этих вопросов обеими сторонами.

Поэтому я буду обращаться к хронологии Цзян Чанбиня, которая содержится в упомянутом труде на 395–477-й страницах. Слова Цзян Чанбиня будут выделены иным шрифтом.

Всю эту работу целесообразно разделить на части.

Часть первая. Двусторонние отношения: XVII век — 1917 год. Это главным образом взаимоотношения Русского государства и Российской империи, а также Временного правительства России (Российской Республики) с Великой Цинской империей и Китайской Республикой.

Часть вторая. Двусторонние отношения: 1917–1949 гг. Это главным образом взаимоотношения СССР с Китайской Республикой.

Часть третья. Двусторонние отношения: 1949–1991 гг. Это главным образом взаимоотношения СССР с Китайской Народной Республикой.

Часть четвертая. Двусторонние отношения: 1991–2010 гг. Это главным образом взаимоотношения Российской Федерации с Китайской Народной Республикой, Российской Федерации с Тайванем (Китайской Республикой на Тайване).

Часть первая

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ: XVII ВЕК — 1917 ГОД

Итак, первая часть двусторонних взаимоотношений России и Китая — это взаимоотношения Московского государства, Российской империи и Временного правительства Российской Республики с Великой Цинской империей и Китайской Республикой (XVII век — 1917 год).

Свою хронологию Цзян Чанбинь начинает с 631 года, то есть за тысячу лет до первых встреч русских и китайцев. Очевидно, что китайским читателям с самого начала знакомства с нынешней трактовкой истории взаимоотношений России и Китая в КНР внушают, что речь идет о землях, где китайцы, дескать, осуществляли свою власть за тысячу лет до того, как туда добрались русские.

При этом Цзян Чанбинь утверждает, что уже тогда племена, обитавшие по берегам реки Амур, начали платить дань императорам китайской династии Тан. Затем эти племена перешли в подчинение династии Тан. Был создан удел Бохай, территория которого простиралась от реки Амур (которую он именует Хэйлунцзян) до Японского моря, включая земли к востоку от реки Уссури (которую он именует Усулицзян), в том числе современные Суйфэньхэ и Уссурийск, а также Хабаровск (который он именует по-китайски Боли). При той же династии Тан, как пишет Цзян Чанбинь, в подчинении династии Тан находились земли по обоим берегам Амура в его среднем и нижнем течении, а границы этого удела доходили до Охотского моря.

Все это говорится главным образом с той целью, чтобы внушать читателям в КНР, что все люди, которые когда-либо в истории, по словам авторов древних китайских рукописей, платили дань тем или иным китайским княжествам или царствам, империям, должны навсегда считаться частью нации Китая, а их земли должны считаться исконными китайскими землями.

В 927 году нашей эры царство Ляо уничтожило удел Бохай, захватило его земли. Племена, которые там обитали, были переименованы и стали называться по-китайски нюйчжэнями (или по-русски чжурчжэнями).

В XIII веке при монгольской династии Юань Китай был объединен. При этом под охрану были взяты устье реки Хэйлунцзян (Амур) и остров Куедао (Сахалин). Существует каменная стела в 300 китайских ли от устья Амура на том месте, где в свое время был построен храм.

В 1403–1404 годах племена, обитавшие в нижнем течении реки Амур, платили дань императору династии Мин.

Монголы в те времена установили свое господство и над русскими княжествами, причем даже раньше, чем над китайскими. Трудно согласиться с утверждением китайского автора о том, что кто бы ни завоевал Китай (в данном случае монголы), тот становится китайцем и должен считаться китайцем. Тем более что в настоящее время монголы в Монголии не согласны с трактовкой в КНР истории монголов.

Все вышесказанное направлено на утверждение в умах людей в КНР мысли о том, что, дескать, за целую тысячу лет до встречи русских и китайцев все земли от Байкала до Тихого океана, включая остров Сахалин, а заодно и Корею с Монголией, уже якобы были китайскими.

Далее в хронологии следует первое упоминание о русских людях:

В 1632 году казачий сотник Бекетов вторгся на земли монгольских бурятов, однако получил отпор. В том же году Бекетов построил крепость Якутск.

В 1635 году буряты штурмовали крепость Братск, в которой засел Дунаев. Крепость была скрыта с лица земли. 52 казака были уничтожены, а оружие и боеприпасы захвачены.

15 июня 1643 года Поярков во главе 133 казаков выступил из Якутска, вторгся на северный берег реки Амур, но, встретив сопротивление дауров и чжурчжэней, 18 июня 1646 года был вынужден вернуться в Якутск.

Цзян Чанбинь начинает рассказ о встрече русских с людьми, которые до их прихода жили в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, с утверждения о том, что местное население, буряты и дауры,

которые, с его точки зрения, якобы безропотно платили дань китайцам и должны ныне считаться китайцами, встретили русских «в штыки», давали отпор их вторжению, штурмовали и срывали с земли их крепости. Все это происходило на северном, или левом, берегу реки Амур.

Китайский автор намеренно и безосновательно создает впечатление, что русские явились в эти места исключительно как экспансионисты и захватчики, агрессоры, что их присутствие там изначально было нетерпимо для аборигенов. В то же время ничего подобного автор не отмечает во взаимоотношениях тех же бурятов и дауров с китайцами.

Цзян Чанбинь представляет русских казаков как первых в истории завоевателей, агрессоров, покусившихся якобы на китайские земли. Казак — это первый агрессор в истории Китая, если говорить о взаимоотношениях Китая с Россией, да и вообще с заморскими людьми, европейцами и американцами; русские по сравнению с другими людьми Запада первыми начали захват земель Китая. Вот мысль, с которой в Китае двадцать первого века начинают знакомить подрастающие поколения с взаимоотношениями Китая с внешним миром, миром Запада. Хотя и тут можно увидеть зачатки отделения Запада от Севера. Север для Китая, с этой точки зрения, это Россия. Угроза с Севера пришла раньше, чем угроза с Запада, такой вывод могут делать читатели в КНР из этих рассуждений.

В 1644 году маньчжурская династия Цин сменила ханьскую династию Мин. К этому времени маньчжуры объединили северо-восток Китая. Его пределы начинались на севере от Большого Хингана, на западе от озера Байкал, на востоке от берега моря, а на юге от Шаньхайгуаня.

Историю монголов и маньчжуров этот китайский автор пытается рисовать как историю неотъемлемой части нации Китая. На самом деле и в случае с монголами, и в случае с маньчжурами происходило завоевание китайцев и их территории в первом случае монголами, во втором — маньчжурами. Монголы на десятилетия, а маньчжуры на столетия установили свое господство над Китаем. В те времена на мировой арене существовали сначала монгольская, а затем и маньчжурская империи.

Далее Цзян Чанбинь вводит тезис о том, что еще до завоевания собственно Китая маньчжуры, дескать, объединили северо-восток Китая. Таким образом, в само понятие «северо-восток Китая, или ис-

торический северо-восток Китая», Цзян Чанбинь включает громадную территорию, куда входят современные Восточная Сибирь и Дальний Восток России.

В этой связи само понятие «северо-восток» наполняется для читателей в Китае таким содержанием, которое подталкивает их к предъявлению «законных требований» к России «по справедливости и в духе подлинного равноправия» «вернуть» Китаю территории от Байкала до Тихого океана.

6 марта 1649 года Хабаров во главе 70 «добровольцев» вторгся на северный берег реки Амур, но после ожесточенных боев с даурами 26 мая 1650 года был вынужден возвратиться в Якутск.

С осени 1650 года по весну 1654 года события разворачивались следующим образом. Сначала Хабаров вторично выступил из Якутска, вторгся в земли дауров на северном берегу Амура, занял крепость Албазин, принадлежавшую даурам, и превратил ее в свой опорный пункт. Затем стал продвигаться вниз по течению реки Амур. Вторгся в среднее и нижнее течение реки Амур. Осенью 1651 года вторгся в земли национальности хэцжэ. 24 марта 1652 года цинские войска предприняли штурм крепости Албазин. Из-за недостатка сил не добились успеха. В августе 1653 года Хабаров встретился в устье реки Зеи с прибывшим из Москвы аристократом Зиновьевым, который и взял власть в свои руки.

Любые действия русских в середине семнадцатого века, в данном случае походы Хабарова, характеризуются китайским автором исключительно как «вторжение» и военные акции, встречавшие сопротивление местных жителей и цинских войск.

В 1654 году в Пекин прибыло посольство во главе с Байковым. Контакты не привели к результатам, за исключением успеха при договоренности о внешней торговле.

В 1658 году в Пекин прибыло посольство Ивана Перфильева. Результаты были теми же, что и в 1654 году.

Китайский автор признает, что только русские, но не китайцы, предпринимали попытки направлять посольства, вести переговоры, добываясь договоренностей по интересующим стороны вопросам. Китайская сторона соглашалась договариваться, и то через силу, только по вопросам, касающимся двусторонней торговли.

Итак, русские с самого начала направляли посольства в Пекин с целью установления нормальных отношений. Китайцы, то есть в те времена Цинская династия, Великая Цинская империя, не направляли посольств в Москву, не выступали с предложениями установить нормальные отношения.

Они лишь соглашались на выгодные для них торговые связи. Ограничение отношений лишь начатками торговых связей и военная конфронтация — вот с чего, будучи порождены позицией китайской стороны, начались наши двусторонние отношения.

Весной 1654 года русский военный Степанов от устья реки Сунгари спустился вниз по течению в поисках продовольствия, но его вылазка была отбита. Соединившись с сотником Бекетовым, он узнал о том, что в верхнем течении реки Амур все зерно дочиста разграблено Хабаровым. В марте 1655 года цинские войска штурмовали острог, построенный Степановым зимой 1654 года. Весной 1656 года Степанов безуспешно пытался добыть продовольствие в верхнем течении реки Амур. После этого он обратился за помощью к губернатору Якутска. Тем временем в 1655 году Москва назначила губернатора Енисейска Пашкова губернатором Амурского военного округа. В 1656 году была заложена крепость Нерчинск. 30 июня 1658 года Степанов с 500 казаками встретился с цинскими войсками в устье реки Сунгари. В его войсках произошел раскол, и они были разбиты. Сам Степанов был убит.

В 1665 году беглый преступник поляк Черниговский убил губернатора Илимска. Затем бежал на пепелище Албазина и воссоздал острог. В 1672 году Черниговский был приговорен к смерти, но помилован и награжден деньгами. Одновременно назначен царем управлять делами в этом районе. Он получил право командовать войсками, посланными из Нерчинска.

В целом у китайского автора получается, что с самой первой встречи между русскими и китайцами началась ползучая война, прерывавшаяся и возобновлявшаяся цепь военных столкновений. Русские создавали крепости, маньчжуры с переменным успехом штурмовали эти крепости и остроги.

В 1667 году вождь одного из монгольских племен Гантимур во главе своих 500 родственников перешел на сторону царской России. Это стало предметом дипломатической тяжбы между двумя государствами — Китаем и Россией.

Китайский автор признает, что монголы в 1660-х годах переходили на сторону русских. Иными словами, уже тогда монголы пытались избавиться от господства китайцев и опереться на помощь России.

В 1668 году в Пекин прибыло посольство Аборина. За исключением договоренностей в сфере торговли контакты не дали результатов.

В 1669 году Черниговский совершил нападение на Цицикар.

В 1668–1671 годах монгольские буряты начали атаковать опорные пункты русских: Балканск, Шленск, Илимск. В 1671 году их наскоки были отбиты.

В 1670 году в Пекин прибыло посольство Игнатия Милованова. Оно не дало результатов, кроме договоренностей о торговле.

С 19 декабря 1675 года по 1677 год Милеску-Спафарий по указу царя находился с миссией в Пекине, но это посольство не дало результатов.

С точки зрения китайского автора, в 1660–1670-х годах ситуация продолжала оставаться все той же. Русские, дескать, стремились закрепиться на захваченных у китайцев территориях, маньчжуры препятствовали этому. Русские направляли несколько миссий, которым удавалось договариваться только о торговом обмене.

В 1680–1683 годах Федор Воейков был назначен первым военным губернатором Нерчинска. Ему были подведомственны населенные пункты переселенцев из России между Нерчинском и рекой Аргунь, сюда же относилась крепость Албазин.

В 1682–1683 годах Цины построили город Айгун на левом берегу Амура в устье реки Зеи (в 1685 году город Айгун был перенесен на правый берег Амура).

В 1684–1685 годах Цины отправили четыре группы, по три человека в каждой, из пленных русских через Якутск, Тобольск, Спасск, Албазин в Москву с требованием к русским уйти из района бассейна реки Амур.

В первой половине 1680-х годов напряжение во взаимоотношениях нарастало. Русские укреплялись в ряде пунктов. Маньчжуры впервые предъявили ультиматум, требуя, чтобы русские ушли из района бассейна реки Амур.

Можно также обратить внимание на признание китайским автором того, что город Айгун был перенесен с левого на правый берег

Амура. Это могло свидетельствовать, что Амур представлялся естественным рубежом между двумя государствами.

В июне 1684 года царь направил Ивана Власова принять командование над Нерчинском, а Алексея Толбузина принять под свою команду Албазин. Это было сделано в целях активной подготовки войны.

В июне 1685 года войска Китая с двух направлений, речного и сухопутного, подошли к Албазину. Так началась война в Якса.

10 июля 1685 года после того, как цинские войска приняли капитуляцию русской армии, Толбузин во главе остатков войск вернулся в Нерчинск. Цинские войска сожгли Албазин и вернулись во свояси.

27 августа 1685 года Толбузин, получив подкрепление, вернулся на то место, где был Албазин, и стал восстанавливать крепость.

В июле 1686 года цинская армия снова окружила Албазин и начала штурмовать его.

В сентябре 1686 года Толбузин был убит выстрелом из винтовки, командование в Албазине перешло к Байтуну.

6 мая 1687 года цинские войска получили приказ остановить штурм; остаткам войск Байтуна было позволено свободно выйти из крепости.

В 1688 году из Пекина выступило посольство Созэту, однако из-за того, что русские войска задержали это посольство в Монголии, переговоры оказались невозможными.

7 сентября 1689 года было сформировано второе посольство Цинов; Китай и Россия заключили «Нерчинский договор» (Нерчинский договор о пограничном разграничении).

Китайский автор обвиняет русских в активной подготовке войны, пытается возложить на нашу сторону ответственность за начавшуюся в 1685 году войну.

На самом деле именно маньчжуры сосредоточили военные силы, которые в десять раз превосходили силы русских, и под военным давлением навязали России Нерчинский договор 1689 года, по которому захватили у России громадные территории, которые до того времени уже на протяжении четырех десятилетий принадлежали России.

Нерчинский договор, заключенный между Россией и Китаем о русско-китайской государственной границе и условиях торговли, был подписан 27 августа 1689 года.

Итак, с точки зрения китайского автора, наши двусторонние отношения начались с «вторжения» русских в пределы северо-востока Китая, с войны между двумя государствами, закончившейся подписанием, как утверждают в КНР, «единственного» в истории «равноправного» и «справедливого» договора о границе между Россией и Китаем, то есть Нерчинского договора.

С нашей точки зрения, речь шла о пограничном размежевании в тех краях, которые осваивались в то время и русскими, и китайцами.

При этом маньчжурскими не были не только земли севернее реки Амур, но и значительная часть земель южнее реки Амур.

Нерчинский договор был навязан России под давлением численно превосходящих военных сил маньчжуров и означал захват Китаем обширных земель, принадлежавших России.

Поэтому, вполне естественно, русских не покидала мысль о восстановлении справедливости и освобождения от насильственно навязанного неравноправного Нерчинского договора, то есть о возвращении своих насильственно и временно отторгнутых русских земель.

Так возник вопрос о пограничном размежевании.

Характерно, что одновременно с возникновением и существованием этого вопроса обе стороны соглашались поддерживать определенные торговые отношения.

Сочетание проблемы территориального размежевания с взаимной экономической заинтересованностью было присуще отношениям России и Китая с самого их возникновения.

Отдельно представляется необходимым подчеркнуть, что в КНР в начале нынешнего двадцать первого столетия русских обвиняют в том, что именно и только они «активно готовили войну» против Китая. Согласно этой версии, собственно двусторонние отношения начались с рейдов казаков, захватов китайских земель, а затем с активной подготовки войны, ответственность за начало которой должны нести русские. Китайцы просто, дескать, обороняли свои земли, стремились «вернуть» то, что захватили русские. Одержали победу в навязанной им войне и заставили русских подписать равноправный Нерчинский договор, «вернув» себе земли от Байкала до Тихого океана, включая остров Сахалин. Такой картина событий представлена современным читателям в КНР.

Главное при этом, с нашей точки зрения, состоит в том, что тут упор делается на войне как на изначальном и главном способе решения проблем во взаимоотношениях русских и китайцев.

В этом чрезвычайная опасность современной пропаганды в КНР, воспитания китайского населения, в особенности подрастающих поколений, в духе «естественности» войн Китая против России.

31 августа 1727 года Китай и Россия заключили «Буринский договор о границе».

20 августа 1727 года был подписан Буринский трактат об определении государственной границы между Россией и Китаем в районе Халха-Монголии.

23 октября 1727 года Китай и Россия заключили «Договор о границе в Абагайту».

12 октября 1727 года стороны подписали Разменное письмо о демаркации согласно Буринскому договору русско-китайской границы на восток от Кяхты до верховьев реки Аргунь.

2 ноября 1727 года Китай и Россия парафировали «Кяхтинский договор о границе».

21 октября 1727 года был подписан Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем.

17 мая 1728 года было подписано Разменное письмо об избрании на реке Аргунь мест для строительства русской и китайской торговых слобод.

7 ноября 1727 года Китай и Россия заключили «Спасский договор о границе».

25 июня 1728 года Китай и Россия официально заключили «Кяхтинский договор о границе» (Договоренность о соглашении на совещании в Кяхте).

29 октября 1768 года Китай и Россия заключили «Дополнительные статьи к соглашению о границе в Кяхте».

8 февраля 1792 года Китай и Россия заключили «Договор в городе Кяхте».

8 февраля 1792 года был подписан Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме.

Таким образом, восемнадцатый век характеризовался медленным, но постоянным процессом согласования между русскими и ки-

тайцами и вопросов, касавшихся пограничного размежевания, и вопросов, дававших возможность налаживать торговый обмен между двумя государствами.

В этом начинало находить свое проявление совпадение национальных интересов обеих сторон, которые требовали и устойчивого пограничного размежевания, и налаживания экономических связей между сторонами.

Цзян Чанбинь считает, что в девятнадцатом веке Россия находилась на подъеме, в то время как Китай ослаб. При этом, с его точки зрения, Россия вела в те годы многообразную подготовку с целью захвата бассейна реки Амур. Деятельность Н. Н. Муравьева характеризуется при этом как «экспансионистская».

Что касается вопроса об «ослаблении» или «усилении» того или иного государства, то это определялось главным образом тем, как шли дела внутри самого этого государства. Ослабление Великой Цинской империи действительно происходило, причем это было следствием внутренних для Китая причин.

Что же касается пограничного размежевания на Дальнем Востоке между Россией и Китаем, то оно действительно назревало.

Реки Амур и Уссури становились естественными рубежами такого размежевания. Времена, когда маньчжуры могли собрать в десятеро большую армию и под военным давлением заставить русских послов подписать неравноправный Нерчинский договор, прошли.

Национальное самосознание России требовало исправления исторической несправедливости и поправа маньчжурами национальных чувств русских людей.

Тем более что речь шла о размежевании не в районах, где непосредственно соприкасались земли русских и ханьцев, а в районах, которые находились за пределами даже мест проживания маньчжуров, куда ханьцы ими вообще не допускались до второй половины девятнадцатого века. Да, Россия укрепляла свои границы на Дальнем Востоке. Однако она при этом не захватывала никаких собственно китайских земель.

12 октября 1841 года цинское правительство приказало генерал-губернатору провинции Цзилинь вернуть на первоначальное место жительства из Пекина всех знаменных людей и ни в коем случае не позволять никаким людям, не имеющим права передвижения, менять места проживания.

1 июля 1842 года цинское правительство направило тысячу цзилиньских солдат, тысячу хэйлунцзянских (амурских) солдат для обороны Шэньяна.

22 июля 1842 года цинское правительство приказало генерал-губернатору Цзилиня в случае, если в пределах границ Китая будут сооружаться жилища, разрушать их.

В сороковых годах девятнадцатого столетия маньчжуры сосредотачивали военные силы южнее реки Амур. С точки зрения русских, это могло свидетельствовать о замыслах и планах военных действий как на Амуре, так и, при возможности, севернее Амура.

11 и 18 июля 1850 года русский Невельской обнаружил, что из устья реки Амур открывается выход в открытое море, в пролив; в устье реки построил первый опорный пункт — Зимний дворец Петра Первого. 13 августа создал второй опорный пункт — Николаевскую заставу.

Сами русские в это время активно изучали неизведанные и безлюдные земли, в том числе сделали открытие, свидетельствовавшее о том, что Амур впадает в моря Тихого океана.

13 мая 1853 года цинское правительство направило тысячу солдат из Шэньяна, две тысячи солдат из района реки Амур к югу от Амура для ведения боевых действий против армии тайпинов.

В 1850-х годах в Китае началось громадное по своим масштабам Тайпинское восстание.

В современных СМИ КНР, находящихся под руководством КПК, утверждается: «Война с целью создания Тай Пин Тянь Го — Небесного Государства Великого Покоя, была войной, следствием которой явились величайшие жертвы в истории человечества; ведь только за упомянутой войной по числу жертв следуют и Первая, и Вторая мировые войны. В результате войны с целью создания Тай Пин Тянь Го — Небесного Государства Великого Покоя — население Китая, которое до этой войны составляло 400 миллионов человек, сократилось до 240 миллионов человек». (См.: Лусюнь цанькао. 2009. 19 декабря. С. 32.) Из этого следует, что в ходе восстания тайпинов погибли 160 миллионов человек.

Таким образом, внутренние проблемы были в эти десятилетия главными для Великой Цинской империи. Для борьбы против тай-

пинов Цинам пришлось перебрасывать из Маньчжурии тысячи солдат в собственно Китай.

28 июня 1853 года российская тайная канцелярия направила ноту китайскому лифаньюаню, предложив установить пограничные знаки на восточном участке китайско-российской границы; у России тогда еще не было пограничных знаков, поэтому она предложила устанавливать знаки совместно. Цинские власти приняли ноту, приказав генерал-губернатору Хэйлуңцзяна выяснить, как обстоит дело.

В ситуации, когда Китай находился в состоянии смуты, когда власть цинского двора была неустойчивой, когда к власти могли прийти тайпины, а это грозило непредсказуемыми последствиями, когда Англия и Франция играли на противоречиях между Цинами и тайпинами и даже вели военные действия на территории Китая с целью оказания давления на Цинов, Россия стремилась обеспечить безопасность своих естественных рубежей на Дальнем Востоке. Закрепить в юридическом порядке, в форме договора, пограничное размежевание по рекам Амур и Уссури, и в этих целях оказывало дипломатическую и политическую поддержку цинскому двору. В этом русле и можно рассматривать предложения со стороны России совместно с Китаем установить пограничные знаки на границе между Россией и Китаем.

24 апреля 1854 года цинское правительство перебросило по тысяче солдат из Цзилина и Хэйлуңцзяна в Шаньдун для того, чтобы вести войну против армии крестьян.

6 мая 1854 года русский губернатор Восточной Сибири Муравьев на корабле «Аргунь» во главе более семидесяти судов и примерно тысячи казаков силой взял Айгун, стал продвигаться вниз по течению реки Амур, в нижнем течении реки стал устраивать заставы.

24 июня 1854 года цзилинский генерал-губернатор доложил о продвижении русских судов на восток. Цинский двор отдал приказ заранее не паниковать, действовать «без лишнего шума». Одновременно уведомил хэйлуңцзянского генерал-губернатора, что происходит борьба между Россией и Англией, и хотя к Китаю это не имеет отношения, тут возможен некий шантаж, поэтому действовать следует с осторожностью, не допуская провокаций.

Все это, в частности, означало, что русские занимались только возвращением отторгнутых у них по Нерчинскому договору территорий, на которых маньчжуров, собственно говоря, и не было, то есть занимались естественным и отвечающим интересам обеих наций делом, созданием постоянной границы между государствами. Русские не вмешивались во внутренние дела Китая, не выступали на стороне тайпинов против Цинов. Русские также понимали слабость Цинов, вероятность подчинения Цинов требованиям англичан. Поэтому они и предлагали Цинам договариваться о границе при условии невмешательства русских во внутренние дела Китая и даже поддержки Цинов в их противостоянии с англичанами.

Итак, Россия предлагала Китаю стабильную границу при условии исправления навязанного России неравноправного Нерчинского договора и поддержку Китаю в его борьбе за самостоятельность против иностранцев, в данном случае англичан и французов.

17 октября 1854 года происходила проверка границы совместно русскими и китайцами. Китайская сторона потребовала переговоров, но в этом было отказано. Местным генерал-губернаторам было приказано весной следующего года проверить, как идет эта работа, отправившись с этой целью на восток.

11 февраля 1855 года цинский двор приказал хэйлунцзянскому генерал-губернатору в случае, если русские суда пересекут границу, возвращать их обратно, разрешать им вернуться в свою страну; однако необходимо уведомлять о том, что впоследствии они не должны плавать по Амуру.

28 апреля 1855 года комиссия по проверке границы от двух провинций — Цзилинь и Хэйлунцзян — собралась и выступила в поход, направилась на реку Горбицу, чтобы вместе с российской стороной устанавливать пограничные знаки.

10 августа 1855 года Муравьев снова во главе флотилии отправился по Амуру. Цинское правительство приняло решение осенью того же года направить представителей Цзилиня, Хэйлунцзяна и Кулуна (Урги) в устье реки Сунгари (то есть в современное устье реки Амур) для встречи с Муравьевым с той целью, чтобы достичь договоренности, установить пограничные знаки.

20 сентября 1855 года комиссия по проверке границы трех провинций достигла Котуньтунь и до 23 августа много раз встречалась с представителями российской стороны. Муравьев потребовал, чтобы земли к северу от реки Амур отошли к России. Переговоры

были прерваны. Русская армия устраивала опорные пункты в нижнем течении реки Амур.

23 октября 1855 года китайская сторона продолжала поворачивать вспять русские суда. Среди них было одно судно, которое вмерзло в лед в 200 ли к северу от Айгуна. С этого судна китайскую сторону попросили предоставить лошадей. 11 ноября цинские власти запретили давать лошадей русским в аренду. Однако при этом оказавшимся в таком положении русским было разрешено выйти на берег и расположиться там. Китайские власти направили чиновников и солдат проследить за ходом событий. Русским были предоставлены продовольствие и кров. Весной после таяния льда им было приказано отправиться в путь.

Параллельно происходили два процесса, связанные с формированием границы: русские плавали по Амуру, несмотря на запреты китайской стороны, которая хотела сохранения условий Нерчинского договора, хотя на практике так никогда и не владела территориями на левом, или северном, берегу Амура; русские и китайцы осуществляли совместную проверку границы на ряде ее участков.

20 ноября 1855 года хэйлунцзянский генерал-губернатор, выполняя приказ властей, собрал отборные войска из Цицикара и других мест в количестве 500 человек. Эти войска были отправлены воевать против крестьян в провинцию Хубэй.

16 декабря 1855 года цинское правительство поручило своим чиновникам передать русским в качестве личного или частного мнения, что пограничные знаки разрешается устанавливать только в соответствии с тем, как это определено в Нерчинском договоре.

8 января 1856 года хэйлунцзянский чиновник уведомил власти о том, что в провинции Хэйлунцзян кроме раненых осталось только 400 солдат. Этого недостаточно. Цинское правительство согласилось остановить отправку оттуда войск для подавления крестьянского восстания в других провинциях. Было также дано указание набирать людей в солдаты и осуществлять соответствующую подготовку.

Русские начали прямо ставить вопрос о необходимости установить границу по рекам Амур и Уссури. Цины, с одной стороны, давали указания властям в Маньчжурии настаивать на условиях Нерчинского договора; с другой стороны, приказывали готовиться к военному решению вопроса о границе. Однако на практике Цины в то

время боролись за сохранение своей власти над Китаем, прежде всего против тайпинов; они также нуждались в поддержке со стороны России во взаимоотношениях с англичанами и французами.

25 января 1856 года хэйлунцзянский генерал-губернатор И-гэ по болезни оставил свой пост. На его место был назначен генерал-губернатором Хэйлунцзяна генерал-губернатор Или И-шань.

2 февраля 1856 года генерал-губернатор Цзилиня Цзин-чунь, ссылаясь на то, что в ряде пунктов, в Саньсин и других, имеет место соприкосновение с русскими и производятся некие действия, и при этом коварные замыслы русских невозможно предугадать, попросил вернуть в провинцию Цзилинь ее солдат, отправленных ранее на борьбу против тайпинов, чтобы укрепить оборону. Цинское правительство, ссылаясь на срочность вопроса о наступлении с целью подавления тайпинов, не утвердило эту просьбу.

25 марта 1856 года цинское правительство дополнительно перебросило из Цзилиня и Хэйлунцзяна по пять сот солдат, отправив их в провинцию Шаньдун в целях оказания отпора тайпинам.

28 июня 1856 года русская эскадра в третий раз отправилась в плавание по реке Амур. Цинское правительство приказало И-шаню, Цзин-чуню «внешне содействовать, по сути, внутри противодействуя» русским. По прибытии Муравьева прямо поставить перед ним вопросы, не доводя дело до провокаций; одновременно запретить населению вступать в контакты с русскими и торговать с ними.

24 августа 1856 года И-шань доложил о действиях судов русской эскадры и попросил цинское правительство потребовать от него, И-шаня, выдвинуть перед русскими свою позицию согласно следующим установкам: «вразумлять, исходя из благоразумия, внешне демонстрировать стремление арестовывать и удерживать, а применительно к тому, что делается в самом Китае, усилить оборонительные меры».

Ситуация во взаимоотношениях между Россией и Китаем, в особенности применительно к вопросу о пограничном размежевании, складывалась так, как это было практически возможно в условиях того времени.

Русские считали, что Нерчинский договор был им навязан, был несправедлив, был неравноправен, и потому самоутверждение России, русских как нации, требовало борьбы за пересмотр Нерчинского договора.

Вместе с тем русские исходили из необходимости поддерживать вечные мирные отношения с тогдашним китайским государством, с Великой Цинской империей, а это предполагало необходимость считаться с тем, что Маньчжурия, то есть земли южнее Амура и западнее Уссури, были в значительной части маньчжурскими землями.

На них Россия не претендовала.

Напротив, предлагала Цинам не только провести границу по Амуру и Уссури, но и поддерживала Цинов в их политике сохранения династии Цин у власти в Китае и в оказании Цинами соответствующего отпора англичанам и французам, которые, в отличие от России, пытались играть на противоречиях между Цинами и тайпинами, по сути дела поддерживая тайпинов.

Далеко не случайно в инструкциях цинского двора властям на местах в Маньчжурии давалось указание даже «содействовать» русским при фактическом создании ими ситуации, при которой разграничительной линией между Россией и Китаем становилась река Амур.

Другое дело, что такое «содействие» предлагалось считать только «внешним», сохраняя при этом «внутреннее противодействие».

Это было согласие с разумным решением вопроса о границе на практике при сохранении на будущее в подвешенном состоянии, по крайней мере внутри, в сознании китайской стороны, замысла, набравшись сил, добиваться нового решения вопроса о границе.

19 июня 1857 года русские корабли с семью-восемью сотнями людей на борту бросили якорь в Хайланьпао (Благовещенске). Воздвигли более 20 построек, оборудовали позиции для артиллерийских орудий, назвали Хайланьпао Благовещенском (что означает: «Город доброй или радостной вести»). Цины заявили протест Муравьеву. Муравьев заявил, что левый берег реки Амур будет находиться во власти России, что там будет создана «Амурская оборонительная линия».

11 июля 1857 года цинское правительство приказало И-шаню, Цзин-чуню при ведении переговоров с русскими не доводить дело до крайностей и в то же время приводить разумные доводы; запрещалось простонародью в частном порядке вступать в сделки торгового характера с русскими; был дан наказ усилить работу в войсках в целях укрепления обороны.

Русские демонстрировали намерения создать «Амурскую оборонительную линию», то есть договариваться о границе по реке Амур.

При этом подчеркивалось, что речь идет об «оборонительной линии». Иными словами, русские были намерены защищать только свои исконные земли. Они подтверждали, что не «замахиваются» на земли маньчжурской династии. Агрессивных и наступательных намерений у русских не было.

Китайские представители получили из Пекина указания при переговорах «не доводить дело до крайностей». Это означало понимание необходимости реального компромисса по вопросу о границе.

Вместе с тем Цины стремились разделять китайское и русское простонародье, запрещать китайцам вступать в сделки торгового характера с русскими.

В то же время предписывалось усилить работу в войсках.

Таким образом, понимая необходимость новой договоренности о линии границы, китайская сторона брала курс на воспитание населения в духе обиды на русских, отношения к русским как к экспансионистам и захватчикам якобы исконно китайских земель, а также на подготовку армии к будущему новому переделу приграничных земель. В принципе такая установка, появившись в 1850-х годах, сохраняется в Китае до настоящего времени.

12 июля 1857 года цинское правительство в целях осуществления военных действий против армии тайпинов последовательно перебросило из провинций Цзилинь и Хэйлуцзян 13 000 конников. Часть из них была потом возвращена обратно. Но более 6 тысяч солдат из провинции Цзилинь и более 2 тысяч солдат из провинции Хэйлуцзян по-прежнему оставались в южных провинциях Китая. В силу того что эти люди находились там в течение продолжительного времени, причем в непривычном климате и условиях, они очень устали и среди них начались эпидемические заболевания, поэтому цинское правительство решило вернуть на родину часть этих людей.

24 июля 1857 года в силу срочной необходимости обороны провинции Хэйлуцзян по просьбе И-шаня цинское правительство отправило из Шэньяна 50 тонн пороха в провинцию Хэйлуцзян.

2 сентября 1857 года хэйлуцзянский генерал-губернатор И-шань, воспользовавшись возвращением русского чиновника Путятина, на реке Амур повел с ним переговоры о местонахождении границы на реке Уди.

8 октября 1857 года И-шань доложил о том, что русские продолжают на левом берегу Амура и в районе реки Цзинцилицзян действовать: строят дома, поднимают целину, сажают овощи, явно

проявляют намерения обосноваться надолго. В том же году 6 тысяч переселенцев из России заняли большие площади на левом берегу Амура, основали казачьи станицы. Русское правительство оставило без внимания протест Китая.

24 октября 1857 года в силу необходимости противостоять на юге Китая армии тайпинов цинский двор не придавал должного значения укреплению обороны и, действуя так же, как и раньше, перебросил в срочном порядке в провинцию Хубэй 2300 солдат из провинций Цзилинь и Хэйлунцзян.

В 1850-х годах Россия подверглась опасности. Англичане и французы вели боевые действия в Крыму, угрожали морскому побережью России на Тихом океане и прилегающим землям. Россия не могла исключить того, что англичане могут оказать нажим на цинские власти с тем, чтобы посягать и на русские земли на Дальнем Востоке.

Вместе с тем укрепление обороны против вероятных действий англичан совпадало с процессом естественного пограничного размежевания по реке Амур.

Русские создавали оборонительную линию на реке Амур, появлялось забайкальское казачество.

Россия вела дело к тому, чтобы левый берег Амура был юридически закреплён за Россией, а правый — за Китаем.

Такое пограничное размежевание позволяло практически навечно создать стабильную обстановку на границе между Россией и Китаем на Дальнем Востоке.

Цинский двор также учитывал, что Россия выступала в то время за сохранение власти Цинов в Китае, что помогало им в борьбе против тайпинов.

Во второй половине девятнадцатого века Китай и Россия заключили, по мнению китайской стороны, «неравноправные договоры»: «Айгунский договор» и «Тяньцзиньский трактат» 1858 года; «Пекинский договор» 1860 года.

16 мая 1858 года Россия и Китай подписали Айгунский договор о возвращении России левобережья Амура, установлении русско-китайского кондоминиума в Уссурийском крае и торговле по рекам Амур, Сунгари и Уссури.

1 июня 1858 года Россия и Китай подписали Тяньцзиньский трактат, заключенный между Россией и Китаем об условиях политических взаимоотношений, торговле, определении границ, изме-

нении регламента и порядка финансирования Пекинской духовной миссии.

2 ноября 1860 года Россия и Китай подписали Пекинский дополнительный договор об определении восточного и западного участков русско-китайской границы, порядке дипломатических отношений и о торговле в Кульдже.

Цзян Чанбинь следующим образом описывает этот период в двусторонних отношениях:

26 февраля 1858 года русский посланник Путятин заявил цинскому правительству, что границей между Россией и Китаем должны служить реки Амур и Уссури.

29 марта 1858 года цинское правительство приказало генерал-губернатору провинции Цзилинь Цзин-чуню проверить состояние дел с границей.

14 апреля цинское правительство отдало приказ И-шаню, Цзин-чуню твердо держаться границы, определенной Нерчинским договором, и ограничиваться только утверждением местоположения реки Уди.

12 мая 1858 года Тань Тинсан доложил том, что позиция России тяготеет к переменам; после того, как русским было дано согласие на статьи о торговле в пяти пунктах, они по-прежнему настаивали на том, чтобы граница проходила по рекам Амур, Сунгари, Суйфэньхэ, а также при этом угрожающе заявляли, что если китайская сторона не согласится на это, тогда Россия будет оставаться безучастной к тому, что творят другие государства (имелось в виду «посредничество с целью примирения» в связи с агрессией против Китая объединенной армии Англии и Франции).

Россия связывала подписание договора о границе с продолжением оказания Цинам «посредничества с целью примирения» во взаимоотношениях Цинской империи и действовавшей тогда на территории Китая, в том числе в столице Китая Пекине, объединенной армии Англии и Франции.

Слабость Китая того времени была прежде всего и главным образом его внутренней слабостью.

Когда Китай был сильнее России в том или ином конкретном пункте, в частности в районе, где шли переговоры о Нерчинском договоре, он пользовался своим численным военным преимуществом и

слабостью положения представителей России и навязал России неравноправный Нерчинский договор.

Таким образом, Китай отнял тогда у России те ее земли, которые ей принадлежали уже на протяжении сорока лет, отнял у России то, что Китаю никогда не принадлежало. Это произошло в конце семнадцатого века.

В середине девятнадцатого века Россия, сумев избавиться от своих слабостей, в данном случае настаивала на возвращении своих земель.

Таковы были отношения между государствами в те времена. Россия в данном случае просто восстанавливала свои права, восстанавливала равноправие в исторических взаимоотношениях с Китаем.

13 мая 1858 года цинское правительство еще раз приказало генерал-губернатору Хэйлуңцзяна И-шаню вместе с Муравьевым сверить с подлинником всю границу, действуя при этом строго в соответствии с прежними указаниями, не допуская уступок, что приведет к негативным последствиям в будущем.

23 мая 1858 года хэйлуңцзянский генерал-губернатор И-шань начал переговоры с губернатором Восточной Сибири России Муравьевым.

28 мая 1858 года И-шань, покоровшись угрозе военной силы со стороны России и ее политическому шантажу, подписал китайско-русский «Айгунский договор», по которому более 600 тысяч квадратных километров территории к северу от реки Амур отошли к России, а более 400 тысяч квадратных километров к востоку от реки Сунгари оказались в «совместном ведении» Китая и России. Цинский двор никоим образом не признал содержание этого договора.

Цзян Чанбинь утверждает, что Айгунский договор был подписан китайской стороной под давлением двух обстоятельств: угрозы применения военной силы и политического шантажа.

На самом деле Россия не угрожала применить военную силу.

В договоре было зафиксировано реальное положение вещей на тот момент.

Более того, если при подписании Нерчинского договора шли военные действия, в которых просто был некий перерыв, и китайская сторона оказала военное давление на делегацию русских, имея десятикратное численное преимущество в военной силе, то ничего подобного при подписании Айгунского договора не было.

За «шантаж» Цзян Чанбинь хотел бы выдать политическую ситуацию, в которой Россия оказывала посреднические услуги цинскому двору в его переговорах с объединенными военными силами Англии и Франции.

Китайский автор в данном случае применяет обычный прием китайской дипломатии: заявляет о том, что китайский чиновник, подписавший документ, не имел на то полномочий, или что центральное правительство Китая не утвердило подписанный договор.

29 мая 1858 года цинское правительство снова перебрало по пятьсот солдат из провинций Хэйлунцзян и Цзилинь в Пекин с целью оказать помощь Цзэнгэлиньби.

Русско-китайские отношения разворачивались тогда в условиях, когда цинская монархия вела полуторадесятилетнюю внутрикитайскую войну против восставших тайпинов, находилась в состоянии войны с объединенной армией англичан и французов.

Россия стремилась тогда договориться о разумном пограничном размежевании по рекам Амур и Уссури.

Россия не претендовала на маньчжурские земли в Северо-Восточном Китае, не участвовала в военной экспедиции в Китае англичан и французов, не занималась интригами, то есть не поддерживала тайно борьбу тайпинов против монархии.

Напротив, Россия твердо выступала за сохранение власти Цинской династии в Китае, предлагала свое посредничество во взаимоотношениях китайской империи с Великобританией и Францией.

Вместе с тем Россия стремилась к определенности в пограничном размежевании. Стремилась выправить перекося в сторону неравноправия, созданный Цинами в результате подписания Нерчинского договора, вернуть присвоенные Цинами земли Русского государства.

Цзян Чанбинь специально многократно возвращается к описанию того, как Цины были вынуждены перебрасывать солдат из Маньчжурии в собственно Китай для борьбы против тайпинов.

Тем самым китайским читателям внушается мысль о том, что Россия, дескать, воспользовалась неурядицами и смутой в Китае, тем, что военные силы Китая были тогда переброшены в другие районы Китая, не находились в районе российско-китайской границы, чтобы навязать перераспределение земель и «отнять» у Китая его территории.

24 июля 1858 года заместитель генерал-губернатора провинции Хэйлунцзян получил указание составить с Муравьевым положение о торговле с Россией в 14 статьях, вел переговоры с Муравьевым; русская сторона выдвинула иное мнение по трем статьям, но не получила ответа.

13 июня 1858 года Китай и Россия подписали «Тяньцзиньский договор».

Так или иначе, но в 1858 году на практике Россия и Китай договаривались о пограничном размежевании и о торговых взаимоотношениях.

9 августа 1858 года русская армия на правом берегу реки Уссури в районе Тулемишань и в других районах стала обустривать места для артиллерийских батарей, сооружать дома и прокладывать дороги, стала продвигаться вверх по реке Сунгари. Цинское правительство приказало И-шаню, Цзин-чуню заявить строгий протест.

21 декабря 1858 года Муравьев отправил Будогосского во главе «отряда проверки» для сверки границы к востоку от реки Уссури. В тот же день посланцы Муравьева уведомили заместителя фудутуна Айгун Цзиламина. Последний ответил, что «в целях размораживания вопроса о плавании судов лучше уже пойти на соглашение».

Русские обустривали приграничную полосу. Русские осуществляли геодезическую съемку местности, имея целью составление карты и демаркацию границы. Китайские власти, с одной стороны, вместе с русскими участвовали так или иначе в этой работе, но, с другой стороны, как подчеркивает Цзян Чанбинь, стремились не допускать плавания русских судов по пограничным рекам и по Сунгари, а также заявлять протесты тогда, когда, по их мнению, русские продвигались вверх по реке Сунгари.

В 1858 году канцелярия Айгунского фудутуна с левого берега реки Амур была перенесена на правый берег реки Амур (сегодня это район Айгун провинции Хэйлунцзян).

Китайские власти перенесли в 1858 году орган местной власти с левого берега реки Амур на ее правый берег. Это означало, что на практике устанавливалась естественная речная граница по реке Амур.

24 января 1859 года цинское правительство сочло, что то, что русские хотят оккупировать земли к востоку от реки Уссури, представляет собой намеренное нарушение договора; и в этом вопросе Китаю трудно пойти на уступки; правительство потребовало от И-шаня «аргументировать нашу позицию и сделать ясным, что здесь полезно, а что приносит вред», поставив, таким образом, вопрос перед Муравьевым. Однако при этом было также сказано, что «тут не целесообразно проявлять излишнюю резкость».

В 1858 году стороны подписали Айгунский договор. Согласно этому документу Приморский край оказался в совместном владении России и Китая.

Очевидно, что китайская сторона ставила препятствия, по крайней мере на уровне обмена мнениями, на пути освоения русскими Приморского края.

В то же время ясно, что китайская сторона и в этом случае применяла обычный дипломатический прием.

Она понимала, что разумное решение вопроса предполагает допустимость действий и Китая, и России по освоению Приморского края, в договорно-правовом смысле соглашалась с мнением России, но в то же время на будущее» фиксировала свое «несогласие» с позицией и шагами России.

Китайская сторона не обладала военными силами, в опоре на которые она могла бы вести военные действия.

Она понимала, что речь идет о разумном размежевании по рекам Амур и Уссури.

В ситуации, когда реально изменить положение у Китая не было сил, китайская сторона действовала «без излишней резкости», то есть на практике принимала разумные предложения России, соглашалась с ее разумными шагами по пограничному размежеванию на реках Амур и Уссури и в то же время оставляла «на будущее» «резкие действия», намекая на то, что именно они были бы тут нужны, если бы были силы.

18 марта 1859 года цинское правительство сместило с его должности фудутуна Хэйлунцзяна Цзиламина за то, что допустил, чтобы Будогосский вел проверку границы на реке Уссури. Однако по просьбе И-шаня фудутун был «временно оставлен исполнять эти обязанности».

6 апреля 1859 года «отряд по проверке границы» Будогосского прибыл в Хайланьпао. Отправил на переговоры в Айгун перево-

дчика Шишмарева. Несмотря на препятствия со стороны Цзилами-на отправился вниз по течению и прошел вплоть до устья реки Туманной, составив соответствующую карту.

Тем временем русские обследовали местность и составляли карту, на основе которой можно было демаркировать границу вплоть до реки Туманной. Китайский чиновник И-шань, судя по его действиям, понимал, что реально установить границу по рекам Амур и Уссури.

14 апреля 1859 года цинское правительство отправило из Цзилиня и Хэйлунцзяна по тысяче солдат в Шаньхайгуань и Тяньцзинь с целью укрепления обороны.

27 мая 1859 года хэйлунцзянский генерал-губернатор И-шань доложил о том, что русские по направлению к расположенному в устье реки Уссури Боли (Хабаровску) и Цзикэдасу строят дома, разводят скот, произвольно захватывают и оккупируют эти земли. Цинское правительство приказало чиновникам заявить Муравьеву, что эти земли ни в коем случае не разрешается оккупировать; в случае опрометчивых действий, нарушающих договор, впоследствии придется восстанавливать добрые отношения, которым будет нанесен ущерб.

16 июня 1859 года цинское правительство приказало И-шаню отправить чиновника для того, чтобы вступить в переговоры относительно изменений тех статей «Айгунского договора», которые касались находившегося в «совместном ведении» Китая и России района к востоку от реки Уссури.

Цинские власти были вынуждены перебрасывать солдат в собственно Китай для подавления Тайпинского восстания.

В то же время создание русскими новых поселений, в частности Хабаровска, в Приморском крае цинские власти пытались толковать как изменение положений Айгунского договора о совместном владении этим краем.

Россия считала, что совместное владение предполагает освоение Россией этих земель, особенно фактически пустующих земель.

В данном случае Цзян Чанбинь подчеркивает, что позиция Китая уже в те времена состояла в том, что земли к востоку от реки Уссури «никоим образом нельзя оккупировать», «в случае опрометчивых действий, нарушающих договор, впоследствии придется восстанавливать добрые отношения, которым будет нанесен ущерб».

Это означало, что китайская сторона предупреждала и предупреждает Россию о том, что обоснование в Приморском крае — это, с точки зрения китайской стороны, нарушение договора, это нарушение добрых отношений, это опрометчивые действия, это нанесение ущерба добрым отношениям.

Более того, китайская сторона намекала, что когда-то придется восстанавливать добрые отношения, что предполагает возвращение Китаем земель к востоку от реки Уссури.

Россия не соглашалась с таким мнением и не должна никогда соглашаться с ним.

Тут надо сохранять ныне сложившееся положение.

Земли эти исконно — не китайские и даже не маньчжурские.

Россия начала их осваивать за сорок лет до подписания Нерчинского договора. Этот договор был навязан России силой. Поэтому и возвращение этих земель себе Россией путем демонстрации силы также является правовым действием. Это — восстановление равноправия в двусторонних отношениях. Пересмотр ситуации недопустим.

16 июня 1859 года русский чиновник Чичеров (Цисаров), начиная с 24 мая, отправился насильно на судах по реке Уссури; не подчиняясь возражениям, настаивая при этом на осуществлении торговли на реке Сунгари, он добрался до озера Синкайху (Ханка) и исследовал место впадения в него реки. В связи с этим цинское правительство приказало Тепуциню уведомить гражданское население о необходимости препятствовать всей этой деятельности с тем, чтобы заставить русских, когда они узнают о гневе населения, понять, что им трудно будет осуществлять свои преступные действия, и в надежде на то, что это заставит русских одуматься.

Русские понимали Айгунский договор таким образом, что обе стороны, в том числе русская сторона, имеют право осваивать земли к востоку от реки Уссури. Кроме того, русская сторона полагала, что сторонам выгодно и необходимо вести торговлю. Это предполагало движение русских судов по рекам. По пограничным рекам Амур и Уссури и по реке Сунгари, что позволяло налаживать торговые отношения.

В ходе переговоров китайская сторона выдвигала соответствующие возражения, что не мешало русским на практике осуществлять свои планы.

В то же время внутри Китая, в расчете на население Китая, цинские власти приказали гражданскому населению препятствовать всей этой деятельности русских.

Это означало, что цинские власти в официальных двусторонних отношениях занимали сдержанную позицию и в то же время использовали гражданское население, приказывая ему демонстративно протестовать против действий русских.

Курс цинских властей — разделять население России и Китая.

Не давать осуществлять торговые обмены и налаживать отношения.

Мало того, цинские власти хотели, чтобы русские узнали о «гневе» населения, то есть противопоставляли действиям русских «гнев» китайцев, настраивали население на вражду и ненависть к нашей стране и народу.

Это делалось с целью заставить русских перестать осуществлять свои «преступные действия», «одуматься», то есть отказаться от желания вернуть свои земли.

29 августа 1859 года на пост генерал-губернатора Хэйлуңцзяна был назначен Тепуцинь (фактически был у власти до 1862 года).

13 сентября 1859 года многочисленные русские суда нагло направились в Саньсин; однако дорога им была преграждена, и их вынуждали повернуть обратно. Вломившиеся в реку Уссури русские суда стремились продвигаться, не желали возвращаться. Они стали строить жилища. В районе Суйфэньхэ строить дорогу. Бесчинствовали всячески. Принимая это во внимание, цинское правительство предписало генерал-губернатору Цзилиня Цзин-чуню принять надлежащие меры, чтобы не допустить разнузданного произвола русских; однако в то же время не доводя дело до открытых столкновений, до войны.

2 октября 1859 года Цзин-чунь, Тэпуцинь доложили о ситуации, предложили направить войска в Суйфэньхэ, в район реки Уссури. Сконцентрировать силы и устроить демонстрацию. Все это с тем, чтобы обороняться от агрессии и продвижения русских. 8 октября им был дан приказ, разрешено провести подготовку и действовать.

20 октября 1859 года фудутун Фунияньа встретился с Муравьевым, поставил вопрос о том, что Уссури и Суйфэньхэ — это не территория России, там не разрешается проводить обследование местности. Потребовал вернуть суда обратно. Муравьев вел себя нагло и не желал прислушиваться к этим доводам; он просто выгнал Фунияньа на его судно.

5 ноября 1859 года дутун Хэйлунцзяна Айшэньцинь отправился в Хайланьпао заявить протест Муравьеву, который там остановился, и потребовал увести оттуда русские суда. Муравьев «не стал его слушать».

Россия стремилась открыть для себя возможность плавания по реке Уссури, которая с заключением Айгунского договора стала пограничной рекой.

Китайские власти характеризовали действия России «разнузданным произволом русских». В то же время местным чиновникам предписывалось «не доводить дело до войны».

С китайской стороны устраивались военные демонстрации под предлогом «обороны от агрессии и продвижения русских».

Фактически все эти действия китайской стороны были нарушением Айгунского договора.

Китайские чиновники заявляли, что район рек Уссури и Суйфэньхэ — это «не территория России».

Естественно, что Н. Н. Муравьев действовал на основе Айгунского договора.

2 декабря 1859 года русские сожгли селение в среднем течении реки Амур. Тэпуцинь доложил об этом и просил санкции на восстановление поселения.

11 декабря 1859 года в силу того, что царская Россия на протяжении длительного времени на левом берегу Амура создала 50 поселений (станций), во многих местах возводила строения, цинское правительство отдало приказ генерал-губернатору Хэйлунцзяна Тепуциню заранее провести необходимую подготовку; наладить соответствующие связи со знаменными войсками; осуществить впечатляющие демонстративные действия, которые должны были производиться солдатами и офицерами, переодетыми под простонародье; и в том случае, если русские будут продолжать возводить постройки, грабить продовольствие, сначала производить военные передвижения; можно также использовать солдат, чтобы смело осуществлять оборонительные действия. А также, исходя из того, что в Саньсин (Саньлань) выпал страшный град, помочь строительству там новых и восстановлению старых домов.

Итак, цинские власти подписали Айгунский договор, в соответствии с которым левый берег Амура был возвращен Россией, а земли

к востоку от Уссури перешли в совместное владение Российской и Цинской империй.

Обе стороны после этого имели возможность осваивать эти земли.

Россия стала развивать свою мирную жизнь на этих территориях.

Цинские власти заняли иную позицию.

Они вели себя таким образом, как будто бы Айгунского договора вообще не было.

Утверждалось, что центральные цинские власти не утвердили Айгунский договор.

В нарушение договора цинские власти требовали от русских не обосновываться ни на левом берегу Амура, ни к востоку от реки Уссури.

Цинские власти пошли на демонстрацию военной силы.

В то же время они пользовались формулировкой «не доводить дело до войны». Это означало, что в принципе война возможна. Но тогда, когда есть возможность победить. Это также означало, что с помощью такой формулы они обманывали русских и сдерживали их ответные действия. Возможно также, что здесь играл свою роль расчет пользоваться поддержкой России и в вопросе о борьбе против тайпинов, и в вопросе о борьбе против англичан и французов.

Цинские власти отдали приказ офицерам и солдатам переодеться под простонародье и демонстрировать гнев по отношению к русским. Было дано разрешение использовать солдат, называя это оборонительными действиями. Все это стало тем примером, которым воспользовался Мао в 1960-х годах, начав первым стрельбу по нашим бойцам на острове Даманском.

22 декабря 1859 года более ста русских солдат ворвались на заставу Уссури, выгнали оттуда должностных лиц китайской стороны; силой захватили Цялунь (заставу). Получив сообщение об этом, Цзин-чунь направил тысячу солдат на защиту (оборону) устья реки Сунгари (устья реки Хэйлунцзян).

28 декабря 1859 года русский чиновник... применяя оружие, разрушил восстановленное здание заставы. Тепуцинь принял решение перенести эту заставу на правый берег реки.

17 января 1860 года цинское правительство согласилось с тем, чтобы генерал-губернатор Цзилиня Цзин-чунь в Суйфэне, Уссури и так далее собрал подрядчиков, дал им право создавать поселения и дополнительно создать 14 застав. А также в различных местах тайно обучать войска, готовить винтовки и артиллерийские орудия.

18 февраля 1860 года цинское правительство утвердило доклад Тепуциня с тем, чтобы весной того же года создавать дружины из ороченов, хэчжэ, каяков, определить районы их действий, чтобы оказывать сопротивление разнuzданным вылазкам русских. Тепуцинь докладывал, что удалось собрать от 500 до 600 ороченов; они были разделены на пять групп, в каждой было по два офицера. Кроме того, он предложил в Моэргэне и других трех местах набрать 500 новобранцев, чтобы оборонять реку Амур от русских.

В марте — апреле 1860 года русские непрерывно совершали нападения с целью завладеть заставой на реке Уссури, брали в плен и удерживали офицеров этой заставы. Цзин-чунь уже отозвал в это время войска, и охрану несли хэчжэ. Сверху был получен приказ помогать хэчжэ, обеспечивать их существование. Все это делалось с тем, чтобы народ сам давал отпор агрессивным вылазкам русских.

Цинские власти действовали следующим образом.

Они пытались не производить таких действий, за которые русская сторона могла обоснованно упрекать их в нарушении Айгунского договора.

Так китайские власти пытались отделить официальные межгосударственные отношения на высоком уровне от состояния отношений на местном уровне.

Китайские власти тайно обучали войска и готовились применить их; обучали готовить винтовки и артиллерийские орудия, то есть вести настоящую войну.

В то же время было очевидно, что это могло произойти только в том случае, если бы китайцы каким-то образом получили преимущество, русские оказались ослаблены и возникла возможность путем войны пересмотреть Айгунский договор.

В ситуации, когда этого не происходило, маньчжурские власти применили иную тактику.

Они стали создавать дружины из ороченов. Определять районы их действий. Все это делалось под лозунгом «оказывать сопротивление разнuzданным вылазкам русских». В частности, были созданы пять групп по сто ороченов; каждой группой руководили два маньчжурских офицера.

Китайская сторона стремилась не допускать прямого столкновения маньчжурских и русских войск. Поэтому функции охраны соответствующих районов несли, в частности, хэчжэ. Власти помогали дружинам хэчжэ.

Маньчжурские власти стремились представить дело таким образом, как будто бы «народ сам давал отпор агрессивным вылазкам русских».

В данном случае китайские власти применили свой обычный прием во взаимоотношениях с нашей стороной, когда речь шла о границе. Они пытались действовать скрытно, не давая повода обвинить чиновников и военных в нарушении договоренностей. В то же время они десятилетиями и столетиями настраивали массы населения Китая на вражду и ненависть к нашей стране и народу.

3 сентября 1860 года цинское правительство приказало цзилиньскому генерал-губернатору Цзин-чуню, генерал-губернатору Хэйлуңцзяна Тепуциню отобрать по тысяче конников и в срочном порядке направить их в Тунчжоу, где они должны были ждать дальнейших распоряжений; все это делалось с целью оказать сопротивление объединенной армии англичан и французов.

23 сентября 1860 года (так как объединенная армия англичан и французов приблизилась к Пекину и 22 сентября император Сянь-фэн покинул Пекин и отправился в Чэндэ) цинское правительство отдало приказ перебросить 2 тысячи кавалеристов, набранных в Хэйлуңцзяне, во исполнение первоначального приказа в Жэхэ, чтобы защищать императора.

28 октября 1860 года царская Россия, воспользовавшись «паузой» в войне между Китаем, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, выдвинула проект договора из 15 статей, император Сянь-фэн дал приказ уведомить Россию: Суйфэнь, Усури точно так же, как и Цзици, Котуньтунь, будут переданы в аренду русским для поселения.

8 ноября 1860 года император Сянь-фэн считал, что представленные русскими 15 статей «все же являются компромиссом, и поручил действовать в соответствии с их содержанием», «можно в соответствующее время поставить печать (в знак согласия)» на документе.

14 ноября 1860 года Китай и Россия подписали «Пекинский договор» (Китайско-русский дополнительный договор).

30 декабря 1860 года в соответствии с «китайско-русским Пекинским договором», с теми его положениями, которые касались проверки восточного и западного участков границы и постановки пограничных знаков, цинское правительство назначило уполномоченных для осуществления этих действий с русской стороной, в том числе цзилиньского генерал-губернатора Цзин-чуня.

В сентябре 1860 года цинский двор оказался в отчаянном положении. Объединенная армия англичан и французов вошла в Пекин, маньчжурский император перебрался в Чэндэ. В октябре того же года стороны вели переговоры. Россия не выступала на стороне англичан и французов.

В то же время Россия настаивала на подписании Пекинского дополнительного договора.

Этот договор был подписан 14 ноября 1860 года.

Цинский император согласился с условиями договора. Иными словами, китайская сторона согласилась со справедливым и рациональным пограничным размежеванием, то есть с установлением границы по рекам Амур и Уссури. Таким образом, китайская сторона согласилась с тем, что Россия возвратила свои земли, на сей раз Приморский край. Стороны повели переговоры о постановке пограничных знаков.

24 января 1861 года принц Гун счел, что Цилинь и Хэйлунцзян соседствуют с Россией; оборона границы представляется крайне важной; если раз за разом переводить оттуда кавалерию, возникнет вакуум, что грозит несчастьями; в дальнейшем не следует передислоцировать оттуда конницу. Цзин-чуню и Тепуциню было дано приказание усилить обучение войск, выделять необходимые средства для выполнения этой задачи.

6 февраля 1861 года Цзин-чунь докладывал о том, что Россия пытается в местах, где она проверяет прохождение границы, силой занимать районы вдоль реки Хойчуньхэ.

26 февраля 1861 года Муравьев под тем предлогом, что хэйлунцзянский генерал-губернатор и фудутун не выполнили положения договора о том, что необходимо платить налоги при свободной торговле между людьми двух стран в пограничных пунктах, потребовал заменить хэйлунцзянских генерал-губернатора и фудутуна; в этих целях попросил цинское правительство приказать хэйлунцзянским генерал-губернатору и фудутуну действовать в соответствии с договором, содействовать торговле между сторонами.

История повторялась. Китайская сторона подписывала договор на государственном или на самом высоком уровне. Но на местах чиновники, естественно выполняя указания императорского же двора, не желали выполнять его условия. России приходилось различными способами добиваться выполнения, в частности, условий договора,

которые были направлены на содействие торговым связям между сторонами.

Одновременно цинский двор дал приказ на местах усилить обучение войск. Было также решено больше не переводить из приграничных районов войска, чтобы на границе «не создавался вакуум». Все это в совокупности и было дипломатической практикой китайской стороны в рассматриваемый период.

С 18 по 28 июня 1861 года Китай и Россия подписали «Протокол о разграничении восточной границы» (Дополнительные статьи к дополнительному договору между Китаем и Россией). Определили, что от устья реки Уссури до устья реки Туманной совместно устанавливаются 8 пограничных знаков; однако заранее, без согласования, было определено местоположение этих знаков; кроме того, подписанными соглашениями предусматривалось следующее. Приложение номер один: «Протокол о китайско-российской границе от реки Уссури и до выхода в море». Приложение номер два: «Протокол об установке пограничных знаков от реки Уссури до устья реки Туманной».

8 декабря 1861 года Тепуцинь доложил, что в силу того, что Китай и Россия заключили новый договор, необходимо внести изменения в линию охраны границы; новая линия не будет проходить по районам севернее реки Амур.

4 марта 1862 года Китай и Россия заключили «Устав торговли на суше».

Россия приобщила Китай к нормальному равноправному порядку во взаимоотношениях между государствами на границе и приграничных территориях. Речь шла о постановке пограничных знаков, теперь уже на реке Уссури и вплоть до реки Туманной. Речь также шла о подписании специального документа, определявшего правила торговых отношений, то есть «Устава торговли на суше». Дополнительный Пекинский договор был подписан в ноябре 1860 года. Китайские власти на местах стали исходить из того, что новая линия границы «не будет проходить по районам севернее реки Амур», только в декабре 1861 года.

2 июня 1863 года генерал-губернатор Хэйлунцзяна Тепуцинь докладывал о том, что русский чиновник из Хайланьпао Бусэи, не слушая уговоров и невзирая на препятствия, самовольно отправился в Цицикар, потребовав, чтобы в этом провинциальном горо-

де была развернута двусторонняя торговля, а затем пожелал отправиться в Цзилинь, чтобы по реке Сунгари возвратиться на родину, а также хотел, чтобы в аренду были сданы земли для сельского хозяйства на правом берегу реки в районе Якса, чтобы в аренду были сданы земли на правом берегу реки Айгун для подъема целины; хэйлунцзянский генерал-губернатор препятствовал всему этому и отправил людей арестовать упомянутого чиновника и выпроводить его за границу.

Русские прилагали усилия с тем, чтобы налаживать торгово-экономические отношения между соседями.

С точки зрения благоприятствования развитию этих отношений, содействия установлению торговых и экономических связей, которые помогают и налаживать взаимопонимание, и вообще создавать здоровую основу двусторонних отношений в целом, это было позитивное явление.

Ведь, иными словами, русские стремились к тому, чтобы русские лучше узнавали китайцев, а китайцы русских; причем в ходе нормального торгового обмена и развития экономических отношений.

Сюда же относятся и предложения русских китайцам сдавать земли в аренду для подъема целины и ведения сельскохозяйственного производства. В относительно безлюдных местах это было бы тогда нормальным развитием двусторонних отношений.

Позиция маньчжурских властей была иной. Они практически и в принципе продолжали видеть в русских исключительно захватчиков китайских земель. Они настраивали население Маньчжурии против русских. Они не допускали контактов, в том числе торговых и экономических, между русскими и жителями Маньчжурии.

Действия маньчжурских властей были направлены на то, чтобы не допускать общения и налаживания торгово-экономических связей, а следовательно, и взаимопонимания между русскими и китайцами — жителями разных берегов пограничных рек.

Китайские власти выпроваживали русских с территории Маньчжурии и настраивали население Маньчжурии на вражду и ненависть к русским, которых предлагали считать захватчиками, агрессорами, экспансионистами, теми, кто якобы наносил урон национальным чувствам китайцев.

Так закладывались основы отношения к нашей стране и народу, которое особенно сильно проявилось во времена правления Мао Цзэдуна. Или, во всяком случае, именно в таком духе в КНР в начале нынешнего века стремятся воспитывать современных китайцев.

В начале августа 1864 года русский чиновник Шишмарев на своем судне с солдатами пошел вверх по реке Сунгари под тем предлогом, что ему необходимо увидеться с генерал-губернатором Цзилия по важному делу; по пути составлял карту рек и гор, не слушая увещаний.

В июне 1866 года посланник России потребовал, чтобы русским купцам было предоставлено право вести торговлю в провинции Хэйлуцзян, и заявлял, что уже направлена официальная бумага, предписывающая поступать таким образом генерал-губернаторам Восточной Сибири и Хэйлуцзяна; он просил цинское правительство «в полосе шириной в сто ли вести торговлю в соответствии с имеющимся уставом, за пределами полосы в сто ли действовать в соответствии с особыми инструкциями». Хэйлуцзянский генерал-губернатор докладывал о том, что не следует разрешать русским вести торговлю, так как в самой провинции Хэйлуцзян на местном уровне воспрепятствовать этому невозможно.

Русские проводили работы по съемке местности в целях составления географических карт. Цинские власти выдавали эти действия за якобы исключительно военный шпионаж русских, которые, дескать, готовились напасть на Китай, пойти войной против Китая, за захват китайских земель.

На самом деле и эти действия русских, и работа по определению линии границы, по демаркации границы, по развитию торговли в приграничных районах, предложения поднимать целину под сельскохозяйственные угодья — все это было, в сущности, действиями русских, которые помогали китайцам осовремениваться. Можно сказать и по-иному: когда соседи живут рядом один с другим, им так или иначе приходится приспосабливаться одному к другому. Русские активно содействовали тогда такому приспособлению. Маньчжурские власти делали все возможное, чтобы отгородить свое население от общения с русскими.

История сложилась таким образом, что Россия в свое время оказалась экономически более развитой страной, чем Китай.

Россия продолжала развиваться. В том числе предпринимала шаги для развития приграничных китайских территорий.

Тогда сами маньчжурские власти сделать всего этого не могли.

Следовательно, речь шла о том, что обе стороны на протяжении некоторого времени могли получать выгоду от соседства.

Затем, когда условия для этого созрели, наша сторона передала китайской стороне экономические рычаги.

При этом полностью сохранялся суверенитет Китая над его территориями.

Во всяком случае, именно так все сложилось в конечном счете.

Китайская сторона не только противодействовала многим действиям русских, но и настраивала свое население против русских как страны и народа.

Русские же остались в конце этого своеобразного процесса развития России и Китая в Маньчжурии во второй половине девятнадцатого и в первой половине двадцатого века с ощущением черной неблагодарности китайских властей в ответ на помощь Китаю в его развитии и в ответ, в советские времена, на искреннюю помощь с нашей стороны КПК и КНР в деле создания современной армии, военно-промышленного комплекса, включая создание ядерного оружия, и основы китайской тяжелой промышленности.

7 июня 1868 года в районе к востоку от реки Уссури китайские рыбаки и землекопы напали на русских солдат и убили их, сожгли заставу. Генерал-губернатор Цзилиня Фуминъя послал солдат, чтобы предупредить возможное развитие событий; в начале августа провел карательную операцию против тех, кто вошел в район Хойчуня, Нингута.

Вот еще одно свидетельство нарушения китайской стороной границы между двумя государствами.

Комментируя произошедшее, китайский автор в одно и то же время рассказывает о позиции китайского чиновника, исправлявшего создавшуюся ситуацию, и о действиях китайских солдат и землекопов, которые убивали русских солдат, сожгли их заставу.

Можно предположить, что китайским читателям это должно говорить о «справедливом возмущении» простых китайских людей и солдат «захватом» русскими «исконно китайских земель» восточнее реки Уссури.

27 апреля 1869 года Китай и Россия подписали «Исправленный устав осуществления наземной торговли».

В сентябре 1869 года русское судно незаконно вторглось через границу, не прислушалось к предупреждениям не заходить за нее и направилось вверх по течению реки Сунгари, достигло устья реки Хуланьхэ, требовало вести торговлю. В этой связи цинское правительство приказало генерал-губернатору Хэйлунцзяна Дэ Иьну изыскать способ, дабы воспрепятствовать таким действиям, строго

воспретить торговлю в таком частном порядке, а также направило ноту посланнику России в Пекине, требуя поступить соответствующим образом.

6 марта 1870 года российский генерал-губернатор Восточной Сибири возжелал весной того же года отправить чиновников в Цицикар, Цзилинь, чтобы обменяться мнениями с генерал-губернаторами Хэйлунцзяна, Цзилиня о торговле; цинское правительство приказало Фуминъя, Дэ Иъну пойти на это, решать вопросы путем компромисса, однако не идти на уступки.

Итак, Россия и Китай подписали совместный документ, определяющий порядок торговли. Это означало, что китайская сторона согласилась с разумными предложениями русской стороны, ратовавшей за налаживание нормальных, в том числе торговых, связей между приграничным населением обеих сторон.

При этом китайская сторона считала, что русские суда не должны плавать вверх по течению реки Сунгари. Этот вопрос предстояло урегулировать.

Факты свидетельствуют о том, что Россия стремилась налаживать торговые отношения.

Китайская сторона под разными предлогами пыталась тормозить осуществление подписанного обеими сторонами документа, регламентировавшего торговлю между двумя странами.

При этом позиция представителей китайской стороны на переговорах определялась становившимися обычными указаниями: «решать вопросы путем компромисса, однако не идти на уступки».

Центральные китайские власти во многих случаях ставили своих представителей на переговорах в двусмысленное положение.

От них требовалось не обострять ситуацию, искать компромисс.

В то же время центральные китайские власти всегда оставляли себе возможность дезавуировать любые действия своих представителей на местах, которым приходилось вести переговоры.

Так центральные китайские власти стремились сохранять в подвешенном состоянии многие проблемы в двусторонних отношениях.

3 апреля 1874 года цинский двор, рассматривая северо-восток в качестве своего важного опорного пункта, в целях предотвращения бандитизма и разбойных нападений приказал генерал-губернатору Шэньцзина Дусинъя подтвердить прежний порядок относительно портов и прибрежной полосы, строго запретить переселе-

ние на северо-восток бродячего населения из провинций Чжили и Шаньдун.

На это стоит обратить самое серьезное внимание.

Итак, еще в 1874 году маньчжуры, правившие Китаем, рассматривали свою родину — северо-восток, или Маньчжурию, в качестве своего важного опорного пункта.

Они стремились сохранять маньчжурские земли маньчжурскими.

При этом с их точки зрения, существовала угроза бандитизма и разбойных нападений. Очевидно, что маньчжуры считали ханьцев, или китайцев, теми, кто был способен заниматься бандитизмом или разбойными нападениями в Маньчжурии.

Именно исходя из этого императорский двор и приказал своему главному чиновнику в Шэньцзине, то есть в нынешнем Шэньяне, центре провинции Ляонин, строго соблюдать изначально установленный маньчжурами с момента завоевания ими Китая порядок, при котором маньчжурские знаменные войска строго охраняли порты и прибрежную полосу Желтого моря в Маньчжурии, не допуская переселения «бродячего», то есть китайского, или ханьского, населения, из соседних с Маньчжурией провинций Чжили и Шаньдун в Маньчжурию.

Таким образом, почти до конца девятнадцатого века в Великой Цинской империи сохранялся порядок, при котором ханьцам не разрешалось переселяться на те земли, которые маньчжуры считали только своей вотчиной, своей родиной.

Это, в частности, означало, что для маньчжуров отношения с Россией были отношениями с одним из своих соседей, а отношения с ханьцами были отношениями со своим другим, весьма своеобразным соседом, которого маньчжуры держали в подчинении, над которым они властвовали.

Из этого также можно сделать вывод о том, что начиная с семнадцатого века и вплоть почти до конца девятнадцатого века у России существовали отношения с маньчжурами, владевшими тогда Китаем, что маньчжуры выступали в этот период как своего рода «чужие» и для русских, и для ханьцев.

29 июля 1875 года командующий войсками цинской армии и генерал-губернатор провинции Чжили Ли Хунчжан доложили о плане подготовки обороны трех восточных провинций.

13 декабря 1876 года генерал-губернатор провинции Цзилинь доложил о том, что наводнение разрушило пограничные знаки,

разграничивающие границу между Китаем и Россией; в этой связи русской стороне была направлена нота с предложением восстановить эти пограничные знаки.

25 июня 1881 года цинское правительство санкционировало поручение У Давэю соорудить артиллерийские батареи в районах Хойчуня, Нингута по образцу батарей в Тяньцзине и Дагу в целях обороны на реках.

23 сентября 1881 года У Давэй в опытный порядок начал создавать поля военных поселений и «сажать» солдат в эти военные поселения в Нингута, Хойчуне, Саньсине.

6 февраля 1882 года У Давэй доложил о том, что в Хайшэньвэе китайцев слишком много, поэтому там необходимо учредить канцелярию по их делам, направить людей для их охраны. Правительство ответило, что этот вопрос обсуждал посланник Китая с российским министерством иностранных дел; генерал-губернатору Восточной Сибири была направлена нота о том, что китайский посланник Хоуцэнцзицэ и Россия достигли договоренности в дальнейшем решать этот вопрос. Цинское правительство разрешило У Давэю попросить об отводе армии обороны (оборонительных сил) из Цилиня, оставив только поля для военных поселений; эти земли можно распахать; отвести из одного района батальон; в другом районе переформировать в кавалерийский батальон, а на южном берегу реки Сунгари, в том месте, где сходятся границы Китая и России, устроить дополнительно береговую батарею.

20 июня 1882 года У Давэй переместил свою канцелярию вновь из Саньчакоу в Нингута. Доклад о пригодности подъема целины в горных районах. Цинское правительство приказало поднимать целину, создавать поселения и заниматься орошением, исходя из местных условий. У Давэй доложил, что Саньчакоу соприкасается с Россией; это удобно для поддержания дружественных отношений с русскими чиновниками.

Во второй половине 1870-х годов и в начале 1880-х годов с китайской стороны одновременно и параллельно делались шаги с целью наращивания военного присутствия в приграничных районах и в то же время поддерживались дружественные отношения с русскими чиновниками.

Китайская сторона явно признавала установленную по Айгунскому и дополнительному Пекинскому договорам границу.

По своей инициативе предлагала российской стороне совместно восстанавливать разрушенные природой пограничные знаки.

Китайская сторона поставила перед российской стороной вопрос о желательности появления во Владивостоке китайского консульства, обосновывая это значительным числом китайцев, проживающих в этом городе.

Вместе с тем такая постановка вопроса говорила о признании китайской стороной Владивостока российской территорией, то есть лишней раз подтверждала действительность Айгунского и дополнительного Пекинского договоров.

С 7 по 9 сентября 1883 года русские чиновники бесчинствовали в 64 поселениях, связывали и увозили людей. После этого и хэйлунцзянский генерал-губернатор, и правительство Китая (цзунли ямэнь) направили по отдельности ноты генерал-губернатору Восточной Сибири.

26 июня 1884 года русские снова захватывали земли в районе 64 поселений.

Автор стремился подчеркнуть существование вопроса о 64 поселениях на левом берегу реки Амур в районе города Благовещенска и в первой половине 1880-х годов. При этом российскую сторону обвиняли в захвате земель, в бесчинствах по отношению к маньчжурским военным поселенцам.

Важно обратить внимание на то, что при этой постановке вопроса фактически подтверждается положение Айгунского договора о принадлежности территории, на которой располагались упомянутые поселения, России.

В октябре 1884 года хэйлунцзянский чиновник докладывал, что начиная с сентября в районе Мохэшань находятся более 2 тысяч русских, а китайцев там всего 400 человек. Айгунский фудутун предложил направить туда обученные войска, чтобы их вытеснить.

13 января 1885 года хэйлунцзянский генерал-губернатор приказал хулуьнбэйэрскому фудутуну вытеснить русских, перешедших границу.

Здесь вводится тезис о том, что русские, дескать, постоянно в разных местах нарушали границу и китайской стороне, дескать, приходилось уже тогда посылать солдат, чтобы вытеснять русских с территории Китая. Пока трудно сказать, насколько обоснованы эти утверждения.

28 апреля 1885 года министерство иностранных дел докладывало о том, что в связи с тем, что на восточной границе Цзилиня много пограничных знаков поставлено ошибочно и со временем они разрушаются, надо, чтобы цинское правительство направило У Давэй, Икэтанъя заново проверить и поставить новые пограничные знаки.

7 мая 1885 года хэйлунцзянский генерал-губернатор докладывал, что более 4 тысяч русских перешли границу в районе Мохэшань; по этому поводу многократно направляли ноты русским, но русские отделяются красивыми словами, обещаниями и заговаривают зубы.

5 декабря 1885 года У Давэй обращается с просьбой к цинскому двору учредить местные органы власти в Нингута, Саньсин, Хойчунь.

1 февраля 1886 года комиссия по добыче золота в Мохэ докладывает, что в горах численность русских «воров-золотодобытчиков» достигла 4 тысяч человек; и хотя их вытесняют, они вламываются снова.

В то время параллельно происходили два процесса.

С одной стороны, стороны договаривались о постановке новых пограничных знаков взамен разрушившихся по разным причинам.

С другой стороны, китайская сторона утверждает, что русские занимались добычей золота на территории Китая.

3 июля 1886 года Китай и Россия подписывают «Хойчуньский договор о восточной границе».

8 июля 1886 года Китай и Россия подписывают «Протокол о проверке первого участка границы двух государств».

2 октября 1886 года Китай и Россия подписывают «Протокол о проверке второго участка границы двух государств», «Протокол о проверке третьего участка границы двух государств». И также подписывают «Протокол о проверке и изменении положения пограничных знаков «ВЭЙ» и «НА».

24 июля 1886 года цзилиньский министр по вопросам проверки границы У Давэй, хойчуньский фудутун Икэтанъя докладывали о проверке пограничных знаков вместе с русскими, в частности о проверке в районе Нингута знаков «ВЭЙ» и «НА».

10 октября 1886 года Китай и Россия подписали протоколы «о проверке шестого участка границы» и о «дополнительном определении границы».

15 октября 1886 года Китай и Россия подписали «Протокол о проверке пятого участка границы».

1 ноября 1886 года У Давэй доложил о завершении проверки между Китаем и Россией в провинции Цзилинь.

Во второй половине 1886 года стороны совместно осуществили проверку прохождения линии границы на местности и заменили деревянные пограничные знаки каменными. В том числе пограничный знак, обозначенный литерой «Е» на китайском берегу протоки Казакевича, что свидетельствовало о признании тогда китайской стороной принадлежности России островов у города Хабаровска.

Существует документ, подписанный представителями обеих сторон о замене этого пограничного знака и о его местоположении. Цзян Чанбинь, несмотря на важность этого факта, не упоминает о нем.

4 января 1887 года Россия направила ноту генерал-губернатору Хэйлуңцзяна Гун Тану, выдвинув пять принципов, касающихся поселений на левом берегу реки, о серьезной проверке этого участка. Речь шла о направлении для этого чиновника из Цзилиня.

21 января 1887 года Гун Тан доложил, высказав просьбу начать золотодобычу в районе Мохэ; цинское правительство приказало Ли Хунчжану сначала направить туда чиновника для серьезной проверки.

21 мая 1887 года хэйлуңцзянский генерал-губернатор попросил Цзилинь направить чиновника Ли Цзиньпу в Айхой (Айгун) для того, чтобы решать дела, связанные с границей, вместе с хэйлуңцзянским фудутуном, а также рассмотреть вопрос о ситуации в 64 поселениях.

14 августа 1887 года Ли Цзиньпу направился в Хайланьпао для обмена мнениями с русскими чиновниками, чтобы затем определить часть прохождения линии границы.

7 октября 1888 года Ли Цзиньпу еще раз переправился через реку Амур, чтобы аргументировать свою позицию в разговорах с русскими чиновниками относительно грабежей в районе 64 поселений и задержания людей. Он потребовал, чтобы в «вопрос была внесена полная ясность». Русский чиновник обещал дать ответ в течение двух месяцев.

В 1887–1888 годах стороны обменивались мнениями о положении в районе 64 поселений на левом берегу реки Амур. Каждая сто-

рона оставалась при своем мнении. Наша сторона отстаивала положения Айгунского договора, касающиеся этих поселений.

В апреле 1890 года посланник в России Гун Цзюнь докладывал о том, что Россия хочет построить Восточную железную дорогу, что у России имеется замысел обратить свое внимание на восток.

25 августа 1892 года Китай и Россия подписали «Договор о соединении линий на сухопутной границе».

В начале 1890 года Россия довела до сведения китайской стороны планы строительства железной дороги, которая тогда именовалась Восточной железной дорогой. Это произошло при императоре Александре Третьем и отражало понимание в Санкт-Петербурге необходимости развивать и укреплять Дальний Восток России. В то же время в этом нашло свое выражение осознание необходимости согласовывать свои действия с Китаем. Вполне очевидно, что наша сторона исходила из совпадения в этом вопросе своих интересов и интересов Китая.

Одновременно стороны договорились о соединении линий телеграфной связи между двумя государствами на границе.

6 августа 1894 года после начала китайско-японской войны генерал-губернатор Хэйлунцзяна Икэтанъя по телеграфу просил дать ему разрешение во главе восьми кавалерийских и пехотных батальонов принять участие в этой войне; цинский двор приказал ему в полном вооружении отправиться в Пхеньян.

12 августа 1894 года цинский двор по телеграфу приказал Икэтанъя срочно направиться в Пхеньян, чтобы там обосноваться. Цинское правительство приказало всем обученным частям в Хэйлунцзяне и в Цзилине сконцентрироваться и быть готовыми выполнить приказ.

Реалии ситуации того времени свидетельствовали о том, что главной опасностью для Китая стала Япония. Япония превратилась в агрессора, создавшего угрозу оккупации китайских территорий с помощью военной силы.

В такой обстановке налаживание отношений с Россией становилось обстоятельством непреодолимой силы.

Ни одна другая страна не стремилась и не желала быть союзником Китая при отражении японской агрессии.

Поэтому здравомыслящие люди в Китае начинали во все большей степени понимать, что пограничное размежевание по рекам

Амур и Уссури — это установление разумных и естественных рубежей между Россией и Китаем.

Что же касается Японии, то в 1894 году маньчжурам пришлось направлять войска из Северо-Восточного Китая на Корейский полуостров.

В этой связи и сама мысль о планах строительства Россией Восточной железной дороги могла представляться разумным людям в Китае не только не враждебной Китаю, но и вызывающей благодарность за намерения России вместе с Китаем и «за Китай» оказывать отпор японской агрессии.

В сентябре 1895 года цзилиньский чиновник по пограничным делам Цао Тинцзе, выполняя приказ, отправился ознакомиться с действиями отряда русских, прокладывавших маршрут железной дороги; он указал на то, что Россия строит сибирскую железную дорогу с прицелом на выход в Корею, а также в три северо-восточные провинции Китая.

19 октября 1895 года цинский двор приказал Сюй Цзиндэну связаться с Министерством иностранных дел России, потому что до этого Россия под предлогом строительства железной дороги на деле «брала в аренду» земли для строительства дороги, четыре раза направляла людей в три восточных провинции, чтобы «наметить маршрут железной дороги».

6 июля 1895 года Китай и Россия подписали «контракт о займе в Сыли». Китайско-русское «Заявление о займе в Сыли», а также «Китайско-русский контракт о банке».

Упомянутые здесь практические действия российской стороны как раз и подтверждали реальность намерений России построить железную дорогу, перевозить по этой дороге войска, чтобы оказывать Китаю действенную военную помощь.

Те люди в Китае, кто думал о перспективах, также понимали, что дорога позволит начать закладывать основу современной промышленности в Маньчжурии, создаст в этой части Китая такие благоприятные условия, которые Китай создать своими силами в то время никак не мог.

Далее Цзян Чанбинь рассматривает вопрос о «территориальном суверенитете» применительно к восточному участку границы в период с конца XIX века до кануна Октябрьских событий 1917 года. Здесь речь идет о «сдаче в аренду территории для строительства железной дороги (КВЖД)» и о «Тайном китайско-русском договоре»; о

предоставлении займа и о китайско-русском Даошэн-банке; о насильственном захвате Льюшуня и Далаля; о соотношении между действиями объединенной армии восьми держав и вопросе о восточном участке китайско-русской границы. Автор подчеркивает, что после японо-русской войны Япония и Россия четыре раза заключали «тайные договоры».

Вопрос о суверенитете Китая над землями Северо-Восточного Китая существовал. Китайская сторона поставила условием то, чтобы любая деятельность русских на территории северо-востока Китая была частной, а не государственной. Наша сторона согласилась с такой постановкой вопроса.

В то же время Россия появилась со своим проектом строительства КВЖД в Маньчжурии в совместных интересах России и Китая. Это был вклад России в развитие Китая, в осовременивание или модернизацию Китая.

Китайский автор подвергает осуждению все шаги России в этом направлении. Соглашаться с ним нет никаких оснований.

Китайский автор пытается также представить как единое целое участие русских войск в походе объединенной армии восьми держав на Пекин и действия русской армии в Маньчжурии в 1900 году.

У Цзян Чанбиня получается, что все это, дескать, было направлено на подчинение Китая России.

На самом деле прежде всего дело было в политических, социальных, национальных процессах внутри Китая.

Маньчжурская Цинская империя вызывала такое неприятие у ханьцев, что против нее поднялось восстание широких масс населения — восстание ихэтуаней, или Боксерское восстание.

Маньчжурам путем интриг удалось обратить острие атак ихэтуаней против иностранцев. Тогда иностранцев в Китае стали уничтожать, убивать просто за то, что они «не китайцы». Это потребовало от иностранцев защищать себя.

Именно в таких условиях и возник уникальный в мировой истории случай, когда войска восьми государств были соединены в одну объединенную армию, которая и подавила ксенофобские выступления и спасла династию Цин от падения.

Россия участвовала в этих действиях в Пекине.

Что же касается Маньчжурии, то там маньчжурские войска и ихэтуаны совместно попытались отнять у России принадлежащую ей согласно договорам территорию на левом берегу реки Амур, на которой и находились 64 военных маньчжурских поселения.

Россия была вынуждена предпринять оборонительные действия и отстоять существовавшую в то время границу, а также защитить тысячи русских, которые к тому времени работали на КВЖД.

Наконец, китайский автор упрекает Россию за то, что она несколько раз подписывала «тайные договоры» с Японией.

Это была вынужденная мера.

На протяжении первых трех десятилетий двадцатого столетия Россия была вынуждена вступать в те или иные, в том числе договорные, отношения с Японией тогда, когда речь шла о территории Китая, оккупированной японцами, и не было китайских властей, с которыми можно было решать практические вопросы, возникавшие на оккупированной японцами территории.

3 июня 1896 года был подписан «Китайско-русский тайный договор» (то есть «Договор между Китаем и Россией об обороне против врага и о взаимосвязанной с этим помощи»).

Именно этот договор и положил начало совместным действиям России и Китая, направленным на отражение опасности японской агрессии и оккупации земель и России, и Китая.

Стороны осознали необходимость совпадения своих коренных национальных интересов в этой смертельной войне. Эта борьба потребовала от обеих сторон полувековых усилий и неисчислимых человеческих жертв. Благодаря этой борьбе России и Китаю при участии во Второй мировой войне на Дальнем Востоке и их союзников, прежде всего США и Великобритании, в конечном счете удалось окончательно разгромить японских милитаристов в двадцатом веке и обеспечить возможность продолжения существования обеих наций в условиях мира в этом регионе.

8 сентября 1896 года Китай и Россия заключили «Устав контракта о совместном создании компании железной дороги Восточных провинций».

6 сентября 1897 года был заключен «Дополнительный договор о линии сухопутной связи между Китаем и Россией» (имелось в виду Дополнительное заявление о договоре относительно телеграфной связи от 25 августа 1892 года).

28 августа 1897 года состоялась церемония начала строительства Китайской Восточной железной дороги в окрестностях Саньчакоу на левом берегу реки Сяосуйфэньхэ.

В 1896–1897 годах Россия и Китай действовали совместно при начале строительства Китайской Восточной железной дороги и при достижении соглашения о соединении линий телеграфной связи между Россией и Китаем. Все это были шаги, помогавшие сближению России и Китая.

27 марта 1898 года Китай и Россия заключили «Договор о передаче в аренду Люйшунью (Порт-Артура) и Даляня (Дальнего)».

25 апреля 1898 года Китай и Россия заключили «Дополнительный договор о передаче в аренду Люйшунью и Даляня».

6 июля 1898 года Китай и Россия подписали «Дополнительный контракт о строительстве железной дороги в Восточных провинциях» (Контракт о строительстве и управлении южноманьчжурского ответвления Китайской Восточной железной дороги).

26 апреля 1899 года в связи с тем, что контакты по вопросу о железной дороге были чрезвычайно многочисленными, цинское правительство согласилось учредить в Харбине управление для осуществления таких контактов, а также разрешило открыть в Цзиле Дом русской литературы.

В июне 1899 года русский убил 7 китайцев; убийца был передан российской стороне.

7 мая 1899 года Китай и Россия подписали «Специальный договор о передаче в аренду Люйшунью и Даляня» (этот договор был заключен 26 февраля в Люйшунью — Далянь; здесь приведена дата его подписания китайским министром по иностранным делам и российским посланником).

В 1899 году император Николай Второй принял решение «взять» Порт-Артур и Дальний.

Конечно, можно оправдывать это решение сложившейся ситуацией, когда, с одной стороны, китайские власти не были способны контролировать ситуацию во многих районах Китая и, с другой стороны, другие европейские государства расширяли сферы своего влияния в Китае. Можно принимать во внимание и то, что появление российского военно-морского флота и армии на юге Ляодунского полуострова в какой-то степени ставило заслон на пути продвижения Японии в глубь Китая.

В то же время вполне очевидно, что Россия преследовала свои интересы, стремилась получить незамерзающие военный и торговый порты на Дальнем Востоке, в Желтом море.

Развитие ситуации вело к столкновению России и Японии.

При этом Китай перешел к политике «наблюдения», «нейтралитета» в приближавшейся схватке России и Японии и даже к преимущественной ориентации на Японию, симпатии к японцам.

Китайские политики в то время полагали, что возможна некая «общность» Китая и Японии в действиях в этом регионе земного шара. Далеко не все в Китае увидели в Японии агрессора, потенциального оккупанта территории Китая.

Одним словом, политика Николая Второго создала для России узел противоречий в ее взаимоотношениях не только с Японией и сочувствующей ей (или подзуживавшей ее) Великобританией, но и с Китаем. Это не отвечало совпадавшим интересам России и Китая.

Россия и Китай также достигли соглашения о строительстве ответвления от КВЖД на юг в Порт-Артур и Дальний. И этот шаг оказался по преимуществу не на пользу взаимопониманию между Россией и Китаем, хотя предполагалось, что тем самым будет сдерживаться распространение влияния Японии. Однако главным тут оказалось то, что в Китае, прежде всего в Маньчжурии, возникли стойкая неприязнь и даже настороженное и враждебное отношение к России.

В то же время в связи со строительством КВЖД ширились и укреплялись связи между Россией и Китаем по вопросам, связанным с нормальным функционированием железной дороги; прежде всего в Харбине. Там возникал пример «сожителства», общения и согласования интересов сторон на территории Китая по вопросам, которые со стратегической и экономической точек зрения были в интересах обеих сторон.

9 июля 1900 года царская Россия внезапно двинула более чем стотысячную армию и с семи направлений вторглась на северо-восток Китая. В том числе на первом направлении оккупировала Хайлар, на втором — Айгун, Моэргэнь, на третьем — по реке Сунгари совершила агрессию против Саньсина, Харбина, на четвертом направлении вторглась в Нингута, Муданьцзян и т. д.

14 июля 1900 года генерал-губернатор Хэйлунцзяна Шоу Шань на трех направлениях оказал сопротивление вторжению русской армии.

15 июля 1900 года следовавшие из Харбина в Боли (Хабаровск) русское судно «Одесса» и ряд небольших суденышек подверглись атаке в районе Саньсин, Баяньтун со стороны цинских войск и ихэтуаней.

В 1900 году цинские власти оказались в ситуации, когда в Китае восстали массы простых людей, крестьян. Восставшие выражали протест против, как они считали, иностранных, то есть маньчжурских, правителей и угнетателей.

Над цинским двором нависла смертельная опасность.

Стремясь спастись и удержать власть над Китаем, маньчжурские и китайские сановники внушили восставшим мысль о том, что все несчастья простых людей в Китае вызваны действиями не китайцев, иностранцев, варваров, находящихся на территории Китая и отнявших у Китая его исконные земли.

Так восстание ихэтуаней из антиманьчжурского превратилось в антииностранное. Людей из других стран восставшие убивали просто за то, что они не китайцы, не ханьцы.

В Маньчжурии обстановка складывалась в связи с таким поворотом событий следующим образом.

С одной стороны, ихэтуани и действовавшие вместе с ними маньчжурские знаменные войска попытались нарушить границу в районе реки Амур и установить господство над землями на левом берегу Амура в районе Благовещенска, в том числе там, где располагались 64 маньчжурские деревни, то есть опорные базы фактически маньчжурских военных поселенцев на русской территории, а также в самом городе Благовещенске.

С другой стороны, нависла угроза жизням тысяч русских людей, которые работали на КВЖД и в полосе отчуждения этой железной дороги.

В ответ на наступательные военные действия Цинов и ихэтуаней Россия была вынуждена применить силу и восстановить прежнее положение.

Необходимо подчеркнуть, что китайский автор не скрывает того, что цинские власти действовали вместе с ихэтуанями.

Тут нашел свое выражение применяемый неоднократно во внешней политике китайских властей принцип якобы проявления воли китайского народа, которую вынуждены или должны поддержать китайские власти.

С 15 по 21 июля 1900 года царская Россия создала «кровавый инцидент в Хайланьпао»; четыре раза устраивала массовые побоища и убийства; при этом погибли более 6 тысяч человек, в том числе более 3 тысяч человек были утоплены в реке; только около 80 человек добрались до южного берега; одновременно с этим русская армия также создала «кровавый инцидент на восточном

берегу реки в районе 64 поселений». Вытеснила в реку более 7 тысяч человек. Подавляющая часть из них погибли.

Действия российской стороны в Благовещенске и в районе 64 маньчжурских военных поселений на нашей территории к северу от реки Амур представляли собой ответную защитную реакцию на проявления агрессивности и попытки силой изменить согласованные договором о границе положение со стороны китайских цинских властей, которые применили свои знаменитые маньчжурские войска и натравили на русских ихэтуаней.

Столкновение было жестоким.

С обеих сторон имелись жертвы.

Русские вытеснили нападавших в реку Амур. При этом много людей погибло.

Однако русские защищали свои земли и оборонялись от военных действий китайской стороны.

Маньчжурские поселенцы в 64 деревнях выполняли роль разведчиков и передового отряда маньчжурской армии.

27 июля 1900 года русская армия последовательно, один за другим оккупировала Гуаньиньшань, Мохэ, Саньсинчэн, Цицикар и т. д. Не было таких злодеяний, которые бы не творила русская армия. Генерал-губернатор Хэйлуңцзяна Шоу Шань погиб с честью, но не опозорил себя и ради государства покончил с собой.

Вполне очевидно, что историки-пропагандисты, функционеры КПК в начале XXI века внушают широким массам читателей в КНР неизменную, во всяком случае со времен правления Мао, мысль о якобы захватническом характере внешней политики и действий до советской, советской и постсоветской России.

Продолжая внешнеполитический курс Мао, внушают вражду и ненависть к русским, в особенности к русской армии.

Каждое описание действий армии России в истории русско-китайских взаимоотношений, особенно на территории Китая, составлено таким образом, чтобы внушать, сохранять и углублять ненависть к России и ее политике.

Это относится и к разгрому нашими войсками японской Квантунской армии в 1945 году.

В средствах массовой информации КНР делают упор на том, что приход наших войск в 1945 году на северо-восток Китая обернулся главным образом только бесчинствами в отношении китайского на-

селения, изнасилованием китайских женщин, вывозом в СССР японского промышленного оборудования из Маньчжурии.

Что же касается 1900 года, то и тут действия России по защите жизни русских людей в Маньчжурии, сохранению договорных отношений применительно к границе и к КВЖД характеризуются китайским автором как оккупация. Более того, он утверждает, что «не было таких злодеяний, которые бы не творила русская армия».

Это общая характеристика русской (в том числе советской) армии, которую сегодня внушают населению Китая.

Китайская пропаганда использует привычные со школьных лет для китайцев исторические штампы. Подчеркивается, что в знак возмущения действиями России и ее армии, выражая ненависть к «агрессии» со стороны России, покончил с собой китайский военачальник в Хэйлунцзяне. Это трактуется как «гибель с честью», ради китайского государства. Того самого государства, против которого была направлена Синьхайская революция 1911 года.

5 июля 1901 года Китай и Россия подписали договор о создании главного управления для переговоров по вопросам, связанным с железной дорогой в Цзилине.

15 июля 1901 года Китай и Россия подписали «Измененный контракт на добычу угля в Цзилине».

18 июля 1901 года Китай и Россия подписали «Дополненный и исправленный устав главного управления по переговорам о железной дороге в Цзилине».

23 июля 1901 года Китай и Россия подписали «Предварительный договор о разведке и разработке горнорудных выходов (обнажений) в провинции Хэйлунцзян». В этом документе было определено, что русские имеют право добывать золото, железную руду, уголь.

Хронология событий, последовавших за 1900 годом, составлена Цзян Чанбином таким образом, чтобы внушать китайским читателям мысль о том, что Россия все глубже проникала в Маньчжурию, получала права на ведение дел на КВЖД, при добыче угля, золота и горнорудных ископаемых.

На самом деле во всех этих и некоторых иных областях ситуация в первой половине двадцатого века складывалась таким образом, что Китай сам, своими силами не мог наладить ни разведку, ни добычу этих природных ресурсов. Россия и в своих интересах, и в интересах Китая, особенно в перспективе, начинала делать все это.

В августе 1901 года царь Николай Второй издал «Указ о праве юрисдикции (отправлении правосудия) применительно к Китайской Восточной железной дороге». В этом документе устанавливалось, что Россия в полосе отчуждения КВЖД пользовалась правом экстерриториальности.

Одним из следствий восстания ихэтуаней и политики цинского двора в отношении этого антиинострannого восстания было твердо сформировавшееся в нашей стране убеждение, что в Китае пока не было таких властей, которые могли и желали обеспечить зависящее только от законов судебное разбирательство.

Более того, ситуация сложилась таким образом, что жизнь иностранцев оказывалась в смертельной опасности, если они попадали в руки враждебно настроенных по отношению к ним китайцев. Поэтому и понадобилось вводить и защищать право экстерриториальности для граждан России на территории Китая. Такой порядок продолжал существовать и после 1949 года.

Собственно говоря, нечто подобное сохраняется и в наше время; стороны подписали договор о выдаче преступников.

7 сентября 1901 года цинский двор и посланники восьми держав, сформировавших их объединенную армию, подписали «Заключительный протокол» 1901 года (этим актом устанавливалось, что империалистические государства распорядились финансами, экономикой, военными делами Китая, была назначена боксерская контрибуция в общей сумме в 450 миллионов лян серебра — царская Россия получала из нее более 130 миллионов лян; к этой «боксерской контрибуции» добавлялись контрибуции с разных районов Китая и проценты к этим суммам, таким образом, в совокупности речь шла о миллиарде лян, а ежегодные доходы цинского двора в то время не превышали 800 миллионов лян).

Ситуация, сложившаяся во взаимоотношениях Китая и иностранных государств на рубеже XIX и XX веков представляется сложным узлом противоречий.

Конечно, при нормальном и находящемся на современном уровне отношении к международному праву должно уважать суверенитет каждой страны.

Все дело в том, что в Китае процесс взаимного приспособления друг к другу Китая и других государств проходил длительный и сложный период взаимного непонимания. Пожалуй, главным при

этом выступало, как обычно, внутреннее положение в той или иной стране.

Можно лишний раз напомнить, что в данном случае в Китае во второй половине девятнадцатого века необычайно обострилась борьба ханьцев против правящей маньчжурской династии. С 1850 по 1868 год в стране бушевало Тайпинское восстание.

Ранее уже упоминалось о том, что в начале двадцать первого века в СМИ КНР утверждали, что перед началом этого восстания население Китая составляло 400 миллионов человек, а когда восстание было подавлено — всего 240 миллионов человек.

Иными словами, во второй половине девятнадцатого века Китай в известном смысле обезлюдел. В восстании погибли 160 миллионов человек. И все же Цинская династия сохранилась у власти.

На рубеже девятнадцатого и двадцатого веков в Китае вспыхнуло новое восстание — восстание ихэтуаней — под лозунгом «Кулак во имя справедливости».

Это также было изначально восстание ханьцев против маньчжуров, которых ханьцы считали иностранцами, установившими свое господство над Китаем.

Однако Цинам и служившим им китайским чиновникам удалось переориентировать восставших, внушить им, что главным и единственным врагом всех китайцев — и ханьцев, и маньчжуров — являются иностранцы. И тогда ихэтуани начали уничтожать находившихся в Китае иностранцев просто потому, что это не китайцы.

Иностранцы были вынуждены принять меры с тем, чтобы защитить себя. В мировой истории возникла единственная в своем роде ситуация. Восемь государств (Европы, Америки и Азии) создали объединенную армию для защиты жизней своих соотечественников в Китае и для установления сначала специально оговоренных на случай повторения подобных восстаний, а затем постепенно нормальных отношений между Китаем и внешним миром.

В итоге восстание ихэтуаней было подавлено. Иностранцы в результате своих действий в Китае способствовали сохранению у власти в Китае маньчжурской Цинской династии.

Между цинскими властями и иностранцами было заключено соглашение, в соответствии с которым Китай был обязан возместить ущерб, который был нанесен ихэтуанями другим государствам.

В соответствии с этим же соглашением под контроль иностранцев попали финансы, экономика, военное дело Китая.

Конечно, это было временной мерой. Причиной появления такого соглашения были восстание ихэтуаней, поведение во время этого

восстания цинского двора и твердое намерение иностранцев отстаивать свои права.

Иностранцы стремились не только больше не допустить нового восстания, но и создавать условия, при которых развивались бы экономика, финансы и военное дело в Китае. Конечно, при этом ущемлялся суверенитет Китая, поэтому такое положение было временным.

Однако нельзя не иметь в виду того, что процесс приспособления друг к другу китайцев и иностранцев на территории Китая проходил в условиях, когда иностранцы уже в известной степени руководствовались нормами международного права и в то же время не давали себя в обиду, высоко ставили свое человеческое достоинство, а также, преследуя свою выгоду, жестоко притесняли китайцев.

Китайцы же с трудом, крайне медленно и постепенно осознавали, что иностранцы — такие же люди, как и китайцы, а не варвары, живущие на периферии центрального в мире государства, то есть китайской империи.

Самомнение китайцев, неравноправное отношение к иностранцам в Китае создавали атмосферу, в которой иностранцы в то время не нашли иных путей защиты своих жизней в Китае, чем заключение упомянутого соглашения. Естественно, что с развитием Китая должны были быть отменены все положения и этого, и иных соглашений между Китаем и иностранцами, наносившие ущерб суверенитету Китая. Но путь к этому был долгим и трудным. Здесь пришлось преодолевать национальные предубеждения, а это крайне трудное дело для любой нации.

14 января 1902 года Китай и Россия подписали «Устав главного управления по переговорам о железной дороге в провинции Хэйлунцзян», а также «Контракт на добычу угля в провинции Хэйлунцзян».

8 апреля 1902 года Китай и Россия подписали «Договор о передаче и приемке трех восточных провинций» (до того 26 марта было подписано соглашение о Маньчжурии).

7 октября 1902 года Китай и Россия заключили «Договор о передаче железной дороги за Великой стеной» (военные власти России возвращали в ведение китайского сановника, ведавшего железными дорогами в Северном Китае, железные дороги между городами Шаньхайгунем, Инкоу, Синьминьтино).

16 октября 1902 года генерал-губернатор провинции Хэйлунцзян Са Бао докладывал российскому военному уполномоченному о численности и местах дислокации войск Китая.

Итак, Боксерское восстание окончилось. Военные действия маньчжурских войск и ихэтуаней против России были прекращены. В 1902 году Россия вывела свои войска из Маньчжурии и передала северо-восток Китая под управление местной китайской администрации.

В то же время Россия, учитывая уроки истории, настаивала на том, чтобы принимались меры, обеспечивавшие контроль над дислокацией и количеством военных сил Китая в приграничных с Россией районах. Китайская сторона была вынуждена в то время выполнять эти условия, которые были поставлены Россией, принимая во внимание агрессивные действия китайской стороны в 1900 году и на границе с Россией, и в отношении строительства и функционирования КВЖД.

Одновременно Россия продолжала строительство КВЖД, а железная дорога за Великой Китайской стеной была передана в ведение китайских властей.

Здесь есть основания подчеркнуть, что с начала двадцатого столетия и далее наша сторона приходила в Китай, если ее вынуждали к этому действия китайской стороны или японцев, но после тех или иных событий уходила из Китая.

В этом находили свое проявление два естественно обязательных процесса.

С одной стороны, Россия понимала, что нужно при определенных обстоятельствах выводить войска из Китая, и не настаивала на их постоянном пребывании там.

С другой стороны, еще более важным, как нам представляется, было то, что Россия с все большей глубиной осознавала, что во взаимоотношениях с Китаем люди каждой страны должны быть уверены в том, что они, и только они, хозяева на своей земле. Поэтому их пребывание на земле соседа — пребывание только временное. Они могут быть там только временными гостями. Отсюда естественный характер процессов ухода людей одной страны с территории соседа.

Представляется, что Россия поняла это гораздо раньше Китая.

28 октября 1902 года Китай и Россия заключили «Подробный контракт относительно предоставления займа на строительство железной дороги Чжэн-Тай» (имелась в виду дорога от Чжэндина до Тайюани).

27 ноября 1902 года Китай и Россия заключили «Дополнительный контракт об отсрочке соединения линий».

В январе 1903 года управление Китайской Восточной железной дороги созвало особое совещание русских, проживающих в Харбине, для обсуждения вопроса об управлении городом; цель этого мероприятия состояла в том, чтобы отнять административную власть и в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, и в городе Харбине.

14 июля 1903 года были завершены работы по строительству всей линии Китайской Восточной железной дороги, было официально начато регулярное железнодорожное сообщение (перевозки) и нормальное управление дорогой. Хорват был назначен начальником управления Китайской Восточной железной дороги.

Россия предложила Китаю свое содействие в строительстве железной дороги в Северном Китае.

Китайский автор, по сути дела, обвиняет русских в том, что они фактически взяли в свои руки слишком много власти в Харбине. На самом деле наличие определенной ограниченной административной власти России и в Харбине, и в полосе отчуждения КВЖД представляется естественным в целях обеспечения функционирования этой железной дороги. Функционировать эта железная дорога могла тогда и еще на протяжении нескольких десятилетий, примерно до середины двадцатого века, только при участии в этом людей с нашей стороны.

Наконец, в 1903 году было закончено строительство КВЖД. Оно продолжалось с 1897 по 1903 год. Начальником дороги стал представитель России. И это отражало реалии того времени.

10 февраля 1904 года вспыхнула война между Японией и Россией.

Это была уникальная в каком-то смысле война. Она происходила на территории Китая. В этой войне воевали между собой две соседние с Китаем страны — Россия и Япония.

При этом Япония была тем государством, которое еще в 1894–1895 годах воевало против Китая, нанесло ему военное поражение и отняло у Китая остров Тайвань.

В то же время Россия была той страной, которая сумела благодаря своим дипломатическим усилиям не дать Японии захватить Маньчжурию в результате упомянутой войны 1894–1895 годов. Более того, Китай заключил с Россией в 1896 году секретный оборонительный договор о совместном отражении агрессии Японии.

Когда же началась Русско-японская война 1904–1905 годов, Китай занял весьма странную, с нашей точки зрения, позицию. Формально он объявил о нейтралитете в войне, которая шла на его территории. Можно попытаться если не понять, то объяснить такое поведение Китая.

Дело тут, очевидно, в том, что те политики и руководители китайского государства, которые определяли внешнюю политику Великой Цинской империи, исходили из того, что Китай пока и временно настолько слаб, что не имеет возможности своими силами защитить себя. Поэтому они считали неизбежным явлением войны иностранцев на территории Китая.

При этом они могли исходить из того, что любая война — это всего лишь болезнь для Китая, любая война не смертельна для Китая. Иностранцы могли воевать на китайской земле, но китайцы были уверены в том, что все это временно, что война когда-то закончится, Китай когда-то наберется сил и станет полным хозяином на своей территории.

Более того, в Китае во второй половине девятнадцатого века усилилось, глубоко укоренилось отношение к России как к «злобному северному медведю», который якобы хотел бы своими «когтями» оторвать от Китая и северо-восток Китая, и Монголию, и Синьцзян. Поэтому во время Русско-японской войны 1904–1905 годов китайцы враждебно относились к русской армии, воевавшей в Маньчжурии, и даже как бы поощрительно — к Японии.

Такая это была странная война, в которой в одиночестве и в изоляции оказалась Россия. По этой и по ряду других причин Россия в упомянутой войне потерпела поражение.

6 и 23 марта 1904 года начальник главного управления по вопросам, связанным с железной дорогой в провинции Хэйлунцзян... и Хорват подписали «Контракт о вырубке деревьев управлением железной дороги в восточных провинциях», «Контракт на покупку земли управлением железной дороги в восточных провинциях» (из 12 статей).

5 сентября 1904 года канцелярия генерал-губернатора Хэйлунцзяна направила ноту управлению Китайской Восточной железной дороги, заявив, что контракты, подписанные упомянутым выше начальником главного управления по вопросам, связанным с железной дорогой, являются недействительными.

29 сентября 1904 года генерал-губернатор Хэйлунцзяна обвинил в преступлениях упомянутого начальника; цинское правитель-

ство приказало со всей строгостью расследовать обстоятельства дела. В том же месяце управление Китайской Восточной железной дороги насильно захватило землю; русские направили солдат, чтобы наказать людей, отказывавшихся продавать землю.

21 февраля 1905 года русские, применяя силу, запретили китайскому населению проживать на территории в 8 ли в районе поселений Дахэйхэтунь и Хэфантунь.

Во время Русско-японской войны Россия стремилась обеспечить максимально эффективное функционирование КВЖД.

Местные китайские власти шли навстречу пожеланиям русских.

В то же время власти Хэйлунцзяна и цинское правительство дезавуировали местного китайского чиновника, который пошел навстречу пожеланиям нашей стороны.

Это явно был демонстративный шаг, направленный на то, чтобы показать Японии благорасположение к ней китайской стороны в ходе войны Японии против России на территории Китая.

Китайский автор хронологии специально подчеркивает отрицательное отношение к русским, которые действовали в интересах нормального функционирования КВЖД.

Таким образом, магистральная линия современной китайской пропаганды применительно к истории наших двусторонних отношений состоит, в частности, в том, чтобы настраивать современных читателей в Китае на враждебное отношение и к России как нации и государству, и к российской армии, и ко всем тем русским, которые работали на КВЖД.

5 сентября 1905 года в американском городе Портсмуте был подписан «Японо-Русский мирный договор» (Портсмутский мирный договор). Договором устанавливалось, что вся административная власть в трех восточных провинциях полностью возвращается Китаю; что армии обоих государств, Японии и России, должны быть выведены в течение 18 месяцев; однако арендованная территория в Люй-Да, а также все связанные с этим права и интересы передаются Японии; что «Южно-Маньчжурская железная дорога» и все особые права, связанные с ней, полностью передаются Японии. В период японо-русской войны район Хэйлунцзяна подвергся массовому разнузданному грабежу со стороны русской армии.

Окончание Русско-японской войны и подписание Портсмутского мира подаются Цзян Чанбином таким образом, как будто бы победа

Японии над Россией принесла переход административной власти в Маньчжурии в руки Китая.

На самом деле позиция России на переговорах в Портсмуте обеспечила права Китая на Маньчжурию.

По Портсмутскому договору Япония завладела Порт-Артуром, Дальним и Южно-Маньчжурской железной дорогой.

Характерно, что непосредственно рядом с этим утверждением китайский автор ставит заявление о том, что «в период Русско-японской войны район Хэйлунцзяна подвергся массовому разнuzданному грабежу со стороны русской армии».

Так в КНР сегодня стремятся использовать любую возможность для того, чтобы укоренять враждебное отношение к России, ее армии.

Причем китайский автор в данном случае не произносит ни одного осуждающего слова в адрес Японии, которая, сначала захватив Тайвань в 1895 году, через 10 лет, в 1905 году захватила практически часть Северо-Восточного Китая.

Цзян Чанбинь не упоминает и о том, что русские так или иначе отстаивали интересы Китая во время войны 1904–1905 годов.

22 декабря 1905 года Китай и Япония заключили «Договор о делах трех Восточных провинций» и договор-приложение к нему. Ими устанавливалось, что Нингута, Хойчунь, Цицикар, Хайлар, Айгун, Маньчжоули, а в общей сложности 16 населенных пунктов, открываются для торговой деятельности.

Итак, по результатам Русско-японской войны 1904–1905 годов в северной части Маньчжурии Япония получила право торговой деятельности. Возникла перспектива конкуренции между Россией и Японией на рынке в Маньчжурии.

Все это также говорило о том, что, несмотря на определенные «симпатии» китайской стороны к японцам в их войне против России, на деле японцы, победив в этой войне, не только требовали уступок от Китая, но фактически начали оккупацию Северо-Восточного Китая.

В июне 1906 года особый уполномоченный русской армии в Цицикаре уведомил генерал-губернатора Хэйлунцзяна Чэн Дэцюаня о том, что «(Россия) уже полностью возвратила Айгун», однако русская армия по-прежнему дислоцировалась в Бэйине.

10 августа 1906 года особые уполномоченные Цзилина, Хэйлунцзяна провели совещание с российским начальником управле-

ния железной дорогой Хорватом; в результате совещания снова был заключен контракт на расширение территории (полосы отчуждения железной дороги).

12 октября 1906 года царская Россия продолжила возвращение золотых рудников в Гуаньиньшань, Мохэ и т. д.

18 сентября 1906 года Китай и Россия заключили «Контракт на передачу в аренду земли и на строительство здания в Цицикаре для «Хуа Э Даошэн банка».

Нормальное для послевоенного периода положение вещей постепенно восстанавливалось.

Под нормальным положением вещей имеется в виду расширение полосы отчуждения КВЖД, без чего дорога не могла эффективно функционировать, налаживание торговых связей между приграничными районами России и Китая, а также продолжение разработки рудных ископаемых и золота русскими в Маньчжурии.

Этому содействовало и укрепление связей по линии финансов, в частности, строительство здания русско-китайского банка в Цицикаре.

Вместе с тем Россия, выполняя взятые на себя обязательства, продолжала выводить свои войска из Северо-Восточного Китая.

Таким образом, Русско-японская война закончилась военным поражением России и подписанием Портсмутского мира.

В то же время Россия не признавала, что в этой войне был некий победитель. Именно на такой позиции стоял при переговорах в Портсмуте представитель России С. Ю. Витте.

Японии удалось заполучить Ляодунский полуостров, порты Порт-Артур и Дальний, получить право торговать в Северной Маньчжурии.

Однако Россия добилась сохранения Маньчжурии под управлением Китая. Россия согласилась вывести свои войска из Маньчжурии. В то же время КВЖД продолжала функционировать так же, как и до Русско-японской войны. Русские продолжали развивать торговые и экономические связи с Хэйлунцзяном.

30 января 1907 года были выведены русские войска, дислоцированные в Харбине.

22 марта 1907 года из северо-востока Китая были полностью выведены все части русской армии.

После Русско-японской войны 1904–1905 годов Россия планомерно выводила свои войска из Маньчжурии. Вывод войск был пол-

ностью завершен в 1907 году. Это означало, что Россия передала в руки китайских властей управление Северо-Восточным Китаем.

30 июня 1907 года главное управление для переговоров по вопросам, касающимся железной дороги, учрежденное в провинции Хэйлунцзян, подписало с Россией соглашение об «Уставе плавания по реке Хэйлунцзян».

6–8 июля 1907 года министерство иностранных дел цинского правительства заключило с российским посланником «Устав о взимании налогов таможен в Северной Маньчжурии» и был произведен обмен текстами этого документа.

После вывода войск отношения между Россией и Китаем продолжали развиваться в интересах обеих сторон. Россия и Китай договорились о правилах плавания по Амуру, а также о порядке взимания налогов таможен в Северной Маньчжурии.

30 июля 1907 года Китай и Россия подписали «Контракт на покупку земли для железной дороги в Цзилине», «Контракт на вырубку леса в провинции Цзилинь», «Контракт на угольные копи для железной дороги в провинции Цзилинь», «Контракт на покупку земли для железной дороги в провинции Хэйлунцзян», «Контракт на угольные копи для железной дороги в провинции Хэйлунцзян».

В том же 1907 году продолжалось обустройство КВЖД в Цзилине и Хэйлунцзяне. Это делалось по договоренности обеих сторон.

17 ноября и 16 декабря 1907 года министерство иностранных дел цинского правительства дважды направило ноты русскому посланнику... требуя возвращения 64 поселений на восточном берегу реки (Зеи). Русский посланник ответил отказом.

В том же 1907 году китайская сторона требовала от России «вернуть 64 поселения на восточном берегу реки» Зеи. Это было требование вновь позволить маньчжурским военным поселенцам обосноваться на принадлежавших России землях севернее реки Амур. Иными словами, это было требование «вернуть» земли, то есть нарушить Айгунский договор и передать эту территорию китайской стороне, хотя в соответствии с упомянутым договором эти земли принадлежали России.

Действительно, в Айгунском договоре за китайскими жителями было закреплено право вечно проживать на упомянутой территории.

Однако в 1900 году эти жители, по сути дела военные разведчики, выполняя роль авангарда цинских регулярных войск, попытались совершить агрессию, напали на Россию в этом районе с целью незаконно, против условий Айгунского договора, где было сказано, что эти земли принадлежат России, захватить эту часть территории России.

По этой причине эти поселенцы были изгнаны с упомянутых земель.

Россия, очевидно, исходила из того, что нарушение договора, попытка войной изменить положение вещей наказуемы. Цинский Китай должен нести ответственность за свои агрессивные действия в 1900 году.

Именно по этой причине возвращение маньчжурских поселенцев в этот район было недопустимо с точки зрения России.

Здесь необходимо лишний раз подчеркнуть, что китайская сторона не только не признавала своей ответственности за случившееся в 1900 году, но, не имея на то оснований, ибо они были разрушены попыткой осуществления агрессивных военных действий самими китайскими властями, выдвигала упомянутые требования.

Очевидно, что это делалось в расчете на отдаленную перспективу, на те времена, когда Китай обретет, как надеялись некие силы в Китае, подавляющее преимущество.

Такие попытки китайских властей, с одной стороны, говорили о намерении продолжать воспитывать население Китая в духе предъявления необоснованных в договорно-правовом смысле претензий территориального характера к России и, с другой стороны, продолжать политику «подвешивания» вопросов, которые китайская сторона рассчитывала поставить при удобном случае в будущем.

Китайскую сторону при этом не смущало то, что такие ее требования и претензии будут неизбежно возбуждать обоснованное недоверие людей России к властям Китая.

В декабре 1907 года управление Китайской Восточной железной дороги опубликовало «План организации городского управления Харбина» (то есть «Устав автономии Харбина»).

5 апреля 1908 года Китай и Россия заново заключили «Контракт на вырубку леса для железной дороги в провинции Хэйлунцзян».

В декабре 1908 года из-за того, что китайские купцы отказались платить налоги «Собраниям автономного самоуправления» русских вдоль КВЖД, а также вступить в эти «Собрания», управление КВЖД

отправило многочисленных полицейских, которые в Харбине, Маньчжоули, Бокэту, Анъанси, Хайларе и т. д. стали закрывать лавки китайцев, а в ответ среди китайских торговцев возникло «массовое возмущение и стремление бунтовать».

5 октября 1909 года под давлением царской России министерство иностранных дел цинского правительства подписало с русским посланником документ — «Общую программу общественных собраний железной дороги в Восточных провинциях». Этим документом устанавливалось, что в Харбине и в полосе отчуждения железной дороги учреждаются общественные собрания, которые осуществляют властные полномочия на местах.

Здесь речь идет еще об одном следствии событий 1900 года. Эти события показали российской стороне необходимость продолжения эффективного функционирования КВЖД. Это отвечало интересам и российской, и китайской стороны. Это также требовало обеспечения спокойствия и порядка в полосе отчуждения, в том числе и в городе Харбине. Такой порядок обеспечивала в условиях того времени своеобразная форма самоуправления — общественные собрания, осуществлявшие властные полномочия на местах.

Китайская сторона согласилась с установлением такого порядка.

4 июля 1910 года Россия и Япония во второй раз заключили «Русско-японское соглашение», а также «Русско-японский тайный договор», установив, что Япония и Россия совместно будут охранять особые интересы на северо-востоке (Китая).

Реальная ситуация, возникшая в Маньчжурии по следам Русско-японской войны и после подписания Портсмутского мира, требовала от России и Японии согласования позиций по ряду вопросов, имевших отношение к этой территории. Речь шла о распределении зон влияния. Так появились тайные соглашения между Россией и Китаем.

Конечно, эти соглашения могли носить только временный характер. Россия была вынуждена пойти на эти договоренности с японскими властями исключительно из-за того, что с китайскими властями тогда не было возможности решать конкретные проблемы в том или ином районе.

8 августа 1910 года Китай и Россия подписали «Устав плавания судов по реке Сунхуацзян»; река Сунгари становилась полностью открытой для России.

Открытость той или иной части территории Маньчжурии для торговых и экономических связей между Россией и Китаем — это в исторической перспективе приобщение Китая к процессам мирового экономического развития. Кроме всего прочего, по реке Сунгари можно было установить сообщение с Харбином и другими местами, что также способствовало функционированию КВЖД.

28 февраля 1911 года правительства Китая и России направили уполномоченных для проверки границы в полосе от реки Аргунь и Абагайту, вплоть до Дахушань в Тарбагатае.

11 июня 1911 года в Цицикаре состоялось совещание представителей двух сторон, Китая и России, которые провели переговоры по вопросу о проверке границы в районе реки Аргунь.

В 1911 году Россия и Китай вели переговоры о проверке прохождения линии границы в районе реки Аргунь. Это была составная часть усилий обеих сторон по определению и закреплению на местности линии прохождения границы в соответствии с Айгунским и дополнительным Пекинским договорами.

10 октября 1911 года в Учане началась Синьхайская революция.

В 1911 году Великая Цинская империя перестала существовать. Это означало крушение тысячелетней монархии и установление в Китае республиканской формы правления. Монархической России и республиканскому Китаю предстояло сохранять все позитивное в двусторонних отношениях и решать возникавшие вопросы.

20 декабря 1911 года Китай и Россия заключили «Договор о границе между Китаем и Россией в Маньчжоули» (то есть повторно заключили договор о государственной границе между двумя государствами, Китаем и Россией, от пограничного знака номер 58 в Тарбагатае до пограничного знака номер 63 в Абагайту, а далее вдоль реки Аргунь вплоть до слияния этой реки с рекой Хэйлунцзян).

Одной из мер, отвечавших совпадению национальных интересов обеих сторон, было подписание договора о границе между Россией и Китаем на западной части ее восточного участка (от Монголии до реки Амур). В 1911 году стороны закрепили согласованную линию прохождения границы на этом участке.

16 января 1912 года японский кабинет решил заключить с Россией третий тайный договор с целью разграничить сферы влияния между Японией и Россией в «Маньчжурии и Монголии».

23–24 апреля 1912 года русские купцы во главе многочисленных толп русских в городке Цзилалинь (на реке Аргунь), вооружившись саблями и винтовками, совершили разнузданные действия в отношении китайцев, грабили их, стреляли и убивали их, сжигали их дома.

8 июля 1912 года Россия и Япония в третий раз заключили «Русско-японский тайный договор», продлили соглашение о разграничении сфер влияния в Северо-Восточном Китае, определили свои особые сферы влияния во Внутренней Монголии.

Китайский автор подчеркивает, что Россия и Япония по итогам Русско-японской войны 1904–1905 годов в 1905, 1910 и 1912 годах заключили между собой договоры о разделе сфер влияния в Маньчжурии.

Цзян Чанбинь видит в этом ущемление суверенитета Китая, судя по акцентам, которые он расставляет, в данном случае прежде всего со стороны России.

При этом не принимается во внимание реальное положение дел.

Китай, Великая Цинская империя, Китайская Республика были в те времена настолько слабы, причем слабость проистекала главным образом из-за внутренних неурядиц, что тогдашние китайские государства не могли отстаивать свой суверенитет в случае посягательства на него других государств.

Россия, единственная из держав того времени, в 1896 году заключила с Китаем оборонительный союз в целях оказания совместного отпора вторжению Японии.

События развивались таким образом, что Япония распространила свою агрессию на территорию Китая в Маньчжурии.

Россия вела войну против агрессии Японии.

Китай официально занял нейтральную позицию.

Россия потерпела военное поражение.

Однако она стремилась продолжать сохранять определенные позиции в Маньчжурии.

Это, в частности, означало, что японцы не могли тогда полностью подчинить себе Маньчжурию.

Реалии, то есть присутствие японцев в Маньчжурии, заставляли Россию вступать в переговоры и достигать соглашений с Японией по вопросам, которые касались территории Китая.

В историческом контексте того времени такая ситуация представляется закономерной и единственно возможной. Если бы Россия ушла из Маньчжурии, Япония оккупировала бы эту часть Китая уже в результате войны между Россией и Японией в 1904–1905 годах.

31 июля 1912 года главное управление по переговорам по вопросу о железной дороге в провинции Хэйлунцзян и управление КВЖД заключили в Харбине «Дополнительный контракт о вырубке компанией КВЖД леса для своих нужд на определенных участках в провинции Хэйлунцзян».

Китайский автор постоянно подчеркивает, что Россия вырубала лес в Китае для нужд КВЖД.

Так в умы читателей в КНР закладывается мысль о том, что в историческом плане русские не только отхватили у Китая полосу отчуждения КВЖД, то есть отняли часть территории Китая, но и построили там железную дорогу, которая, дескать, приносила выгоду только или почти только России, а также тратила природные (лесные) ресурсы Китая в своих интересах, ради своей выгоды.

Очевидно, что тут присутствует намек на оправдание ответных действий такого же характера в отношении Российской Федерации, когда речь идет о разработке природных ресурсов (в частности, о вырубке и вывозе леса) на территории России.

Сюда добавляется и представление в Китае о том, что речь идет о территориях, которые, дескать, были исконно китайскими и были незаконно, силой «захвачены» у Китая Россией.

25 июня 1913 года посланник царской России в Китае направил ноту министерству иностранных дел бэйянского правительства Китая, выдвинув необоснованный протест против задержания в Цицикаре русского шпиона, потребовал оплатить издержки и наказать местных китайских чиновников. 6 июля царская Россия сконцентрировала 3 тысячи солдат и произвела демонстрацию угрозы силой, двинув их из Харбина в направлении Фулаэрци. Бэйянское правительство наказало местного чиновника, в результате главнокомандующий Хэйлунцзяна лишился своего поста.

Россия в те времена защищала каждого своего подданного в Маньчжурии.

В случае необходимости даже производила военные демонстрации.

Цзян Чанбинь пытается представить дело так, что русским были нужны шпионы в Цицикаре. Такое обвинение представляется смехотворным, надуманным.

Думается, что власти Китая не случайно наказали местных чиновников за произвол в отношении человека из России.

Китайский автор говорит здесь об этом случае и для того, чтобы внушать населению Китая, что власти КНР нацелены на недопущение ничего в действиях России, что им представится как нанесение ущерба Китаю или людям из КНР.

22 января 1914 года власти провинции Хэйлунцзян под залог золотых приисков Цюаньшэн подписали с «Хуа Э Даошэн банком» контракт о займе на сумму в 4 миллиона рублей.

2 марта 1914 года власти провинции Цзилинь отдали негласный (тайный) приказ в уездах Хойчунь, Дунин, Хулинь, Мяозэцзюнь, Суйюань (сегодня Фуюань), Мишань ежегодно в начале весны и в конце осени дважды проверять наличие пограничных знаков.

2 октября 1914 года пекинское правительство и посланник царской России в Пекине подписали «Контракт о железной дороге Цицикар — Айгун», то есть контракт по вопросу о сооружении железной дороги между этими городами.

Жизнь шла своим чередом. Развитие продолжалось. Китаю требовались деньги. Россия через совместный банк предоставила такой заем.

Обе стороны ощущали необходимость продолжения строительства сети железных дорог в Маньчжурии. Поэтому и был подписан соответствующий контракт. Кстати, никто — ни одна из других держав того времени — не занимался созданием сети железных дорог в Маньчжурии.

Наконец, китайский автор обращает внимание читателей на то, что местные китайские власти негласно проверяли наличие пограничных знаков.

Таким образом, он намекает, что Россия, дескать, могла убирать эти знаки для того, чтобы претендовать на новые китайские земли при очередной проверке границы.

На самом же деле именно китайская сторона похитила пограничный знак, помеченный литерой «Е», на китайском берегу протоки Казакевича в 1918 году, когда китайской стороне показалось, что в России началась такая смута, что никто не заметит исчезновения этого пограничного знака.

7 июня 1915 года подписано «Соглашение между Китаем, Россией и Монголией».

6 ноября 1915 года министр иностранных дел бэйянского правительства Лу Вэйсян с русским посланником в Пекине подписали «Условия, определяющие положение Хулуньбэйэра во взаимоотношениях между Китаем и Россией».

3 июля 1916 года Россия в четвертый раз подписала с Японией «Русско-японский тайный договор» с целью, уступив (Японии) определенные интересы в Северо-Восточном Китае, взамен получить возможность (для России) сконцентрировать силы для войны на европейском театре военных действий.

В 1915 году было подписано соглашение между Россией, Китаем и Монголией. Так Монголия добилась определенной самостоятельности при помощи России.

В том же году Россия и Китай согласовали вопрос о Солуне, то есть о восточной части Монголии — Хулуньбэйэре. Благодаря этому в этом районе установилось относительное спокойствие.

В 1916 году Россия и Япония подписали четвертый тайный договор. Китайский автор трактует это как вынужденный шаг со стороны России, которая была заинтересована тогда в обеспечении своих интересов на Западе, на фронте войны с Германией. Поэтому Россия уступила Японии часть своих интересов в Маньчжурии.

Из такого описания событий, как хотелось бы Цзян Чанбиню, должен следовать вывод о том, что Россия отдавала Маньчжурию во власть Японии, а также что Россия всегда исходила из своих эгоистических интересов и тогда, когда она считала это нужным, жертвовала интересами в Китае ради интересов на Западе.

Из такого взгляда на события также может следовать вывод о том, что китайский автор косвенно признает, что все тайные договоры России с Японией все-таки были в известной степени в интересах и Китая.

Итак, первая часть взаимоотношений России и Китая — это почти три столетия: с XVII по начало XX века.

Нам представляется, что объективно совпадавшие национальные интересы сторон побуждали их постепенно приспосабливаться друг к другу.

По сути дела, именно к концу этого периода сторонам удалось в договорно-правовом смысле завершить пограничное размежевание между собой. Имелись двусторонние договоры о границе и иные до-

кументы, были поставлены пограничные знаки на важных участках границы.

Россию и Китай подталкивала к объединению оборонительных усилий общая военная опасность со стороны Японии. Обе стороны сделали первые шаги в направлении совместного отпора грядущей агрессии со стороны Японии.

Постепенно развивались торговые и экономические отношения.

Вместе с тем возникли проблемы.

Россия предложила протянуть железную дорогу через территорию Китая. С точки зрения вероятной обороны против нападения Японии и развития экономических связей, а также экономического развития северо-востока Китая это представлялось разумным.

Однако в исторической перспективе оказалось, что присутствие на земле одного государства на долгосрочной основе значительного числа компактно и практически долговременно проживающих людей другой страны может быть только временным; их постоянное пребывание недопустимо; с ним не может соотноситься чувство хозяина своей земли, присущее людям любой страны.

Срок пребывания русской колонии в Маньчжурии был исторически кратковременным.

Россия оказалась также в крайне непростой ситуации, когда монголы предприняли попытку добиться самостоятельности, выйти из состава Великой Цинской империи.

Россия поддержала монголов по крайней мере исходя из того, что нельзя было допустить появления по соседству монголов как нации, ненавидящей русских.

В целом двусторонние отношения России и Китая на протяжении рассматриваемого первого периода их существования дают основания сказать, что национальные интересы сторон совпадали. Однако путь к осознанию этого, к взаимному приспособлению и тем более к взаимному духовному пониманию оказался длинным и далеко не простым.

Часть вторая

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ: 1917–1949 гг.

В эти годы речь шла о взаимоотношениях советской власти (РСФСР, ДВР, СССР) с Китайской Республикой. Важной особенностью этого периода были параллельно и одновременно существовавшие и развивавшиеся отношения правящей политической партии СССР, то есть ВКП(б) и Коминтерна с каждой из двух основных политических партий Китая — партией Гоминьдан Китая и Коммунистической партией Китая.

Цзян Чанбинь в своей работе руководствуется принятой в КНР мыслью о том, что, дескать, при императорах Канси (1662–1723) и Цяньлуэ (1736–1796) Китай процветал, но потом от «могущества» перешел к упадку; слабостью Китая воспользовалась Россия, навязавшая Китаю «неравноправные» договоры о границе.

Отсюда читателей в Китае подводят к выводу о том, что задача нынешних поколений китайцев состоит в том, чтобы «возродить Китай», возродить могущество Китая и в опоре на эту «силу» «восстановить справедливость», в частности и в вопросе о «захвате» китайских земель Россией и другими государствами.

Думается, что в таком взгляде на историю и в таких выводах из нее выражаются взгляды тех в Китае, кто исходит из мысли о том, что вопросы во взаимоотношениях между нациями решаются исключительно силой. А также из мысли о том, что только Китаю якобы «по праву» принадлежало и должно принадлежать место «самого старшего» в сообществе наций на нашей планете.

Думается также, что в реальной жизни давно произошли такие изменения, что перспектив у сторонников изложенных взглядов нет. Войны в их прежнем понимании уходят в прошлое.

Появились такие средства уничтожения масс людей, что ни одна часть человечества не может надеяться на то, что «все умрут, а я останусь».

Прежде чем обратиться к рассмотрению характера взаимоотношений наших двух наций начиная с октября 1917 года, пожалуй, стоит напомнить, что до этого, в первые семнадцать лет двадцатого века, в России имели место:

Русско-японская война 1904–1905 годов,

события 1905 года,

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 году,

Февральская революция 1917 года, то есть исчезновение Российской империи и переход к республиканской форме правления, когда власть была в руках Временного правительства с марта по октябрь 1917 года.

Китай перешел к республиканской форме правления на шесть лет раньше России, в 1911 году, когда произошла Синьхайская революция (в 1912 году была создана Китайская Республика).

Итак, с 1917 года речь пошла о взаимоотношениях республик в России и в Китае. При этом в России с октября 1917 года существовала советская власть, а в Китае происходила междоусобная борьба между политическими силами разных частей страны — правительствами Северного и Южного Китая.

Здесь представляется также не лишним сделать выводы из предшествующей истории двусторонних взаимоотношений.

Эта история свидетельствует о том, что тогда, когда говорится об отношениях России и Китая, с самого их начала и до настоящего времени, речь идет прежде всего и главным образом об отношениях двух наций — России и Китая — на мировой арене, то есть о взаимоотношениях двух народов и стран.

Россия и Китай как нации, то есть как страны и народы, существуют, живут, взаимодействуют вечно, вне зависимости от перемен, которые происходят внутри каждой нации.

У каждой нации за эти четыре столетия возникал, существовал и исчезал ряд государств. Таким образом, нации — вечны, а государства — временны. Интересы наций — это вечные интересы, а интересы государств — это временные интересы. Нации имеют коренные и сопутствующие интересы. Нации могут правильно или неверно осознавать свои интересы. Государства имеют свои интересы. Эти интересы могут в той или иной степени отражать интересы наций, а могут и не совпадать с ними, расходиться с ними.

В каждый данный момент истории взаимоотношение интересов наших двух наций и существующих у них государств (а этих государств может быть и по одному у каждой нации, и по два или не-

сколько у каждой нации одновременно) представляет собой очень сложное переплетение, в котором иной раз трудно находить всегда существующие совпадения коренных национальных интересов России и Китая.

На практике в начале двадцатого столетия сначала в Китае одно государство, то есть Великая Цинская империя, исчезло и было заменено другим государством, то есть Китайской Республикой; затем через шесть лет в России одно государство, то есть Российская империя, исчезло, и было в конце 1917 года заменено другим, то есть РСФСР, но нации — Россия и Китай — продолжали существовать, что и находило свое проявление в соотношении и совпадении национальных интересов. В то же время позиции существовавших тогда государств по конкретным вопросам двусторонних отношений были у каждой стороны свои, и согласовывать их приходилось с большим трудом. Однако на протяжении большей части истории их взаимоотношений совпадение национальных интересов определяло главное направление в развитии отношений и их характер.

В марте 1917 года Февральская революция в России докатилась до Харбина и до полосы отчуждения КВЖД. Рабочие главного завода КВЖД в Харбине вышли на демонстрации и организовали совет рабочих депутатов.

В июне 1917 года совет солдатских депутатов и совет рабочих депутатов русских в Харбине объединились и создали совет рабочих и солдатских депутатов, председателем совета стал капитан русской армии Рютин.

В связи со строительством и функционированием КВЖД в Маньчжурии образовалась своеобразная русская колония численностью в несколько десятков тысяч человек. Эта колония жила своей жизнью, не становясь частью китайского общества. В свою очередь китайское общество не соединялось с русской колонией. Поэтому события в России в 1917 году затронули только русскую колонию. Так в Харбине в июне 1917 года возник совет рабочих и солдатских депутатов — целиком русская организация.

Итак, история взаимоотношений России и Китая говорит о том, что процесс взаимного знакомства, а затем взаимного приспособления соседей друг к другу оказался чрезвычайно затяжным и уже потребовал четырех столетий.

У этого процесса несколько составных частей.

Во-первых, сторонам — России и Китаю — было необходимо размежеваться, определить на картах и на местности такую линию прохождения границы между ними, с которой были бы согласны обе стороны. Такая линия появилась в 2008 году, почти четыреста лет спустя после первой встречи русских и китайцев.

Во-вторых, под упомянутой линией прохождения границы должна была бы быть договорно-правовая основа, с которой согласны обе стороны.

Если линия прохождения границы определяется соглашениями, то договорно-правовая основа в настоящее время определяется, учитывая упомянутые соглашения, общим договором о границе, одним или несколькими такого рода договорами о границе.

Вплоть до настоящего времени китайская сторона считает, что те договоры о границе, которыми сегодня определяется граница между Россией и Китаем, являются якобы «неравноправными» договорами. Из этого следует, что китайская сторона намеренно «подвесила» этот вопрос; нельзя исключать того, что она при этом рассчитывает при благоприятных для себя обстоятельствах вернуться к нему.

Наша сторона считает, что ныне существующие договоры о границе подписаны обеими сторонами, поэтому являются законными и обязывающими документами, которые должны без оговорок исполнять обе стороны.

Наша сторона последовательно выступает за разработку и подписание нового общего договора о границе, который заменил бы все ныне существующие договоры о границе.

Китайская сторона, с одной стороны, время от времени, в том числе и в начале двадцать первого века, говорит о таком новом договоре о границе (употребляет этот термин и Цзян Чанбинь; есть основания предполагать, что некие политические силы в КНР строят планы достижения преимущества в силах над Россией, чтобы тогда, используя упомянутое преимущество, навязать то решение этой проблемы, которое в КНР иной раз называют «справедливым и рациональным»). Она может неожиданно поставить этот вопрос в любой момент. И в то же время пока уклоняется и от переговоров по этому поводу, и от разработки и подписания такого договора.

Именно это обстоятельство беспокоит людей в России, которые видят в такой позиции китайских властей угрозу нашей стране и народу. Именно это и порождает обоснованное недоверие людей России к китайским властям.

В-третьих, до сей поры стороны не подписали договор о режиме границы. Наша сторона постоянно предлагает подписать такой договор.

В частности, это сделал В. Иванов, руководитель федеральной службы контроля над оборотом наркотиков, исходя из того, что в этом договоре можно было бы предусмотреть заслон против ввоза в нашу страну в массовом порядке наркотиков из КНР. По его словам, за последние пять лет объем таких наркотиков увеличился в девять раз.

Китайская сторона не желает разрабатывать и подписывать договор о режиме границы, отделяясь согласием заключить лишь соглашение (а не договор) о режиме границы. С 1994 года такое соглашение существует, но оно не решает всех вопросов, которые мог бы решить упомянутый договор.

В-четвертых, остается неурегулированным вопрос о взаимном доверии, особенно в военной области.

Наша сторона никогда в официальном порядке не ставила вопрос об угрозе нам с китайской стороны, даже несмотря на действия Мао и Дэна.

Китайская сторона, в частности Дэн Сяопин в свое время в беседе с М. С. Горбачевым именно так поставил этот вопрос, не имея на то никаких оснований. М. С. Горбачев тогда не возразил против такой постановки вопроса. Поэтому наша сторона, несмотря на возражения военных, была вынуждена согласиться на подписание соответствующих соглашений о мерах доверия и сокращении вооруженных сил в стокилометровой полосе вдоль границы.

С момента подписания этих соглашений прошло более десяти лет. Нам представляется, что стороны могли бы заявить, что в их взаимоотношениях военное доверие теперь существует в полном объеме. Поэтому вопроса о военном недоверии друг другу больше не существует. Стороны могли бы объявить о том, что соответствующие соглашения выполнили свою задачу. Отменить эти соглашения и перейти к совместным действиям по обеспечению доверия в соответствующих регионах, а не в двусторонних отношениях России и Китая.

В-пятых, в связи с этим возникает и вопрос о сожительстве людей наших двух стран друг с другом на территории соседа. В истории у нас есть опыт проживания маньчжуров, китайцев на нашей территории, а также опыт проживания русских на китайской территории, особенно в полосе отчуждения КВЖД, в Харбине и в иных местах.

Этот исторический опыт свидетельствует о том, что сторонам, исходя из национальных интересов, а также оберегая национальные чувства, необходимо не только четко размежеваться, то есть установить границу между собой, но и жить каждому народу на своей территории, а на территории соседа пребывать временно и исключительно в качестве гостей.

Именно история отношений такого рода и подводит к выводу о том, что главными принципами нынешних отношений России и Китая должны быть принципы сохранения вечного мира в двусторонних отношениях, полной самостоятельности каждой стороны в своих действиях и полного равноправия обеих сторон.

С 25 по 27 декабря 1917 года пекинское правительство отправило командира бригады Тао Сянгуя во главе Хуньчэнской бригады из Цзилиня в Харбин. Тао Сянгуй выдвинул требование из пяти пунктов начальнику управления КВЖД: распустить Харбинский совет, вывести русских солдат. Вслед за тем более 1800 русских солдат были разоружены и выдворены за границу.

Итак, в русской колонии на КВЖД происходили события, связанные с изменениями в России. Возникли политические силы, поддержавшие установление республиканского, а затем советского строя. После событий октября 1917 года китайские власти сделали в этой связи шаги, которые имели два последствия.

Во-первых, был распущен Харбинский совет, что означало, что китайские республиканские власти выступили против советской власти в России.

Во-вторых, в Россию, за границу из Китая были выдворены разоруженные китайскими республиканскими властями около двух тысяч солдат, также выступавших против монархии и за советскую власть.

Это означало, что правительство Китайской Республики в Пекине не заняло нейтральной позиции, позиции невмешательства в наши внутренние дела, по отношению к событиям октября 1917 года, по отношению к внутренним делам России. Это также означало, что упомянутое правительство воспользовалось случаем для того, чтобы применить силу и выдворить с территории Китая находившихся там российских солдат.

9 мая 1918 года начальник управления КВЖД Хорват в Харбине самовольно создал «Собрание спасения Отечества», призвал белую армию, создал незаконную вооруженную организацию.

В то же время китайское республиканское правительство в Пекине не воспрепятствовало созданию в Харбине политической и военной организации, выступавшей против советской власти. Таким образом, китайские власти заняли тогда совершенно определенную позицию. Они не сохраняли нейтралитет по отношению к событиям в России, встали на сторону тех русских, которые боролись против советской власти в России.

21 августа 1918 года «Китайская армия участия в войне» (то есть армия, осуществлявшая вооруженное вмешательство в Октябрьскую революцию) достигла Харбина, откуда направилась во Владивосток (Хайшэньвэй).

Более того, правительство Китайской Республики в Пекине позитивно откликнулось на призыв Японии и вместе с японцами отправило свои вооруженные силы, так называемую «Китайскую армию участия в войне» на территорию России. Иными словами, китайское правительство не просто вмешалось в наши внутренние дела, но и сделало это в самой грубой и неприкрытой форме военной агрессии против нашей страны, приняло участие в военной интервенции против РСФСР.

Так в истории взаимоотношений России и Китая в двадцатом веке появился факт ввода китайских вооруженных сил на территорию России под предлогом «защиты жизни и собственности» китайских граждан, находящихся в России. Это было сделано при тесном согласовании действий центральных властей внутри Китая с китайскими консульствами на территории России, а также сделано Китаем вместе с Японией. Таким образом, имела место совместная военная интервенция китайцев и японцев против России.

Первые шаги обеих сторон, в особенности китайской стороны, после того как и в России, и в Китае исчезли прежние государства, то есть империи, и появились новые государства, то есть республики, побуждают задуматься над соотношением национальных интересов и позиций представляющих свои нации государств.

Конечно, свою роль при этом играли интересы и позиции государств, правительств, руководителей государств и правительств, интересы политических партий и главных политических сил и политических лидеров, но все-таки определяли состояние и характер отношений интересы наций — России и Китая.

Поэтому в политике государств в той или иной степени находили выражение национальные интересы или понимание национальных

интересов политическими лидерами, руководителями государств и правительств.

И здесь выявилось превалировавшее у тех или иных лидеров, у тех или иных государств и правительств отношение к нации — партнеру.

Казалось бы, канули в вечность обе монархии, их место заняли новые государства с в принципе общим не монархическим, а республиканским строем. Открылась возможность налаживать взаимоотношения на основе мира, независимости, равноправия в двусторонних взаимоотношениях.

Но этого не произошло. Можно предположить, что при этом решающую роль сыграло национальное предубеждение китайцев как нации против русских как нации.

Кстати, попутно можно подчеркнуть, что после того, как в Китае произошла Синьхайская революция и была создана Китайская Республика, Россия не вмешалась во внутренние дела Китая, не осуществила интервенции на территорию Китая.

Казалось бы, с конца девятнадцатого века именно Япония выступала и как потенциальный, и как реальный захватчик частей территории Китая, и только Россия в той или иной форме предлагала Китаю оборонительный союз против японской агрессии. Однако чувства национального предубеждения, отношение к России как к «территориальному должнику», как к якобы «злобному медведю», нависшему над Китаем с севера, как к тому, кто «отнял» у Китая миллионы квадратных километров якобы исконно китайской земли, затмевали все разумное в умах тогдашних политических лидеров Китая.

Поэтому они ликовали, когда в России, по их представлениям, началась такая «смута», которая должна была, несомненно, привести к ликвидации России как сильной страны.

Поэтому они пошли на военный союз со своим злейшим, смертельным врагом Японией, объединили военные усилия Китая и Японии. Так же как и японцы, направили свои вооруженные силы на территорию России якобы для защиты интересов «китайскоподданных» в России. А на самом деле для того, чтобы «вернуть» исконно китайские территории, то есть отнять у России ее Дальний Восток и Восточную Сибирь. Китайское государство в этот момент руководствовалось не своими вечными национальными интересами, а национальным предубеждением, национальной ненавистью и враждой к России как к нации.

25 июля 1919 года заместитель наркома по иностранным делам Советской России Карахан от имени советского правительства опубликовал «Первую декларацию, обращенную к Китаю».

27 сентября 1920 года Советская Россия опубликовала «Вторую декларацию (Карахана), обращенную к Китаю».

Со своей стороны тогдашняя Россия, тогдашнее государство России как нации, то есть РСФСР, положило начало своей практической политике в отношении Китая, руководствуясь совпадением национальных интересов России и Китая, коренной национальной заинтересованностью России в мире и добрососедстве с Китаем.

Правительство РСФСР в 1919–1920 годах выступило с двумя обращениями к народу и правительствам Северного и Южного Китая.

Прежде всего подчеркнем, что это было не одно обращение, а два обращения. Они последовали одно за другим. Они направлялись два года подряд. Одно это свидетельствовало о желании нашей стороны строить с Китаем мирные, добрососедские отношения.

Далее, эти обращения последовали после того, как Китай вместе с Японией начал осуществлять вооруженную интервенцию против России. Самим фактом появления этих обращений Россия стремилась напомнить Китаю о том, что она-то предлагает дружбу и добрососедство. Она не руководствуется чувствами национального предубеждения, основания для появления которых давали интервенция китайских вооруженных сил на территорию России, стремление Китая воспользоваться временной слабостью России. Не говоря уже о том, что Китай действовал вместе с Японией, зная о вражде Японии к России.

Наша страна обратилась одновременно и к китайскому народу, и к китайским правительствам. Обращение к народу, конечно же, имело и идейное содержание, соответствовавшее идеологии правившей тогда в России коммунистической партии. Но в то же время это было и обращение к Китаю как к нации, то есть к Китаю как к стране и народу. Это был призыв одной нации к другой нации.

В то же время Россия учитывала, что в Китае в то время были два правительства. Поэтому обращение было направлено одновременно правительствам и Южного, и Северного Китая.

Собственно говоря, это означало, что Россия как нация предлагала устанавливать и поддерживать отношения между всеми частями наций, если нации разделены, скажем, на два государства или у них существуют два правительства.

В этих обращениях Россия предлагала Китаю установить равноправные отношения между государствами. Впервые в истории Китая какое-либо государство предлагало установить дипломатические от-

ношения на максимально высоком уровне, то есть на уровне послов, и на полностью равноправной основе. До того времени все другие государства соглашались иметь с Китаем отношения только на уровне посланников, а не послов. Россия первой предложила Китаю установить отношения на уровне послов.

Россия первой заявила о намерении аннулировать все неравноправные договоры с Китаем. И в этом отношении Россия открывала путь к аннулированию всеми остальными государствами подобных же неравноправных договоров с Китаем.

Можно сразу же сказать, что наша страна аннулировала эти неравноправные договоры в 1924 году, в то время как США и Великобритания аннулировали их только в 1942 году.

Таким образом, Россия первой предложила установить равноправные отношения. Ее примеру пришлось последовать другим государствам.

Все это свидетельствовало о том, что позиция нашего тогдашнего государства по отношению к Китаю отражала интересы России как нации, отражала совпадение национальных интересов России и Китая.

К сожалению, китайская сторона не последовала примеру России. Она даже не откликнулась на упомянутые обращения. Мало того, она произвела такие враждебные нашей стране действия на территории России в ходе своей военной интервенции и содействия вооруженным врагам правительства РСФСР, то есть частям белой армии, что предложения, содержащиеся в этих обращениях, на некоторое время утратили свою силу.

12 марта 1921 года ДВР Советской России заявила пекинскому правительству, что после установления торговых связей между Китаем и Россией 64 поселения, находящиеся к востоку от реки (Зеи), будут возвращены Китаю.

28 июля 1921 года ДВР Советской России, добиваясь заключения торгового договора, заявила о желании полностью вернуть 64 поселения, находящиеся к востоку от реки (Зеи), оккупированные царской Россией.

Один из приемов китайской дипломатии заключается в том, чтобы выдергивать какое-либо одно положение из общей позиции партнера и в дальнейшем использовать его в двух целях.

Во-первых, для того, чтобы в переговорах с партнером неоднократно утверждать, что партнер, дескать, сам обещал что-то сделать,

а теперь не держит своего слова; иначе говоря, что партнер, дескать, признал справедливость требований китайской стороны, но теперь отказывается их выполнять.

Во-вторых, для того, чтобы внушать населению Китая, что требования и претензии китайской стороны, дескать, настолько справедливы, что партнер признавал их, а то, что он отказывается выполнять обещанное, свидетельствует о лживой сущности партнера.

А ведь на самом деле речь идет совсем о другом. Китайская сторона не говорит о сути дела. Суть дела тут в том, что после свержения монархии в России новые власти России предлагали Китаю установить, по крайней мере для начала, торговые отношения. Китайская сторона не желала идти на это. Пакет предложений нашей стороны включал и предложение вступить в обсуждение вопроса о 64 маньчжурских военных поселениях на левом берегу Амура.

При этом наша сторона исходила из того, что тут все определяется положениями соответствующего договора, Айгунского договора, согласно которому земля, на которой были расположены эти 64 деревни, является территорией России, а граждане Китая лишь обладали правом проживать на этой земле.

Наша сторона всего-навсего включала этот вопрос о 64 деревнях в повестку дня при возможных переговорах с китайской стороной.

Китайская сторона, прежде всего, отказалась обсуждать предложенные нами вопросы в их совокупности. Таким образом, она сама сняла и этот вопрос с повестки дня.

Далее, китайский автор при изложении этого вопроса обманывает население КНР, внушает ему, что Россия, дескать, хотела «возвратить» Китаю эти поселения.

Ни о каком «возвращении» речь не шла и не может идти, потому что эти территории принадлежат России.

Китайский автор намеренно именно так излагает этот вопрос, чтобы лишний раз обманывать людей и в Китае, и в других странах, внушая им, что Россия, дескать, обещала «вернуть» земли, которые, на самом деле по договору не принадлежали Китаю.

Наконец, китайский автор вводит в сознание своих читателей в Китае мысль о том, что для русских это всего лишь «предмет торговли», что за некие блага от торговли с Китаем русские соглашались «вернуть» Китаю «64 деревни».

Упоминание о якобы данном нашей стороной «обещании» «вернуть» 64 деревни — это единственное, о чем говорит автор рассматриваемой работы, касаясь событий рассматриваемого периода.

Он не упоминает, ни о трансформации позиции Сунь Ятсена, ни о поездке Чан Кайши в Москву, ни о создании КПК, ни о помощи с нашей стороны по просьбе Сунь Ятсена военными и политическими советниками, вооружением и деньгами правительству Южного Китая при подготовке его армии, нацеленной на действия по объединению Китая.

Более того, период конца 1910-х — начала 1920-х годов представляется важным в наших двусторонних отношениях. В России тогда возникла возможность в большей степени, чем раньше, искать пути согласования национальных интересов двух стран. Наша сторона оказалась готова действовать не традиционно, то есть не ограничиваться рамками официальных отношений с официально признанным мировым сообществом государств властями китайской стороны, то есть с правительством Северного Китая в Пекине. Иными словами, с нашей стороны возникло желание действовать, учитывая реальное положение дел в Китае в совпадавших национальных интересах обеих сторон, устанавливать и развивать отношения с нацией Китая в целом и с обеими ее тогдашними частями, то есть и с Южным, и с Северным Китаем.

В Китае произошли важные изменения. Для ситуации в Китае было характерно четкое деление его на северную часть, где действовало правительство, которое зависело во многом от иностранных государств, в первую очередь от Японии, и на южную часть, где закрепился Сунь Ятсен со своими сторонниками. Они не были признаны Японией и государствами Европы и США. Это объяснялось тем, что Сунь Ятсен проявлял самостоятельность и намерения создавать сильный и независимый Китай.

Не менее важно и то, что Сунь Ятсен прошел большой и трудный путь к переосмыслению вопроса о том, кто может быть другом и союзником Китая.

В свое время Сунь Ятсен призывал создать трехсоттысячную китайскую армию, чтобы «возвратить» Китаю Владивосток. В свое время Сунь Ятсен питал надежды на то, что японцы поддержат те силы в Китае, которые свергли маньчжурское иго, Цинскую империю. Однако оказалось, что японцы никак не были заинтересованы в сильном и независимом Китае.

Поэтому Сунь Ятсен обратил свои взоры к Москве. Он при этом не возражал против усилий Москвы устанавливать формальные дипломатические отношения с Пекином, утверждая мысль о том, что, с его точки зрения, «братские отношения» с Москвой важнее, теснее, чем дипломатические отношения РСФСР с правительством Север-

ного Китая. Тем более что тесное сотрудничество Москвы и Сунь Ятсена, наша помощь ему в создании мощной армии вели к падению упомянутого правительства Северного Китая.

Итак, наша сторона стремилась устанавливать отношения со всеми политическими силами в Китае.

Упомянутый период был временем появления Коммунистической партии Китая. Она родилась прежде всего потому, что в Китае были люди, считавшие, что марксизм, демократия пригодны в Китае. Эти люди были намерены опираться на самые широкие слои китайского народа. Они выступали за реформы, которые давали возможность крестьянам получить землю в свои руки. С нашей стороны этим людям была оказана всемерная помощь.

Так в Китае возникла ситуация, когда одновременно существовали два правительства — Южного и Северного Китая, две политические партии — партия Гоминьдан Китая и Коммунистическая партия Китая, а также некоторые другие политические силы. Наша сторона поддерживала Сунь Ятсена в его стремлении объединить Китай и сыграла в этом существенную роль.

Наша сторона поддерживала партию Гоминьдан Китая, поддерживала участие коммунистов в Гоминьдане, выступала за сотрудничество этих партий.

Именно в такой ситуации и правительство Северного Китая, которое в то время представляло Китай на мировой арене, пошло на переговоры с Москвой, и Сунь Ятсен направил в Москву свою делегацию во главе с начальником своего генерального штаба Чан Кайши, и Коммунистическая партия Китая опиралась в существенной же степени на помощь из Москвы.

При всем при этом для нашей стороны речь шла не о том, чтобы «командовать» в Китае, «господствовать» в Китае, но о том, чтобы обеспечивать стабильные прочные мирные отношения добрососедства с этой страной.

31 мая 1924 года Китай и СССР заключили «Соглашение об общей программе разрешения нерешенных вопросов».

20 сентября 1924 года правительство СССР и власти Чжан Цзолиня в Северо-Восточном Китае сепаратно заключили «Соглашение между автономным правительством северо-востока Китайской Республики и правительством СССР» (впоследствии это соглашение стало приложением к «Соглашению о программе решения нерешенных вопросов во взаимоотношениях между Китаем и Россией»).

В 1924 году Москва и Пекин, то есть правительство Северного Китая, достигли соглашения, благодаря которому были установлены дипломатические отношения между СССР и Китайской Республикой. Закончился перерыв в дипломатических отношениях, продолжавшийся с 1918 по 1924 год и созданный китайской стороной. Были аннулированы неравноправные договоры. Были установлены отношения на уровне послов.

Это соглашение было признано и автономной тогда частью Китайской Республики — северо-востоком Китая. В этом, в частности, нашел свое выражение тот факт, что и в нашей стране, и в Китае постепенно вызревало понимание того, что всегда необходимо поддерживать отношения между всеми частями обеих наций.

3 октября 1924 года вновь назначенный советским правительством начальник управления КВЖД Иванов вступил в должность в Харбине. Бывший начальник управления КВЖД от царской России Остроумов был отстранен от должности и заключен под стражу.

5 октября 1924 года официально открыто генеральное консульство СССР в Харбине, была проведена церемония подъема флага.

Развитие событий на северо-востоке Китая было примером того, что приграничные районы Китая заинтересованы в установлении и налаживании отношений с нашей страной. В Китае наконец убедились в том, что советская власть в нашей стране установилась надолго. Конечно, тут сыграло свою роль установление в том же 1924 году дипломатических отношений с СССР Италией и Великобританией.

Официальные китайские власти шесть лет выжидали и не признавали новую власть в нашей стране. В 1924 году они на северо-востоке Китая наконец передали КВЖД в руки нашего тогдашнего государства и согласились с учреждением в Харбине генерального консульства СССР.

11 января 1926 года Чжан Цзолинь по телеграфу уведомил всю страну, объявив, что три восточные провинции разрывают все административные связи с правительством в Пекине, а он сам в качестве «умиротворяющего генерала» берет в руки административные дела трех восточных провинций.

16 января 1926 года одна из рот охраны КВЖД в Чанчуне вступила в конфликт и столкновение со служащими КВЖД; начальник управления КВЖД Иванов приказал прекратить движение на участке дороги между Харбином и Чанчуном.

22 января 1926 года власти Северо-Восточного Китая, обвинив Иванова в «нарушении порядка и спокойствия, прекращении движения поездов, преступлениях, выразившихся в строгих запретах», арестовали его. В тот же день консульство СССР в Харбине заявило властям резкий протест против этого ареста, потребовало немедленно освободить Иванова.

24 января 1926 года посол СССР в Китае Карахан предъявил министерству иностранных дел Китая и Чжан Цзолиню ультиматум, потребовав в три дня освободить Иванова и восстановить порядок на КВЖД. Пекинское правительство потребовало от Чжан Цзолиня «самым серьезным образом решить вопрос, не вызывать международных конфликтов». Консульство СССР в Шэньяне провело переговоры с властями Северо-Восточного Китая. В результате пришли к соглашению: освободить Иванова, восстановить движение поездов, согласовать и утвердить правила передвижения китайских войск по железной дороге. Иванов был освобожден, движение на линии Харбин — Чанчунь было восстановлено.

19 апреля 1926 года СССР назначил нового начальника управления КВЖД.

В 1926 году имели место события на КВЖД. Это произошло на фоне внутрикитайских перемен. Власти Северо-Восточного Китая тогда заявили о разрыве всех связей с правительством Северного Китая. Это было внутрикитайским событием.

Военный властитель Северо-Восточного Китая Чжан Цзолинь считал выгодным для повышения своего престижа «борца» против русских устроить конфликт между властями Маньчжурии и советскими представителями на КВЖД. Дело дошло до ареста гражданина СССР начальника КВЖД Иванова.

На Чжан Цзолиня был оказан нажим и с нашей стороны, и со стороны центральных китайских властей в Пекине. Иванов был освобожден. На его место был назначен другой человек. Ситуация на КВЖД была нормализована.

Таким образом, наша сторона выступала за соблюдение договоренностей. Благодаря этому дорога нормально функционировала. С китайской стороны имели место спекуляции на национальном предубеждении против русских, на чувствах вражды и ненависти к нашей стране.

Пожалуй, события 1926 года говорили о том, что надеждам на возможность наладить сосуществование русских на КВЖД и китайцев в Северо-Восточном Китае сбыться не суждено. Вырисовыва-

лась перспектива полного перехода КВЖД под управление китайских властей и полного исхода русских из Маньчжурии. При этом такая перспектива становилась неизбежной вне зависимости от того, какие это русские — белые или советские, и вне зависимости от того, какие это китайские власти. Этот вопрос становился лишь вопросом времени и условий такого «развода».

В связи с этим становилось очевидно, что каждая нация самоутверждается и этот процесс требует, чтобы каждая нация была полным хозяином на своей территории, а люди из других стран могли лишь временно пребывать на ее территории в качестве приглашенных гостей.

1 июня 1926 года СМИ сообщали, что советские консулы, Десмин в Маньчжоули и Юрин в Хайларе, под предлогом спасения от жары созвали вождей монгольских аймаков на много дней и подстрекали их к бегству из Китая.

Китайский автор пытается утверждать в сознании своих читателей в Китае мысль о том, что все, что делалось властями нашей страны в отношении Китая, делалось якобы во вред интересам Китая. В частности, он пытается доказывать, что СССР в 1926 году якобы подстрекал граждан Китая к бегству из Китая в СССР.

На самом деле наша сторона, наши консулы в приграничных районах Китая, будучи в ситуации, когда им приходилось иметь дело с людьми фактически разделенных наций в случае с Монголией, с монголами, конечно же, были заинтересованы в разъяснении им политики нашей страны, ее стремления к налаживанию добрососедских отношений, в частности, с людьми из разделенных наций.

6 апреля 1927 года Чжан Цзолинь издал приказ армии и полиции направить сотни солдат и агентов в штатском, чтобы окружить и обыскать посольство СССР в Китае, а также Дальневосточный банк (Юаньдун-банк), управление КВЖД.

Военный властитель Северо-Восточного Китая Чжан Цзолинь в 1927 году устроил налет на посольство СССР в Пекине, а также на Дальневосточный банк, не говоря уже об управлении КВЖД.

Чжан Цзолинь стремился тем самым продемонстрировать, прежде всего населению Китая, что он является самым решительным борцом против русских в Китае. Он стремился доказывать, что наша страна, дескать, организует в Китае антиправительственную дея-

тельность, деятельность в пользу России (СССР) через китайских коммунистов, членов Коммунистической партии Китая.

У китайских коммунистов, конечно же, были связи с нашей страной. Однако все, что делалось нами в Китае, в том числе и во взаимоотношениях с китайскими коммунистами, делалось в совпадавших интересах наших двух наций, не делалось ничего, что ущемляло интересы Китая.

Во время налета на наше посольство в Пекине в 1927 году в зданиях посольства были арестованы китайские коммунисты, в том числе один из основателей КПК Ли Дачжао, которого Чжан Цзолинь казнил. Эти события привели к ухудшению двусторонних отношений.

В 1927 году из-за позиции правительства Китайской Республики во главе с Чан Кайши дипломатические отношения между СССР и Китайской Республикой снова оказались разорванными. Чан Кайши объяснял это главным образом тем, что наша сторона якобы способствовала борьбе КПК за свержение власти Гоминьдана.

Думается, что из истории можно сделать и такой вывод, что внутренние события в той или другой стране не должны сказываться на дипломатических отношениях. Межгосударственные отношения между нациями необходимо сохранять в любой ситуации, находя для этого соответствующие формы.

8 апреля 1928 года пекинское правительство направило ноты Японии и СССР в связи с уступкой участка дороги между Харбином и Чанчунем.

4 июня 1928 года Чжан Цзолинь возвратился из Пекина в Шэньян. Когда его поезд проезжал через станцию Хуангутунь, японцы взорвали мину под составом. Чжан Цзолинь был убит.

19 июня 1928 года Чжан Сюелян уведомил всю страну о смерти Чжан Цзолиня и о вступлении его самого на пост губернатора Шэньяна. На следующий день объявил о прекращении внутренней войны в Китае, освобождении от налогов, то есть о новом политическом курсе.

21 июня 1928 года Вань Фулинь занял пост начальника управления безопасности провинции Хэйлунцзян.

2 июля 1928 года Чжан Сюелян стал главнокомандующим в Северо-Восточном Китае.

29 декабря 1928 года Чжан Сюелян оповестил страну: три восточные провинции «меняют знамя», «объявляют об уважении с завтрашнего дня трех принципов народа (принципов Сунь Ятсена), подчиняются национальному правительству, меняют флаг».

30 декабря 1928 года гоминьдановское, или национальное, правительство назначило Чжан Сюеляна главнокомандующим на северо-востоке и главой административной власти на северо-востоке Китая.

Судьба Чжан Цзолия показательна в ряде отношений.

Во-первых, в Китае того времени, да и не только того времени, в очень сильной степени проявлялось стремление тех или иных местных властителей стать в максимальной степени самостоятельной фигурой и по возможности претендовать на власть над Китаем. Это требовало, в частности, определиться в своем отношении к России. Зачастую тут верх брало национальное предубеждение.

Во-вторых, в Китае того времени, в частности в Маньчжурии, политикам приходилось устанавливать те или иные отношения с японцами. Здесь возникала зависимость от японцев. Убийство японцами Чжан Цзолия лишний раз подтверждало стремление японцев не допускать усиления Китая, его составных частей, его независимости и самостоятельности.

Поведение преемника Чжан Цзолия, его сына Чжан Сюеляна, свидетельствовало о том, что он стремился исправить политику отца и твердо взял курс на признание центрального правительства Китайской Республики во главе с Чан Кайши.

В то же время Чжан Сюелян остался убежденным противником японцев. В этом смысле его политика отличалась от политики Чан Кайши, который считал неизбежными компромиссы с японцами до той поры, пока Китай не станет в достаточной степени сильным, или до тех пор, пока объявление войны против японцев не станет неизбежным. Нашей стороне приходилось иметь дело одновременно и с Чан Кайши, и с Чжан Сюеляном, и с лидерами КПК. В этом была одна из сложностей взаимоотношений между нашими странами в то время.

Далее Цзян Чанбинь, говоря о дальнейших событиях, употребляет термин «война из-за КВЖД» в 1929 году. Так он стремится продолжать представлять читателям в Китае историю взаимоотношений России и Китая как «цепь войн». Периоды мира, промежутки между этими «войнами» были весьма продолжительными, но Цзян Чанбинь строит свои рассуждения таким образом, чтобы создать впечатление, что главное в двусторонних отношениях, в их истории — это «войны».

Цзян Чанбинь также вводит термин «вопрос о Хэйсяцзыдао», говорит о «захвате» этого острова нашей стороной в том же 1929 году.

Так он именуется остров Большой Уссурийский у Хабаровска. На этом факте построено многое в позиции китайской стороны по вопросу о границе. Именно в этом вопросе китайская сторона лжет, полностью искажает суть проблемы, не желает считаться с договорными документами.

27 мая 1929 года полицейское управление особого района в Восточных провинциях получило информацию о том, что в этот день с 12 часов до 3 часов дня в советском консульстве в Харбине состоится «совещание по вопросам пропаганды компартий, входящих в Третий Интернационал». Поэтому в 2 часа дня более ста полицейских начали обыск в помещении консульства, арестовав 39 человек — прибывших на упомянутое совещание ответственных сотрудников всех станций КВЖД, Управления внешней торговли по Дальнему Востоку. 31 мая СССР заявил протест.

5 июня 1929 года советские власти Хайшэньвэя (Владивостока) потребовали освободить арестованных сотрудников консульства, а также заявили, что хотели бы в обмен на это подписать документ о сужении прав начальника управления КВЖД.

13 июня 1929 года СССР из-за обыска в консульстве в Харбине осуществил демонстрацию военной силы в районе китайско-советской границы; в ответ китайские власти Цзилиня направили войска для усиления обороны в районе Айгуна.

С 1927 года отсутствовали дипломатические отношения на уровне посольств в столицах обоих государств, то есть в Москве и в Нанкине.

В то же время сохранялись консульства, в частности в Харбине.

Китайские власти, конечно, знали о том, что Япония готовилась оккупировать прежде всего Северо-Восточный Китай.

Тем не менее усилия китайских властей были сосредоточены не на подготовке к отражению японской агрессии, а на создании конфликта с нашей страной. Благодаря этому китайские власти, то есть власти Китайской Республики, гоминьдановские власти, рассчитывали получить поддержку настроенных враждебно по отношению к нашей стране слоев населения Китая.

В мае 1927 года китайскими властями был осуществлен налет на наше консульство в Харбине. В результате были арестованы служащие КВЖД и работники наркомата внешней торговли по обвинению в пропаганде идей Интернационала в Китае.

Иными словами, китайские власти постоянно настраивали население Китая в том духе, что наша страна — это страна, которая проводит политику, враждебную Китаю и при этом имеет своих «агентов» в Китае — членов КПК.

Так китайские власти переносили на нашу страну ответственность за проблемы, которые существовали внутри самого Китая.

Все-таки все дело было в том, что в Китае тогда КПК имела почву для развития и самой партии, и ее деятельности в широких слоях китайского населения. Конечно, ситуация осложнялась в связи с тем, что Гоминьдан и Компартия Китая находились в состоянии смертельной вражды.

Что же касается нашей страны, то ее положение было очень сложным в связи с тем, что наши национальные интересы требовали одновременно сохранять и развивать отношения и с тогдашними властями Китайской Республики, и с Коммунистической партией Китая. В нашей стране исходили из того, что и то, и другое — это части китайской нации, с которыми нам необходимо поддерживать отношения.

Политика китайских властей была направлена на открытый конфликт с нашей страной. Китайские власти, вероятно, рассчитывали на то, что они при этом получают дополнительную поддержку тех слоев населения, которые враждебно относились к нашей стране, ослабят деятельность КПК и даже найдут некое понимание со стороны Японии.

17 июня 1929 года СССР в окрестностях Маньчжоули усилил свой воинский контингент.

22 июня 1929 года Чжан Сюелян созвал в Шэньяне совещание, на котором обсуждалась политика в отношении Советского Союза; было принято решение переформировать полевые войска, усилить контингент в районе границы, принять в свое ведение КВЖД.

7 июля 1929 года Чжан Сюелян прибыл в Бэйпин, где провел тайные переговоры с Чан Кайши по вопросу о КВЖД.

10 июля 1929 года «инцидент на КВЖД» был начат официально; в соответствии с распоряжением властей северо-востока управляющий КВЖД Люй Жунхуань отдал приказ принять в свое ведение всю КВЖД, приостановить выполнение своих обязанностей советским начальником КВЖД Емшановым и другими руководителями, назначить заместителя начальника управления КВЖД от китайской стороны Фань Цигуана исполняющим обязанности начальника и также приказал выдворить 59 высокопоставленных служащих советской

стороны; силой вернуть средства связи на КВЖД; обыскать и закрыть находящиеся в Харбине советскую компанию по внешней торговле на торговых судах, государственную компанию по внешней торговле, распустить профсоюз рабочих и служащих.

17 июля 1929 года советская сторона, не получив удовлетворительного ответа правительства Китая в связи с «инцидентом на КВЖД», предъявила ультиматум поверенному в делах Китая в СССР, объявила о разрыве отношений с Китаем. Советский консул в Харбине возвратился на родину.

Китайский автор рассказывает о том, что тогда происходило, таким образом, чтобы у его читателей в Китае постепенно складывалось впечатление, что Россия (и досоветская, и советская) всегда была, дескать, нацелена на применение против Китая вооруженных сил. Поэтому и описание событий 1929 года он начинает с утверждения, что это, дескать, наша страна усилила свои вооруженные силы в районе границы между СССР и КНР.

При этом Цзян Чанбинь не говорит о сути происшедшего, то есть о том, что наша сторона всего-навсего стремилась действовать в соответствии с имевшимися договоренностями и соглашениями, а китайские власти шли не только на срыв этих соглашений и договоренностей, но и на прямое нарушение юридической основы двусторонних отношений в том, что касалось КВЖД.

Китайский автор как о чем-то якобы само собой разумеющемся говорит о намерении китайских властей «принять в свое ведение КВЖД». У китайских властей не было никаких договорно-правовых, юридических оснований лишать нашу сторону ее прав, касающихся КВЖД. Китайские власти в данном случае нарушали договоренности. Наша сторона выступала за соблюдение юридических договоренностей.

Китайский автор также как о чем-то якобы само собой разумеющемся говорит о том, что решение «отнять» у нашей стороны ее права, касающиеся КВЖД, было принято и местными, и центральными властями Китайской Республики. Таким образом, китайское государство того времени нарушило договорные отношения с нашей страной, касающиеся КВЖД, применило силу в наших двусторонних отношениях.

Именно этим и была вызвана наша ответная реакция: объявление о разрыве отношений и об отзыве нашего консула из Харбина.

Если принять во внимание все то, что произошло в наших двусторонних отношениях в 1920-х годах, то становится очевидно, что

наша сторона сделала все возможное и для установления и налаживания двусторонних отношений, и для того, чтобы помочь партии Гоминьдан Китая добиться военным путем объединения страны, и для того, чтобы всемерно помогать КПК, и для того, чтобы сохранять и развивать существующие, отвечающие совпадающим интересам сторон связи, в том числе и применительно к КВЖД.

Китайские власти вели себя иначе. Партия Гоминьдан Китая, будучи заинтересована в нашей военной и финансовой помощи, воспользовалась и трудом, и умом, и знаниями наших военных советников и предоставленным нами вооружением и займами, а также нашим содействием в налаживании сотрудничества между Гоминьданом и КПК.

Однако затем китайские власти сначала прервали дипломатические отношения на уровне посольств, исходя из политических расчетов в борьбе против КПК. Далее, несмотря на нарастающую угрозу агрессии со стороны Японии, китайские власти попытались силой «отнять» у нашей стороны ее права, касавшиеся КВЖД и, наконец, спровоцировали вооруженное столкновение между нами.

Таким образом, власти Китайской Республики, партия Гоминьдан Китая продолжили политику тех политических сил внутри Великой Цинской империи, которые руководствовались национальным предубеждением против нашей страны и которые видели всю историю наших двусторонних отношений как почти непрерывную цепь войн. Самым опасным при этом представляется то, что и в начале двадцать первого века в КНР население воспитывают в духе отношения к самому понятию «войны» с нашей страной как к чему-то якобы естественному и исторически вполне обычному и приемлемому.

27 июля 1929 года советской армии был отдан приказ о мобилизации. Нанкинское правительство решило направить стотысячную армию вести войну против СССР. В том же месяце на родину продолжали возвращаться советские консулы и дипломатические работники консульств в Цицикаре, Маньчжоули, Хайларе, Суйфэньхэ, а также советские граждане.

Китайский автор, функционер КПК, пытается внушать современным читателям в КНР, что наша страна якобы должна нести ответственность за свои действия во взаимоотношениях с китайскими властями конца 1920-х годов. При этом Китай в его описании предстает как единая нация, которая в 1929 году якобы подверглась нападению с нашей стороны.

На самом деле это китайские власти вынудили нашу сторону защищать себя. Действия китайских властей были на практике применением силы и захватом КВЖД. Наши действия были единственным возможным и эффективным средством вернуть ситуацию в русло договорных отношений между двумя государствами.

При этом тогдашнее государство в Китае было Китайской Республикой с правящей в ней партией Гоминьдан Китая.

Итак, в начале нынешнего столетия в КНР стараются не вспоминать о том, что в 1929 году КПК находилась в состоянии смертельной классовой борьбы против своего главного врага внутри Китая, то есть против партии Гоминьдан Китая и против тогдашнего китайского государства — Китайской Республики. КПК при этом пользовалась помощью с нашей стороны и считала нашу сторону союзником, а нашу помощь братской интернациональной солидарностью.

Теперь та же КПК, ее функционер внушают населению КНР, что это наша страна, дескать, в 1929 году развязала очередную войну против Китая.

Судя по тому, как подает развитие событий функционер КПК, он обвиняет нашу страну в том, что это, дескать, она первая осуществила мобилизацию. Он представляет масштабы этой мобилизации столь большими, что это, дескать, потребовало от китайских властей широкомасштабных ответных действий: «Нанкинское правительство решило направить стотысячную армию вести войну против СССР». Китайский автор пишет об этом так, как будто бы правительство Гоминьдана — это его «родное» правительство.

Сегодня пропаганда КПК воспитывает население в КНР так, чтобы нынешние китайцы считали, что внутренняя борьба в Китае внутренней борьбой, но все китайцы, вне зависимости от того, к какой политической партии они принадлежали или принадлежат, должны видеть в нашей стране военного врага, врага китайской нации в целом.

В подтверждение своего утверждения о том, что это наша страна, дескать, пошла войной против китайцев как нации, китайский автор говорит о том, что СССР отзывал из Китая и своих командированных работников и вообще граждан СССР.

6 августа 1929 года СССР создал в Хабаровске «Особую Дальневосточную армию», назначив Блюхера (то есть Галина) ее командующим.

12 августа 1929 года 2 тысячи солдат советской армии заняли некоторые населенные пункты в Северо-Восточном Китае.

14 августа 1929 года советская армия продолжала занимать территорию Китая.

15 августа 1929 года Чжан Сюелян отдал приказ о мобилизации в ответ на ведение войны советской армией, направил 60 тысяч солдат укрепить границу.

16 августа 1929 года советская армия силами дивизии захватила Чжалайнор и Маньчжоули, происходили ожесточенные схватки.

17 августа 1929 года нанкинское правительство опубликовало декларацию о состоянии войны с СССР.

18 августа 1929 года советская армия оккупировала уездный город Дуэнин; на следующий день отступила.

19 августа 1929 года советская армия атаковала уездный город Суйбин.

10 октября 1929 года со стороны Байкала 30-тысячная советская армия вошла в пределы Северо-Восточного Китая; в Северо-Восточном Китае было объявлено о боевой готовности.

Дальнейшие военные действия современный пропагандист идей и политики КПК описывает, употребляя в качестве характеристики нашей тогдашней армии термин «советская армия» или «армия СССР».

В нынешнем Китае проводится различие между наименованиями нашей армии тогда, когда о ее действиях, например против гитлеровской Германии, говорят позитивно и тогда употребляют термин «Красная армия» или «Красная армия Советского Союза», и тогда, когда речь идет о действиях нашей армии, которые трактуют как направленные якобы против нации Китая, и тогда употребляют термин «Советская Армия» или «Армия СССР». Слово «советский», слово «СССР» вообще, и в этом, и в ряде других подобных случаев, постепенно наполняется в современной пропаганде КПК негативным содержанием. Все «советское» подается как враждебное Китаю, китайцам как нации.

Цзян Чанбинь подчеркивает: «30-тысячная советская армия вошла в пределы Северо-Восточного Китая» со стороны озера Байкал. Он применяет термины «захват», «захват территории Китая», «заяние» территории Китая, «оккупация» его территории, когда речь идет о действиях нашей армии.

Китайский автор вводит в текст своей работы и сообщение о том, что «нанкинское правительство опубликовало декларацию о состоянии войны с СССР».

Таким образом, для современной пропаганды КПК представляется важным внушать партийным кадрам КПК и населению Китая

мысль о том, что во взаимоотношениях России (СССР, ВКП/б/) и Китая (Китайской Республики) в 1929 году имела место самая настоящая война.

Мало того, пропаганда КПК при этом называет сегодня тогдашнее гоминьдановское правительство, правительство тогда злейшего классового врага КПК Чан Кайши, просто «нанкинским правительством», стремясь тем самым внушать, что речь шла тогда о действиях единого центрального правительства всей нации Китая против якобы пошедшего войной против Китая СССР.

Ответные действия нашей стороны продолжались с августа по ноябрь 1929 года. Попытка китайских властей применить силу против нашей страны провалилась.

11 октября 1929 года в Москве начались китайско-советские переговоры. 18 октября Карахан направил ноту Мо Дэхою, потребовав выполнения «Соглашения в Боли» (Хабаровского протокола); роспуска формирований белых русских; передачи (возвращения) управлению КВЖД права на пользование телефонной связью в Харбине; равного права Китая и СССР в области охраны КВЖД.

Помимо восстановления определенного двусторонними соглашениями порядка функционирования КВЖД, наша сторона обратила внимание китайской стороны на то, что в Китае вплоть до 1929 года продолжали действовать формирования «белых русских». Такое отношение китайских властей к этим формированиям было, по сути дела, нарушением двусторонних договоренностей 1924 года. Наша сторона потребовала распустить эти формирования.

12 октября 1929 года советская армия пустила в ход 25 самолетов, десять боевых кораблей, 3 тысячи пехотинцев, 800 кавалеристов, развернув бешеное наступление в направлении Тунцзяна. В результате ожесточенных боев все китайские сторожевые корабли были потоплены, китайская пехота понесла тяжелые потери убитыми и ранеными. Советская армия захватила Тунцзян. 19 октября она была выведена из него. Однако советская армия оккупировала Хэйсяцзыдао («Фуюаньскую дельту»).

Для действий китайской стороны даже после того, как стало очевидно, что попытки силой навязать нарушение установленного порядка функционирования КВЖД провалились, было характерно следующее.

Китайская сторона одновременно применяла и дипломатические, и силовые приемы. Она вступала в переговоры на местном уровне. Она подписывала, в данном случае, например Хабаровский протокол. Затем она дезавуировала своих представителей, подписывавших соглашение с нашей стороной. На протяжении всего этого времени она продолжала применять вооруженные силы.

Наконец, современный пропагандист, функционер КПК Цзян Чанбинь утверждает, что именно в ходе войны наша страна в 1929 году, дескать, «оккупировала» острова под Хабаровском.

Здесь необходимо напомнить, что в соответствии с Пекинским дополнительным договором 1860 года и приложенной к нему картой, в соответствии с красной линией, проведенной на этой карте, острова у Хабаровска, как и другие острова на пограничных реках, являлись территорией России. Кроме того, в соответствии с двусторонним российско-китайским документом 1886 года пограничный знак, обозначенный литерой «Е», стоял на китайском берегу протоки Казакевича. И это также свидетельствует о том, что по договору о границе острова у Хабаровска являлись исключительно нашей территорией.

Утверждения о «захвате» нами этих островов — это обман китайского населения современной пропагандой КПК. Важно отметить, что пропаганда в КНР продолжает именно таким образом настраивать людей в КНР и после того, как в 2001 году был подписан договор, в котором было сказано, что обе стороны с удовлетворением отмечают отсутствие взаимных территориальных претензий, и после того, как в 2008 году была завершена демаркация границы, в частности на островах у Хабаровска.

В целом современный китайский пропагандист Цзян Чанбинь стремится так подать картину событий, чтобы у его китайских читателей сложилось следующее впечатление: наша сторона, дескать, силой навязывала свой порядок функционирования КВЖД; при этом наша сторона, дескать, в 1929 году пошла на войну против Китая как нации; в ходе этой войны наша сторона применила все виды вооруженных сил, развернула «бешеное наступление», «убила и ранила многих китайцев»; китайцы же, дескать, со своей стороны мужественно сопротивлялись этим действиям нашей стороны. Иными словами, китайский автор в начале нынешнего века стремится создавать у китайских читателей впечатление, что к нашей стороне у китайцев должен быть большой «кровавый счет», из

чего следует, что нам, дескать, «долг крови придется платить кровью».

30 октября советская армия силой большой группы боевых кораблей вторглась и направилась вверх по течению реки Сунгари, оккупировала близлежащий уездный город, сожгла присутственные места, разграбила военное имущество. 2 ноября ушла из уездного центра.

17 ноября 1929 года советская армия развернула одновременно наступление на западном направлении на Маньчжоули и Чжалайнон; армия северо-востока в обоих случаях понесла тяжелые потери, в плен попали более 7 тысяч солдат.

24 ноября 1929 года советская армия штурмом взяла Хайлар.

Стремясь усилить впечатление от своих утверждений, Цзян Чанбинь подробно говорит о происходивших тогда боях, употребляя и повторяя термины «штурмом взяли», «оккупировали», «сожгли», «разграбили», нанесли «тяжелые потери» китайской стороне, «в плен попали более 7 тысяч солдат» китайской армии.

Так он пытается создавать впечатление, что речь шла о войне, начатой без всяких на то оснований нашей стороной, о широком масштабе этой войны, о нашей армии как армии мародеров и поджигателей. При этом, очевидно, подразумевается, что нашей стороне придется «расплачиваться» за все это.

26 ноября 1929 года Чжан Сюэлян принял условия, выдвинутые Советским Союзом: восстановить прежнее положение, существовавшее до столкновения (конфликта) между Китаем и Советским Союзом, освободить всех взятых в плен сотрудников советского персонала. 30 ноября он направил Цай Юньшэна в Боли для переговоров с советской стороной.

3 декабря 1929 года Цай Юньшэн с представителем СССР подписали «Проект договора в Шуанчэнцзы» («Проект мирного договора между Ляонином и СССР»); 5 декабря Цай Юньшэн вернулся в Шэньян и доложил о результатах; 6 декабря административный комитет северо-востока признал проект договора.

22 декабря Китай и СССР заключили «Протокол совещания в Боли (Хабаровске)».

23 января 1930 года Управление железной дороги в Восточных провинциях было переименовано в «Управление Китайской Восточной железной дороги».

Окончание конфликта на КВЖД в 1929 году подается китайским автором таким образом, чтобы усилить впечатление о якобы насильственном по отношению к Китаю поведении нашей стороны.

Из того, что говорит при этом Цзян Чанбинь, следует вывод о том, что на КВЖД якобы изначально существовал навязанный нашей стороной неравноправный характер взаимоотношений между Россией и Китаем, что справедливые действия китайской стороны, направленные на удовлетворение законных требований китайского народа, натолкнулись на продолжение политики силы с нашей стороны, которая, дескать, развязала против Китая в 1929 году широко-масштабную войну.

И именно и только пользуясь существовавшим тогда военным преимуществом советской стороне, дескать, удалось «навязать» китайской стороне свои ультимативные условия.

Местные китайские власти на северо-востоке Китая были вынуждены подписать навязанные им нашей стороной под давлением военной силы и в условиях «оккупации» части Маньчжурии соглашения, в частности Хабаровский протокол.

15 февраля 1930 года национальное правительство в Нанкине специально направило Мо Дэоя в качестве полномочного представителя на китайско-советских переговорах с тем, чтобы разрешить вопросы, существовавшие после приведения в порядок вопроса о Китайской Восточной железной дороге.

7 октября 1930 года генеральный консул СССР в Харбине Мельников направил ноту властям Северо-Восточного Китая, потребовав от них принятия мер с целью прекращения деятельности бело-бандитов в Северо-Восточном Китае.

29 ноября 1930 года Мо Дэхой доложил министерству иностранных дел в Нанкине о том, что он с начала и до конца (полностью) не признает «Соглашение в Боли (то есть в Хабаровске)».

11 апреля 1931 года состоялось третье заседание представителей Китая и СССР; Мо Дэхой передал проект соглашения о выкупе КВЖД.

В начале 1930 года центральные китайские власти вступили в переговоры с нашей стороной. Позиция нашей стороны в этих условиях подается с упором на выдвижение очередных «ультимативных» требований. В данном случае требования прекратить действия «белых русских» в Маньчжурии.

Цзян Чанбинь создает у читателей в КНР впечатление о том, что в 1930 и 1931 годах, то есть прямо накануне вторжения японцев в Маньчжурию, СССР продолжал предъявлять «необоснованные требования» китайской стороне и в связи с деятельностью «белых русских» в Маньчжурии, и настаивая на «навязанном» китайской стороне Хабаровском протоколе.

Цзян Чанбинь подводит читателей к выводу о «закономерности и справедливости» позиции правительства Китайской Республики, которое не признало подписанный местными властями Северо-Восточного Китая Хабаровский протокол.

Так, согласно логике Цзян Чанбиня, выходит, что Китай как нация в 1929–1931 годах оказался под двумя осуществлявшимися последовательно ударами военного характера, со стороны СССР и со стороны Японии. Так в современном Китае воспитывают население в духе уверенности в том, что у Китая, у китайской нации, в то время якобы были два главных военных врага — СССР и Япония, что и СССР, и Япония начали войны против Китая.

Далее Цзян Чанбинь пишет о состоянии вопроса о границе в 1931–1945 годах — годах оккупации Японией Северо-Восточного Китая, а также о советско-японских отношениях в начальный и средний периоды существования марионеточного государства Маньчжоу-Го.

Он сосредоточивает внимание читателей на взаимоотношениях по пограничным вопросам между СССР и Маньчжоу-Го, на «войне в районе Чжангуфэн» (высота Заозерная у озера Хасан, где в 1938 году были разгромлены японские захватчики), а также на «инциденте в Номэнкане», то есть на реке Халхингол, и, наконец, на «японо-советском договоре о нейтралитете».

Цзян Чанбинь последовательно продолжает линию на то, чтобы подчеркивать, что в 1930-х годах параллельно и одновременно во взаимоотношениях нашей страны и Японии происходили два процесса: каждая из этих двух сторон стремилась извлечь как можно большую выгоду из Китая, за счет Китая, и в то же время наша страна и Япония время от времени «покусывали» одна другую. Китай при этом оказывался в положении «слабого», того, кто пока не мог нанести должные удары и по одному, и по другому «агрессору» и «оккупанту». Хотя «счет» и к тому, и к другому у китайской нации накапливался.

22 июня 1931 года в район Большого Хинганского хребта проникли японские шпионы Накамура и другие; они были арестованы

командиром полка армии Северо-Восточного Китая Гуань Юйхэном и приговорены к смертной казни.

16 августа 1931 года Чан Кайши телеграфировал Чжан Сюеляну: «Какие бы провокации ни устраивала японская армия в дальнейшем, нашей стороне необходимо не давать отпор, а нашим силам уходить от столкновений».

18 августа 1931 года японское правительство опубликовало доклад о расследовании так называемого «инцидента с Накамурой»; в Японии это вызвало истерию призывов к войне.

12 сентября 1931 года Чан Кайши лично сказал Чжан Сюеляну в Шицзячжуане: «Строго приказываю всей армии Северо-Восточного Китая: во всех случаях, когда она окажется перед лицом наступления японской армии, ей не разрешается давать отпор».

С 15 по 17 сентября 1931 года командир полка армии Северо-Восточного Китая Гуань Юйхэн был арестован и препровожден в Шэньян; 17 сентября японское генеральное консульство было уведомлено о желании согласовать разрешение проблемы.

Начало оккупации Японией Северо-Восточного Китая при этом описывается следующим образом.

Япония засылала своих шпионов в район Большого Хинганского хребта.

Одну из таких групп китайцы захватили, и командир полка армии Северо-Восточного Китая приказал расстрелять захваченных японцев. В Японии на этой основе подняли кампанию призывов к войне против Китая.

Центральные власти Китайской Республики приказали местным властям Маньчжурии не оказывать отпор провокациям со стороны Японии. Чан Кайши лично строго наказал Чжан Сюеляну ни в коем случае не оказывать сопротивление наступлению японской армии. Китайские власти наказали упомянутого командира полка.

Таким образом, с одной стороны, подчеркивается, что народ и армия Северо-Восточного Китая хотели дать отпор Японии. С другой стороны, правительство Китайской Республики фактически капитулировало перед требованиями Японии и открыло путь к оккупации Японией Северо-Восточного Китая.

Здесь отчетливо видна разница между действиями китайских властей и их трактовкой Цзян Чанбином, когда он говорит о нашей стране и о Японии.

18 сентября 1931 года в 10 часов 20 минут вечера японская Квантунская армия в окрестностях Шэньяна сама устроила взрыв

на Южно-Маньчжурской железной дороге; при этом вину возложили на китайскую армию; вслед за этим началось наступление на Бэйдаин и Шэньян, был создан инцидент 18 сентября.

Японцев осуждают за «наступление» в Маньчжурии. При этом применяется термин «инцидент 18 сентября» 1931 года, но не термин «война».

21 сентября 1931 года японская армия оккупировала столицу провинции Цзилинь город Чанчунь; комитет КПК провинции Маньчжурия принял резолюцию «Оккупация Маньчжурии японским империализмом и задачи партии на современном этапе». Выдвинул призыв дать отпор Японии.

Таким образом, подчеркивается, что КПК с самого начала выступала за оказание отпора японцам.

10 октября 1931 года Чжан Сюелян назначил Ма Гушаня исполняющим обязанности председателя правительства провинции Хэйлунцзян.

15 октября 1931 года один из командиров, оборонявших Маньчжурию, сдался японской армии.

4 ноября 1931 года началась «война — оказание отпора (сопротивления) на железнодорожных мостах» в Хэйлунцзяне. В тот же день народный комиссар по иностранным делам СССР Литвинов заявил о невмешательстве в вопрос о Маньчжурии.

Здесь одновременно говорится о том, что руководитель местной администрации в Северо-Восточном Китае Чжан Сюелян расставлял на руководящих постах тех, кто внушал надежды на оказание сопротивления Японии. И такое сопротивление, по сути дела партизанские действия, выразившиеся в подрыве железнодорожных мостов на КВЖД, на протяжении некоторого времени имели место. В то же время китайские военные и чиновники активно переходили на сторону японцев, выражали желание служить японцам.

Цзян Чанбинь на рисуемом им фоне возрастания опасности для Китая со стороны Японии и определенного сопротивления китайцев японской агрессии вводит утверждение о том, что наша страна заявила именно в этот момент «о невмешательстве в вопрос о Маньчжурии».

Это делается для того, чтобы побуждать читателей в Китае лиш- ний раз подумать о том, что наша страна, дескать, действовала ис- ключительно в своих интересах и не помогала Китаю.

Рассуждения в современной КНР о «политике невмешательства» и вообще о характере наших отношений тогда с японцами прониза- ны мыслью о том, что наша страна, дескать, «виновата» перед ки- тайцами в том, что не пошла войной против Японии за интересы Ки- тая тогда, когда японцы практически без боя оккупировали Мань- чжурию.

На самом деле Китай тогда сам себя фактически не защищал должным образом. Его центральное правительство не оказывало во- енного сопротивления Японии. И в то же время от нас требовали вести войну практически вместо Китая против Японии.

7 ноября Ма Гушань издал «Декларацию об объявлении войны Японии».

12 ноября 1931 года японцы принуждали Ма Гушаня сдаться в плен, Ма Гушань обратился к Чжан Сюеляну. Тот ответил: «Оборо- няться до конца, не отступать».

15 ноября 1931 года японцы предъявили Ма Гушаню ультима- тум, потребовав, чтобы его войска отступили за линию севернее Цицикара; не действовали к югу от КВЖД; Ма Гушань отверг ульти- матум.

18 ноября 1931 года японцы начали наступление; Ма Гушань той же ночью сообщил об этом в Бэйпин и приказал своим войскам от- ходить.

26 ноября 1931 года Ма Гушань создал в Хайлуэне правительство провинции Хэйлунцзян.

7 декабря 1931 года японцы направили парламентариев убеж- дать Ма Гушаня сдаться. 11 декабря Ма Гушань встретился с чинов- ником из провинции Шаньдун.

Цзян Чанбинь чрезвычайно подробно пишет о том, что происхо- дило в Маньчжурии в первой половине 1930-х годов. Складывается впечатление, что этому посвящено больше места, чем любым иным событиям в истории наших двусторонних отношений.

А ведь речь у Цзян Чанбиня идет главным образом о действиях Японии в Маньчжурии и о том, как вели себя там те или иные ки- тайцы. Казалось бы, это не имеет прямого отношения к нашей стра- не. Но Цзян Чанбинь пишет обо всем об этом именно так, преследуя свои цели.

Он подчеркивает, что в Маньчжурии были китайцы, которые попытались, насколько это было в их силах, оказывать сопротивление. Он даже как бы намекает на то, что если центральные власти Китайской Республики отстранились от оказания отпора Японии, то наша страна, дескать, должна была помогать тем китайцам, которые оказывали сопротивление Японии в Северо-Восточном Китае.

На самом деле даже из его описания следует, что это сопротивление оказывалось во многом на словах. Позиции тех или иных китайских чиновников менялись от деклараций сопротивления до соглашательства с японцами и перехода на сторону японцев.

31 декабря 1931 года советский нарком по иностранным делам Литвинов предложил японскому министру иностранных дел, чтобы СССР и Япония заключили договор о взаимном ненападении, или договор о нейтралитете.

Цзян Чанбинь последовательно внушает своим читателям, что наша страна тогда была якобы заинтересована исключительно в том, чтобы остаться в стороне от войны в Китае. В связи с этим и подчеркивается, что наша страна тогда предлагала японцам подписать договор о нейтралитете, или о взаимном ненападении.

На самом деле все это объяснялось прежде всего тем, что сам Китай, его центральное правительство, да и население Китая, не вступили в повсеместную самую широкомасштабную войну против японской оккупации.

И если Китай не был готов к такой войне, если ему требовались время и помощь извне для того, чтобы вступить в такую войну, то политика нашей страны учитывала все это.

Мы сдерживали продвижение Японии на север, нападение ее на нашу страну; продвижение Японии на запад, то есть фактически не допускали вторжения Японии в Китай с севера через Монголию.

Одновременно мы были готовы восстановить дипломатические отношения с Китайской Республикой, а далее подписать с ней соответствующий договор и оказывать ей реальную военную помощь вооружением, добровольцами, денежными средствами, сочувствием нашего народа оказанию китайцами отпора японским агрессорам.

Можно сказать и иначе. Несмотря на то, что китайская сторона вела в 1929 году против нас неспровоцированные военные действия в связи с событиями на КВЖД, несмотря на то, что в наших двусторонних отношениях имело место то, что Цзян Чанбинь именует «войной», наша сторона делала все возможное, вела трудную и дли-

тельную борьбу за то, чтобы превратить наши двусторонние отношения из отношений военной конфронтации в отношения мира, отношения союзников по оказанию действенного отпора японскому вторжению и в Китай, и в СССР, и в Монголию.

1 января 1932 года Чжан Цзинхой в Харбине объявил о своем вступлении на пост губернатора провинции Хэйлунцзян и о разрыве связей с правительством в Нанкине.

6 января 1932 года Ма Гушань в Сунпу провел переговоры с Чжан Цзинхоем и другими, они достигли соглашения по вопросу о марионеточной власти в провинции Хэйлунцзян.

12 января 1932 года посол СССР в Японии Трояновский посетил премьер-министра Японии, чтобы узнать мнение о предложении заключить договор о взаимном ненападении. Япония отнеслась к этому пассивно. 13 января СССР через посла Великобритании в СССР снова прощупал позицию Японии и снова безрезультатно.

Цзян Чанбинь упорно продолжает внушать китайским читателям, что, дескать, в то время, когда в северной части Маньчжурии некие чиновники пытались создать марионеточный режим, наша страна снова и снова предлагала Японии заключить договор о взаимном ненападении. Из этого для читателей в Китае, согласно мысли Цзян Чанбиня, должен следовать вывод о том, что наша страна, дескать, «бросила» китайцев на произвол судьбы.

24 января 1932 года состоялось совещание военачальников провинции Хэйлунцзян в Хайлуэне. Было принято решение наступать с двух направлений: на Харбин и Цицикар.

7 февраля 1932 года Ма Гушань встретился в Харбине с японцем — командиром полка, согласился участвовать в так называемом «совещании по вопросу о создании государства».

16 февраля 1932 года Чжан Цзинхой, Ма Гушань участвовали в созванном в Шэньяне «совещании по вопросу о создании государства» — марионеточного государства Маньчжоу-Го. Чжан Цзинхой стал председателем марионеточного административного комитета северо-востока, а Ма Гушань и прочие — членами этого комитета.

21 февраля 1932 года Ма Гушань уведомил всю страну о том, что «он испытывает угрызения совести и подает в отставку, чтобы поблагодарить людей нашей страны».

23 февраля 1932 года Ма Гушань во главе гражданских и военных руководителей Хэйлунцзяна возвратился из Хайлуэна в Цици-

кар; на следующий день занял пост губернатора провинции Хэйлунцзян.

29 февраля 1929 года советский начальник управления КВЖД согласился с тем, чтобы японская армия использовала железную дорогу для перевозки своих солдат.

Снова и снова китайский автор описывает не имевшие практически никакого значения маневры и акции китайских чиновников, присовокупляя к этому упоминание о согласии «советского начальника» КВЖД перевозить по этой железной дороге японских солдат. Мы тут, в описании Цзян Чанбиня, оказываемся чуть ли не пособниками японцев. На самом деле Китай не считал нужным воевать за Маньчжурию, бросил ее население, да заодно и наших людей, работавших на КВЖД, под власть японских оккупантов. Поэтому мы были вынуждены, когда речь шла о КВЖД, иметь в этих условиях дело с японцами.

1 марта 1932 года марионеточный административный комитет северо-востока от имени «правительства Маньчжоу-Го» опубликовал «декларацию о создании государства».

9 марта 1932 года японцы и их марионетки провели в Чанчуне «церемонию создания государства»; Пу И «пришел к власти».

10 марта 1932 года Пу И и командующий Квантунской армией заключили договор о предательстве родины, установили, что оборона государства, поддержание порядка поручается Японии; железными дорогами, портами, водными путями, воздушными путями ведает Япония; марионеточное государство Маньчжоу-Го предоставляет японцам то, что им необходимо для армии; японцы могут быть должностными лицами Маньчжоу-Го.

Итак, 18 сентября 1931 года Япония начала оккупацию Маньчжурии.

9 марта 1932 года, то есть менее чем через полгода, японцы создали в Маньчжурии марионеточное государство Маньчжоу-Го. Официально власть в Маньчжурии стала принадлежать этому государству. На практике по делам, связанным с КВЖД, нам пришлось иметь дело с чиновниками этого государства и, конечно, с их реальными хозяевами, японцами.

Руководителем Маньчжоу-Го стал в свое время последний император Великой Цинской империи Пу И. Он передал оборону Маньчжурии Японии, отдал ей власть над транспортной сетью; обязался

снабжать всем необходимым японскую армию. Было также предусмотрено, что японцы могут быть должностными лицами в Маньчжоу-Го. Вообще говоря, намечался пусть временный, но симбиоз маньчжуров и японцев в Маньчжурии.

Необходимо отметить, что немало жителей Маньчжурии так или иначе смирились с созданием Маньчжоу-Го. Была сформирована довольно многочисленная армия этого марионеточного государства. На территории Северо-Восточного Китая в те годы существовало практически два марионеточных государства: Маньчжоу-Го и монгольское государство. Японская оккупационная армия насчитывала в этом районе Китая 700 тысяч штыков, а армии Маньчжоу-Го и монгольского марионеточного государства в общей сложности 300 тысяч солдат.

Кстати, после капитуляции Японии большая часть солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го стала солдатами Освободительной армии народа Китая на северо-востоке страны, которой командовал Линь Бяо.

В настоящее время гоминьдановцы на Тайване осуждают КПК и за это, и за то, КПК сегодня, не имея на то оснований, утверждает, что она, дескать, была главной силой сопротивления японскому нашествию, в то время как главное сопротивление тогда оказывала армия Китайской Республики, то есть армия Гоминьдана; в этой армии было 1,7 млн солдат, в то время как численность вооруженных сил КПК составляла тогда 70 тысяч человек, включая и новую Четвертую армию.

3 апреля 1932 года Ма Гушань созвал совещание всех частей добровольческой армии, на котором был принят план совместных боевых действий против японцев.

7 апреля 1932 года Ма Гушань прибыл в Хэйхэ.

12 апреля 1932 года Ма Гушань из Хэйхэ уведомил страну и следовательскую миссию Лиги Наций о замысле японцев создать Маньчжоу-Го — марионеточное государство, заявил о намерении продолжать оказывать отпор Японии.

19 апреля 1932 года Ма Гушань в Хэйхэ заявил о выступлении против Маньчжоу-Го и об отпоре Японии. Вместе с чиновниками всей провинции заявил: не признаем смещения нас с постов чиновников марионеточным правительством; необходимо деньги переводить в Хэйхэ; вооружать народ во всех уездах; добровольческая армия не должна наносить вред народу.

В мае 1932 года следовательская миссия Лиги Наций действовала на северо-востоке Китая.

1 июня 1932 года Ма Гушань вел ожесточенные бои против японцев и войск Маньчжоу-Го в Хулани и Хайлуне.

20 июня 1932 года добровольческая армия Цзилина атаковала Харбин. Вела ожесточенные бои с японцами.

10 июля 1932 года части Ма Гүфэна снова сражались с японцами; другая часть его войск атаковала Аньда, благодаря чему было прервано движение на западной части КВЖД.

29 июля 1932 года японцы разбили часть войск Ма Гушаня, при этом японцы ошибочно сочли убитым Ма Гушаня, начав в этой связи широкую пропагандистскую кампанию.

29 августа 1932 года посол Японии в СССР встретился с заместителем наркома по иностранным делам СССР Караханом и официально выдвинул требование продать КВЖД. 6 сентября Карахан ответил японскому послу: «после совещания с людьми, ведающими с советской стороны КВЖД, в принципе согласны продать дорогу».

Цзян Чанбинь подробно останавливается на деятельности китайцев, которые продолжали сопротивляться японской оккупации в 1932 году. В сущности, это были локальные действия, которые мало сказывались на ситуации. Цзян Чанбинь подверстывает к этому сообщение о деятельности миссии Лиги Наций в Маньчжурии. И тут же, как бы в противовес предыдущим сообщениям, пишет о том, что наша страна согласилась в том же 1932 году продать КВЖД японцам. Цзян Чанбинь стремится создать впечатление, что продажа КВЖД не была вынужденной для нас. Он также не говорит о том, что произошло это в условиях, когда Китай практически без боя отдал Маньчжурию и КВЖД японцам.

9 сентября 1932 года Ма Гушань прибыл в Лунмэнь, установил связь со всеми частями добровольческой армии, готовился снова вступить в бой с японцами.

27 сентября 1932 года восстали части Су Бинвэня и Чжан Дяньцзю, они нанесли удар по аэродрому в Хайларе, уничтожили солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го, задержали японского офицера и сотрудников японской разведки, уничтожили один японский самолет.

10 октября 1932 года одна из частей Ма Гушаня вместе с народной дружиной атаковала уездный центр Хайлунь, уничтожила много японских и марионеточных солдат.

14 ноября 1932 года Пу И уговаривал Су Бинвэня сдаться, но получил отказ.

16 ноября 1932 года состоялась встреча Ма Гушаня, Су Бинвэня в Хайлуне.

5 декабря 1932 года Су Бинвэнь, Ма Дяньцзю во главе своих частей отошли в СССР. Ма Гушань под другим именем тоже выбыл за границу вместе с ними.

К декабрю 1932 года японцы подавили сопротивление отдельных партизанских отрядов китайцев на северо-востоке Китая. Единственным спасением для тех китайцев, которые до конца боролись против японских оккупантов, был отход на территорию СССР. При этом Цзян Чанбинь не упоминает о том, что это было не только спасение для китайских людей, потому что их в нашей стране приняли по-дружески, но и возможность для одной их части переехать в Синьцзян, чтобы оттуда продолжать борьбу против японцев, а для другой части в составе нашей армии готовиться к разгрому Квантунской армии в 1945 году.

В декабре 1932 года партийный комитет КПК в Маньчжурии направил Чжао Шанчжи, У Фухая в Баянь возглавить там партизанский отряд для борьбы против японцев.

7 января 1933 года отошедшие в пределы СССР руководители добровольческой армии Ма Гушань, Су Бинвэнь, Чжан Дяньцзю, Се Кэ выступили с обращением, потребовав от национального правительства «при выработке всех военно-политических планов иметь целью сопротивление Японии и спасение государства»; провозгласили желание вернуться на родину, объединить армии и уничтожить врага.

Коммунистическая партия Китая призывала китайский народ и власти Китайской Республики оказывать сопротивление японцам. Это находило свое проявление и в Маньчжурии. Однако масштабы такого сопротивления после подавления в целом партизанского движения на северо-востоке были незначительны.

Цзян Чанбинь подает обращение тех китайцев, которые спаслись, отойдя на территорию нашей страны, с выражением желания «вернуться на родину, объединить армии и уничтожить врага» как нечто отдельное от политики нашей страны, как нечто не связанное с взаимодействием КПК и нашей страны.

Цзян Чанбинь хотел бы создать впечатление, что китайцы своими силами и без «участия» в этом нашей страны в конечном счете в 1945 году разгромили японских оккупантов.

На деле это было совсем не так. Призыв в 1932 году с нашей территории к правительству Китайской Республики объединить усилия для оказания отпора японцам был проявлением совпадения интересов китайцев, нашедших спасение в нашей стране и выступавших за такую тактику, и нашей страны, которая принадлежала к инициаторам создания единого антияпонского фронта в Китае.

26 января 1933 года ЦК КПК направил письмо всем партийным организациям и всем членам партии в Маньчжурии (письмо также называется «Письмо с указаниями от 26 января») с призывом создавать широкий национальный единый фронт в целях оказания отпора Японии, расширять массовую партизанскую войну.

Итак, призыв к созданию единого фронта раздался с нашей территории в 1932 году, а в следующем, то есть в 1933 году был поддержан ЦК КПК.

28 февраля 1933 года член КПК Ли Чжэнлу во главе партизанского отряда спасения отечества и оказания отпора Японии вел бои с японской и марионеточной армией в Туаньшаньцзы, что в уезде Нинъань, и в других районах; в октябре вооруженное ополчение оказания отпора Японии заняло уездный город Мичэн; несколько сот человек из марионеточного полицейского отряда в уездном городе Цзинчэн подняли восстание.

28 марта 1933 года партизанская армия оказания отпора Японии и спасения отечества окружила и штурмовала город Цзинчэн, многие солдаты марионеточной армии перешли на нашу сторону.

30 марта 1933 года японец, член японской коммунистической партии... пригнал в деревню Мацзятунь уезда Нинъань грузовик со ста тысячами патронов и передал его войскам, оказывавшим отпор Японии.

Цзян Чанбинь указывает на имевшие место случаи оказания сопротивления японским оккупантам в Маньчжурии.

2 мая 1933 года народный комиссар по иностранным делам СССР Литвинов в официальном порядке передал послу Японии в СССР предложение уступить КВЖД.

28 июня 1933 года представители Японии, марионеточных властей Маньчжоу-Го и СССР вели переговоры в Японии об уступке КВЖД Японии.

Как бы по контрасту с этими действиями китайской стороны Цзян Чанбинь рисует картину поведения нашей стороны так, чтобы у его читателей в КНР в двадцать первом веке формировалось мнение о том, что наша страна якобы без согласования с китайской стороной передавала КВЖД Японии.

На самом деле наша сторона была вынуждена формально продавать КВЖД исключительно в условиях, когда Китай не стал вести широкомасштабную войну с Японией и просто без боя уступил огромную по площади территорию Маньчжурии японским оккупантам.

Здесь можно задуматься в целом о том,

как Россия в 1896 году предлагала Китаю секретный оборонительный договор на случай агрессии со стороны Японии,

как в 1900 году цинские войска вместе с ихэтуанями покушались на нашу территорию в нарушение договоров о границе,

как нам пришлось воевать с Японией на территории Китая в 1904–1905 годах, конечно же, из-за ошибок в политике, сделанных Николаем Вторым, но в ситуации, когда симпатии китайцев в Маньчжурии были на стороне Японии,

как мы в 1920-х годах помогли партии Гоминьдан Китая создать армию и добиться объединения Китая под властью центрального гоминьдановского правительства,

и, наконец, как Китай в целом как государство в 1931 году не стал защищаться в Маньчжурии от агрессии Японии (во всяком случае, попытки сопротивления самих жителей Северо-Восточного Китая не были поддержаны центральными властями Китайской Республики).

Все это в совокупности свидетельствовало о том, что наша сторона так или иначе, но отражала наскоки японцев, а китайская сторона занимала по отношению к России позицию, которую трудно назвать отношением союзника, вплоть до тех пор, пока японское наступление на собственно Китай не заставило Китайскую Республику подписать с нами договор 1937 года и воспользоваться существенной военной помощью с нашей стороны.

В июле 1933 года комитет КПК провинции Маньчжурия преобразовал партизанскую армию спасения отечества, и оказания отпора Японии в четвертую армию Революционной армии народа северо-востока, командармом был назначен Ли Чжэнлу, политическим комиссаром Хэ Чжунго.

В июле — октябре 1933 года оказание вооруженного отпора Японии, осуществлявшееся под руководством КПК, достигло уровня, когда люди поднялись на войну повсеместно.

В сентябре 1933 года партийный комитет провинции Маньчжурия был преобразован. Ли Яокуй стал исполняющим обязанности секретаря комитета, Хэ Чэнсян — заведующим орготделом, Ма Лян — заведующим отделом пропаганды, Фэн Чжунъюнь — заведующим секретариатом; ответственным руководителем военного совета стал Ли Чжаолинь.

В октябре 1933 года секретарь комитета КПК провинции Маньчжурии Ли Яокуй и другие были арестованы, организации был нанесен ущерб; Ма Лян стал исполнять обязанности секретаря.

Цзян Чанбинь рассказывает о событиях, связанных с деятельностью подпольных организаций КПК в Маньчжурии. Японцам удалось фактически добиться почти полного прекращения их активности, разгромить эти парторганизации.

5 декабря 1933 года дипломатический представитель СССР в Харбине был повышен до уровня полномочного представителя. Полномочным представителем был назначен Мельников. СССР заявил протест против того, что Япония и марионеточные власти Маньчжоу-Го самовольно сменили начальника управления КВЖД.

Цзян Чанбинь говорит об этом, очевидно, с той целью, чтобы внушать читателям, что в то время как китайские коммунисты продолжали свою смертельную борьбу против японцев, СССР, дескать, поддерживал отношения с японскими оккупантами в Маньчжурии.

1 марта 1934 года в марионеточном Маньчжоу-Го был введен монархический строй. Пу И стал «императором». Был введен девиз царствования «Кан-дэ». Государство стало называться «Маньчжоу — Ди Го», то есть «Империя Маньчжурия». Был опубликован «Организационный статут империи».

Итак, японцы в войне против Китая широко применяли такой метод, как создание на захваченной ими территории Китая марионеточных властей или государств. Такие власти были созданы японцами для Маньчжурии, для Внутренней Монголии. Японцами также было сформировано в Нанкине марионеточное китайское правительство под руководством перешедшего на сторону японцев одного из бывших руководителей Гоминьдана Ван Цзинвэя; существовали марионеточные власти и в Пекине. Все эти марионеточные «правительства» имели и свои армии.

Все это представляло собой осуществление японцами на практике их плана создания «Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания».

1 марта 1934 года Пу И был провозглашен императором «Маньчжоу — Ди Го», то есть «Маньчжурской империи».

Японцы в этом случае напоминали о том, что они могли бы при создании благоприятной для этого обстановки возродить империю в Китае.

Формально с этого времени речь шла о взаимоотношениях двух империй — Японской империи и Маньчжурской империи. С этим были связаны далеко идущие планы Японии по проникновению в Китай и превращению Северо-Восточного Китая в «японский континент», то есть в континентальную часть Японии.

В мае 1934 года Чжао Шанчжи во главе своего отряда атаковал центр уезда Бинчжоу.

11 июня 1934 года СССР принял решение об установлении почтовой связи с марионеточной империей Маньчжоу — Ди Го.

28 июня 1934 года партизанский отряд в районе реки Чжухэ был преобразован в колонну Хадун сводного партизанского соединения северо-востока, оказывающего отпор Японии. Командиром стал Чжао Шанчжи, комиссаром Ли Чжаолинь. Затем эта колонна вела активные действия, нанося многочисленные удары по японцам и марионеточным войскам.

И снова Цзян Чанбинь применяет свой «испытанный прием». Он сопоставляет одиночные партизанские рейды антияпонских сил в Маньчжурии с действиями нашей страны, налаживавшей почтовые связи с «Маньчжоу — Ди Го». На самом деле речь шла о поддержании жизненно необходимых для функционирования КВЖД почтовых связей.

18 августа 1934 года ТАСС опубликовал заявление, в котором был подробно изложен ход переговоров о КВЖД.

28 августа 1934 года «министерство иностранных дел» марионеточного Маньчжоу — Ди Го опубликовало документ о ходе переговоров о КВЖД.

19 сентября 1934 года «министерство иностранных дел» марионеточного Маньчжоу — Ди Го потребовало от СССР вывода советского персонала из района слияния рек Хэйлунцзян и Уссури (то есть с острова Хэйсяцзыдао).

25 сентября 1934 года Япония и марионеточные власти Маньчжоу — Ди Го достигли с представителем СССР соглашения об уступке КВЖД, о выплачиваемой сумме и о том, каким образом это будет осуществляться.

Итак, японцы оккупировали Маньчжурию в 1931–1932 годах. А в 1934 году наша страна была вынуждена продать КВЖД. Цзян Чанбинь, сообщая о самом этом факте, говорит о том, что это была «уступка», о том, что за это была уплачена определенная сумма. Может сложиться впечатление, что это было сделано либо по взаимной договоренности, то есть к выгоде обеих сторон, либо что это был шаг нашей стороны в пользу Японии и марионеточных властей.

На самом деле наша сторона после оккупации японцами Маньчжурии еще два-три года пыталась сохранять свои права на КВЖД с тем расчетом, чтобы тогда, когда с японской оккупацией будет покончено, легче было бы продолжать функционирование железной дороги при участии в ее управлении наших и китайских властей.

Однако японцы сделали невыносимым пребывание наших людей на КВЖД. Продажа КВЖД была исключительно вынужденным шагом нашей стороны.

Цзян Чанбинь также считает необходимым подчеркнуть, что еще в 1934 году марионеточные прояпонские власти Маньчжоу — Ди Го выдвинули к нашей стороне требование вывести наших пограничников с островов у города Хабаровска.

Так китайский автор, функционер КПК и видный пропагандист ее политики в отношении нашей страны, раз за разом пытается внушать своим китайским читателям в КНР в начале теперь уже двадцать первого столетия лживые утверждения, то есть говорит о том, что упомянутые острова якобы «принадлежали» Китаю. Эти острова по договору о границе принадлежали нашей стране. Цзян Чанбинь намеренно возбуждает вражду и ненависть к нашей стране у современных поколений китайцев.

30 декабря 1934 года марионеточные власти Маньчжоу — Ди Го объявили о том, что японцы на территории всей Маньчжурии могут «свободно и без ограничений пользоваться правом торговать землей и сдавать землю в аренду». С самого начала оккупации Японией северо-востока туда в организованном порядке осуществлялось переселение японцев; переселенцы пользовались разнообразными привилегиями.

Итак, в 1934 году, оккупировав Северо-Восточный Китай и практически покончив с существенными антияпонскими выступлениями партизан на его территории, японцы приступили к выполнению своих далеко идущих планов.

Они создали марионеточное государство, которое назвали «Маньчжурской империей» или «империей Маньчжурия».

Формально речь пошла о взаимоотношениях между двумя империями — Японской империей и Маньчжурской империей.

Это давало японцам формальные основания заявлять, что эти двусторонние отношения не касаются Китая.

Тем более что Китайская Республика так и не объявила войну Японии, не сопротивлялась оккупации японцами Маньчжурии.

Стало отчетливо выясняться, что речь пошла о выполнении давней мечты Японской империи, а именно о расширении пределов этой империи на континент.

В свое время это было хорошо известно партии Гоминьдан Китая. Оттуда в Японию даже был направлен посланец, который попытался убедить японцев обратить взоры не на Китай, а на Канаду, если уж речь идет о переселении избыточного японского населения на некий континент.

Японцы были намерены со временем превратить Маньчжурию в континентальную часть Японии.

Японцы получили право владеть землей в Маньчжурии, покупать и продавать там землю.

Одновременно началось осуществление планов организованного и массового переселения японцев из Японии в Маньчжурию. Переселенцы пользовались разнообразными привилегиями. Так японцы начали заселять Маньчжурию. Это означало, что при продолжении этого процесса Китай во все возрастающей степени терял бы земли Маньчжурии.

24 января 1935 года произошло вооруженное столкновение поблизости от храма Халха между японскими и марионеточными войсками, с одной стороны, и монгольскими войсками, с другой стороны.

28 января 1935 года колонна Хадун из сводного соединения антияпонских партизан северо-востока была преобразована в первую дивизию третьего корпуса революционной армии народа Северо-востока. Командиром корпуса и по совместительству командиром дивизии был назначен Чжао Шанчжи, политическим комиссаром Фэн Чжунъюнь. Оказание отпора японцам стало еще более яростным.

31 января 1935 года японцы и марионеточные войска захватили храм Халха.

Цзян Чанбинь рассказывает о тех или иных действиях, направленных против японских оккупантов. При этом он упоминает о том, что японцы начали испытывать на прочность оборону Монголии. Из этого следует вывод о том, что при благоприятных для них обстоятельствах японцы могли рассчитывать оккупировать и Монголию и оттуда развернуть наступление на районы Северного и Северо-Западного Китая.

12 октября 1935 года произошло вооруженное столкновение в районе границы к северу от реки Суйфэньхэ между японцами и марионеточными войсками, с одной стороны, и советской армией, с другой стороны; 14 октября посол СССР в Японии заявил протест министру иностранных дел Японии в связи с инцидентом на реке Суйфэньхэ, а также потребовал создания трехсторонней комиссии из представителей СССР, Японии и марионеточных властей Маньчжоу — Ди Го для расследования обстоятельств этого инцидента.

Во второй половине 1935 года антияпонская армия, находившаяся под руководством КПК, продолжала активно действовать на оккупированной территории.

В декабре 1935 года многократно происходили вооруженные столкновения между японцами и марионеточными частями, с одной стороны, и монгольской армией, с другой стороны, в районах, прилегающих к границе между Маньчжурией и Монголией.

28 января 1936 года в Яньюане состоялось объединенное военно-политическое совещание руководителей частей, оказывавших отпор Японии в Северной Маньчжурии: Чжао Шанчжи, Ли Яньлу, Ся Юньцзе, Ли Чжаолиня, Фэн Чжигана, Ли Хуатана, Се Вэньдуна. На совещании было принято решение создать главный штаб объединенной армии отпора Японии северо-востока, назначить Чжао Шанчжи главнокомандующим.

9 апреля 1936 года произошло вооруженное столкновение японских и марионеточных войск с советской армией.

Во второй половине 1935 года и в первой половине 1936 года, как подчеркивает Цзян Чанбинь, вооруженные отряды, находившиеся в Маньчжурии, наносили отдельные удары по войскам японских оккупантов.

В 1935 году происходили вооруженные столкновения на границах Маньчжурии. Японцы и их марионетки предпринимали нападения, которые отражали советские и монгольские войска. Из этого следует вывод о том, что Япония тогда еще не отказывалась от планов вторжения на нашу территорию, а также от планов нападения на Китай через территорию Монголии. Следовательно, наша страна и Монголия отражали вероятное расширение японцами войны против Китая, одновременно охраняя свои границы.

9 мая 1936 года японская Квантунская армия разработала «План перемещения на место жительства в Маньчжурию ста тысяч дворов земледельцев»; начиная с 1937 года за 20 лет число переселенцев должно было составить 5 миллионов человек.

Итак, в 1936 году, то есть примерно за год до начала вооруженной агрессии Японии против территории собственно Китая, в Японии был разработан план переселения в Маньчжурию для начала «ста тысяч дворов (семей японских) земледельцев». Это означало, что в Японии рассчитывали создать в Маньчжурии сто тысяч японских крестьянских фермерских хозяйств.

В будущем при благоприятных для японской оккупации условиях это должно было привести к появлению в Китае численно весьма значительного слоя японцев, которые считали бы землю Маньчжурии японской территорией. Японцы строили планы посадить на землю в Маньчжурии за 20 лет, то есть с 1936 по 1955 год, не менее пяти миллионов человек — японцев из Японии.

Думается, что при планировании такого переселения и вообще при планировании расширения агрессии на застенный Китай японцы исходили из расчета на то, что Китай, китайские власти, население Китая не способны оказать действенное сопротивление Японии. Нельзя исключать и того, что у японцев существовали и планы «раскитаивания» Маньчжурии, ликвидации китайского населения Маньчжурии.

Начавшаяся в 1894–1895 годах агрессия Японии против Китая продолжалась. По сути дела, ситуация в мире складывалась в дальнейшем таким образом, что главный вклад в разгром японских оккупационных сил в Китае должна была внести наша страна. Сам Китай своими силами до 1945 года и общего наступления союзников на Японию, особенно наступления наших войск в Северо-Восточном Китае, так и не смог справиться с японскими оккупантами.

Все это свидетельствовало о проницательности людей в нашей стране, которые еще в 1896 году предложили Китаю совместно производить оборонительные действия, отражать вероятное тогда наступление японцев.

1 августа 1936 года третий корпус революционной армии народа северо-востока был преобразован в третий корпус объединенной антияпонской армии северо-востока; командующим корпусом стал Чжао Шанчжи.

2 августа 1936 года в уезде Чжухэ погибла смертью героя женщина-командир Чжао Имань.

В сентябре 1936 года армия самообороны народных масс северо-востока была преобразована в восьмой корпус объединенной антияпонской армии северо-востока; командиром корпуса был назначен Се Вэньдун (впоследствии он стал предателем и перешел на сторону врага). Антияпонская колонна Ли Хуатана была преобразована в девятый корпус объединенной антияпонской армии северо-востока, командиром корпуса был назначен Ли Хуатан (впоследствии стал предателем и перешел на сторону врага). Партизанская армия спасения отечества и оказания отпора Японии северо-востока (отряд двух драконов) была преобразована в десятый корпус объединенной антияпонской армии северо-востока, командиром корпуса стал Ван Ячэнь.

По словам Цзян Чанбиня, в 1936 году КПК продолжала организовывать сопротивление японцам в Маньчжурии. В то же время показательно то, что немало даже руководителей партизанских сил становились предателями, переходили на сторону Японии. Ситуация в сопротивлении складывалась чрезвычайно трудная.

Попутно необходимо сказать, что в конце 1936 года два генерала армии Китайской Республики (одним из которых был упоминавшийся Чжан Сюелян) в городе Сиани подвергли домашнему аресту своего главнокомандующего — Чан Кайши. Они требовали от него вступить в единый национальный фронт с КПК для того, чтобы дать отпор японцам, а главное, чтобы он начал проводить политику реального сопротивления японской агрессии. Над Чан Кайши нависла смертельная угроза. Мао Цзэдун стремился добиться казни Чан Кайши.

Правительство Китайской Республики обратилось к Сталину с просьбой спасти жизнь Чан Кайши, обещая, что остальные вопросы впоследствии можно будет уладить. Сталин дал телеграмму Мао

Цзэдуну, высказав свое мнение: не убивать Чан Кайши, освободить его, добиться создания в Китае единого национального фронта для оказания отпора японцам; для этого осуществить новое сотрудничество между КПК и Гоминьданом. Мао Цзэдуну пришлось согласиться со Сталиным. Чан Кайши был отпущен, единый фронт был создан. Такова была роль нашей страны в создании упомянутого единого фронта.

26 мая 1937 года возник вооруженный инцидент между японскими и марионеточными войсками, с одной стороны, и советской армией, с другой стороны, в районе реки Суйфэньхэ.

16 июня 1937 года власти марионеточной Маньчжоу — Ди Го закрыли западную часть «государственной границы».

19 июня 1937 года произошло вооруженное столкновение, с одной стороны, японских и марионеточных войск и, с другой стороны, советской армии в районе острова Ганьчацзыдао на реке Хэйлунцзян.

Вплоть до начала японцами широкомасштабной войны на территории собственно Китая в июле 1937 года они, очевидно, все еще пытались выяснить в боях прочность обороны нашей страны на границе.

В связи с этими планами можно рассматривать и объявление марионеточных властей о закрытии западной части границы Маньчжурии.

7 июля 1937 года произошли события «7 июля»; японский империализм начал всестороннюю войну — агрессию против Китая.

7 июля 1937 года Япония начала войну теперь уже против собственно континентальной, застенной части Китая. Это была война с целью превращения китайских земель в территорию, находящуюся под господством Японии.

В Китае небезосновательно считали, что для нации Китая наступило самое опасное время, во всяком случае в истории первой половины двадцатого столетия.

Главные политические силы Китая того времени, то есть партия Гоминьдан Китая и Коммунистическая партия Китая, так или иначе осознали это. Для китайской нации стало необходимым на время войны против Японии создать единый фронт, объединяющий нацию Китая в целом.

Из этого, в частности, также следовало, что нация Китая стала нуждаться в помощи из-за рубежа. И здесь сыграло свою роль совпадение национальных интересов России и Китая.

Более того, именно угроза оккупации и установления господства японцев в Китае и заставила все силы в Китае, в том числе и власти Китайской Республики, обратиться за помощью к нашей стране.

Если честно и непредвзято смотреть на вещи, то необходимо признать, что Россия начиная с конца девятнадцатого века и до 1945 года была естественным союзником Китая во всем том, что шло на пользу отражению военной угрозы со стороны Японии как Китаю, так и нашей стране.

В годы антияпонской войны в Китае, в 1937–1945 годах, наши страны, наши народы были настоящими союзниками. Это было время наиболее тесных, наилучших союзнических отношений между Россией и Китаем.

13 августа 1937 года генеральное консульство СССР в Харбине уведомило марионеточные власти Маньчжоу — Ди Го о решении СССР отозвать консульства СССР из Хэйхэ и Суйфэньхэ.

21 августа 1937 года, исходя из того, что в ноябре 1936 года Япония и Германия заключили «Антикоминтерновский пакт», СССР проявил инициативу и подписал с правительством Китая «Договор между СССР и Китайской Республикой о взаимном ненападении»; начиная с этого времени предоставил для войны отпора Китая большую военную помощь вооружением.

В 1937 году Япония своими действиями и отношением к нашей стране вынудила нас отозвать наши консульства из приграничных городов.

Цзян Чанбинь подает подписание 21 августа 1937 года Договора между СССР и Китайской Республикой о взаимном ненападении как якобы вынужденный для нашей страны шаг. У Цзян Чанбиня получается, что, только оказавшись в слабой позиции, «в клещах» между Германией и Японией, вследствие подписания в ноябре 1936 года Антикоминтерновского пакта наша страна и пошла на заключение с Китаем договора о взаимном ненападении.

Иными словами, китайским читателям в очередной раз внушается мысль о том, что наша страна, дескать, как утопающий ухватилась за соломинку, то есть за Китай. Так Цзян Чанбинь искажает суть того, что тогда произошло.

Наша страна всегда, даже в годы военных и вооруженных провокаций китайских властей против нас, исходила из совпадения коренных объективных интересов наших двух наций — России и Китая, а потому всегда была готова восстанавливать разорванные китайскими властями дипломатические отношения между нами, что и произошло в 1932 году и о чем Цзян Чанбинь не говорит ни слова.

В 1937 году наша страна была готова заключить с Китаем договор формально о взаимном ненападении, но по существу о принципах наших двусторонних отношений.

Более того, в 1937–1939 годах только наша страна была тем единственным в мире государством, которое оказывало Китаю самую существенную помощь, причем не только вооружением, как об этом пишет Цзян Чанбинь, но и добровольцами (а в Китае за годы антияпонской войны в общей сложности помогали китайцам 50 тысяч наших военнослужащих), финансами в его борьбе за оказание отпора Японии.

Конечно, борьба Китая против японской агрессии сковывала силы японцев, в известной степени лишала их возможности со всей силой обрушиться на нашу страну. Однако этого не произошло главным образом не из-за действий и позиции Китая, а потому, что японцы сначала попробовали силу отпора нашей армии на границе и обожглись, а затем чрезвычайно осторожно присматривались к тому, что происходило на фронтах Великой Отечественной войны.

В декабре 1937 года с целью разгрома «карательной операции японских и марионеточных войск главные силы объединенной антияпонской армии северо-востока начали продвижение на запад в район равнины Хэйлун района Хадун; так начал образовываться новый партизанский район.

26 февраля 1938 года марионеточные власти опубликовали «Закон о всеобщей мобилизации в масштабах всего государства», которым устанавливалось, что в случае «возникновения обстановки военных действий или тех или иных событий» японское правительство и марионеточное правительство могут «в объединенном порядке использовать» все финансовые, материальные и человеческие ресурсы марионеточного Маньчжоу — Ди Го.

15 марта 1938 года японские и марионеточные армия и полиция повсеместно и одновременно провели широкие аресты; в результате организациям и силам сопротивления Японии КПК во многих местах был нанесен серьезный ущерб.

В начале 1938 года японцам фактически удалось нанести наиболее чувствительный удар по партизанскому движению в Маньчжурии.

Цзян Чанбинь не упоминает о том, что в 1938 году Сталин довел до сведения пленума ЦК КПК свое мнение: Мао Цзэдун является вождем КПК и революции в Китае. Таким был вывод в Москве о реальном состоянии дел в КПК. Мао Цзэдун в свое время чрезвычайно высоко оценивал в своих выступлениях упомянутый пленум ЦК КПК.

22 мая 1938 года произошло вооруженное столкновение японских и марионеточных войск с войсками армии СССР в районе Суйфэньхэ.

Цзян Чанбинь внешне как бы объективно или нейтрально говорит о взаимоотношениях нашей страны с японцами и с марионеточными властями Маньчжоу-Го. Он употребляет термин «столкновение» («в районе Суйфэньхэ»). Иными словами, он избегает говорить о том, что существовала и существует граница, что мы защищали свою границу, мы находились в обороне, а японцы и их марионетки нарушали границу.

У Цзян Чанбиня речь идет, и именно это он внушает читателям, о некоем столкновении, причем в районе китайского населенного пункта, то есть подспудно китайский автор настраивает своих читателей на принятие пропагандистской установки КПК о том, что в 1930-х годах границы, признанной обеими сторонами, не существовало и Россия (СССР) якобы «вторгалась» на земли Китая.

30 июня 1938 года японская Квантунская армия создала в Харбине, в районе Пинфан, особую военную зону; так началось создание базы для проведения бактериологических исследований.

Одновременно китайский автор осуждает японцев за подготовку бактериологической войны на территории Китая и за опыты в связи с этим над людьми: китайцами, корейцами, русскими, людьми других национальностей. Всех их японцы именовали не людьми, а «бревнами» (по-японски: «марута»).

Японцы стремились создать бактериологическое оружие, с помощью которого рассчитывали победить во Второй мировой войне. При этом японские «специалисты» гордились тем, что при создании

этого смертоносного оружия они «обошли» своих союзников — гитлеровцев.

Нельзя исключать и того, что это бактериологическое оружие японцы могли применять в будущем в целях «очищения» Маньчжурии от ее китайского, корейского и иного населения. Открыть, таким образом, путь к «ояпониванию» Маньчжурии.

Все эти действия и планы Японии свидетельствовали о том, что именно японцы были главным смертельным врагом Китая, да и нашей страны в то время.

В связи с этим приведенные выше высказывания Цзян Чанбиня, который пытался чуть ли не сравнивать нас с японцами, делать из нас в глазах китайцев еще более страшных врагов Китая, чем японцы, представляются чудовищными.

С 11 июля по 10 августа 1938 года шли «бои у Чжангугуфэн» (то есть у сопки Заозерной на озере Хасан) между японской армией и армией СССР; японская армия потерпела сокрушительное поражение; 10 августа посол Японии в СССР подписал с наркомом по иностранным делам СССР Литвиновым «Соглашение о перемирии (остановке военных действий)».

В 1938 году японцы попытались «прощупать» нашу оборону в районе озера Хасан. Они нарушили границу. Наши войска мужественно защищали сопку Заозерную. Бои были с тяжелыми потерями. В конечном счете японцы потерпели поражение.

Цзян Чанбинь внушает читателям в КНР, что имели место бои между армиями Японии и СССР. Иными словами, он и в данном случае не информирует своих читателей о том, что японцы нарушили границу нашей страны, а мы ее защищали. (Кстати, во время переговоров о прохождении линии границы в конце XX века наша сторона настояла на том, чтобы эта сопка осталась нашей землей, и представители КНР согласились с этим.)

Цзян Чанбинь упоминает о «сокрушительном поражении» японской армии, а также о том, что все закончилось подписанием между нашей страной и Японией Соглашения о перемирии. Иными словами, создается впечатление, что военные действия между армиями нашей страны и Японии были тогда лишь приостановлены. Возможно, тут есть и намек на то, что, с точки зрения китайского автора, нам следовало бы, нанеся сокрушительное поражение японской армии, не останавливаться, а воевать до полного разгрома Японии.

28 сентября 1938 года в ходе операции объединенной анти-японской армии в уезде Жаохэ был убит генерал-майор японской армии.

В октябре 1938 года восемь героинь из объединенной анти-японской армии прикрывали выход из окружения своих частей. Они вступили в ожесточенную схватку с японской армией. У них кончились патроны и продовольствие. Они предпочли умереть, но не сдаваться и решительно бросились в реку Усыхуньхэ, погибли как герои.

17 марта 1939 года девятый корпус объединенной антияпонской армии северо-востока нанес удар по японской и марионеточной армиям в районе Цзямусы.

В конце 1938 года и в начале 1939 года китайские партизаны наносили удары по японцам. Совершали героические поступки.

В то же время японцы тогда активно создавали в Северо-Восточном Китае зону, фактически полностью находившуюся под контролем Японии.

3 апреля 1939 года произошло вооруженное столкновение на западном участке маньчжурско-монгольской границы между японской и марионеточной армиями, с одной стороны, и армией СССР, с другой стороны.

С 13 мая по 31 августа 1939 года произошло «сражение при Номэнькане (Халхинголе)» между Японией и СССР на границе между марионеточным Маньчжоу — Ди Го и Монголией; в итоге японская и марионеточная армии потерпели поражение.

15 сентября 1939 года Япония и СССР заключили «Соглашение о перемирии».

Весной 1939 года произошло столкновение, как пишет Цзян Чанбинь, на «западном участке монгольско-маньчжурской границы». Следовательно, здесь он допускает существование такой границы. Возможно, это делается исходя из того, что речь идет, с одной стороны, о двух народах — монголах и маньчжурах, которых Цзян Чанбинь видит в качестве составных частей одной нации — нации Китая, и, с другой стороны, потому, что речь идет о Монголии, пограничные вопросы с которой Цзян Чанбинь отделяет от пограничных вопросов с нашей страной.

В то же время Цзян Чанбинь признает, что именно наша армия дала отпор японцам на этой границе. Он не говорит о том, что мы,

таким образом, не допустили прорыва японских войск через Монголию в Северный и Северо-Западный Китай.

Далее Цзян Чанбинь упоминает о боях на реке Халхингол. При этом он говорит, что это — район границы между Маньчжоу-Го и Монголией. И в данном случае он отделяет вопрос о границе с Монголией от вопроса о границе с нашей страной. Цзян Чанбинь не упоминает о масштабах и о значении для Китая, для его антияпонской войны того, что тогда сделала наша страна, разгромив японцев на границе Китая и Монголии.

Он опять-таки сводит дело к подписанию между нашей страной и Японией Соглашения о перемирии. Тем самым он лишний раз пытается бросать тень на политику нашей страны в отношении Японии и Китая.

В октябре 1939 года командир восьмого корпуса объединенной антияпонской армии Се Вэньдун, заместитель командира корпуса Тэн Сунбо и другие совершили предательство и сдались врагу; восьмой корпус в основном развалился.

Цзян Чанбинь неоднократно объясняет поражение партизанской борьбы против японцев в Маньчжурии тем, что среди тех, кто командовал партизанскими отрядами, было много предателей.

Тезис о существовании в Китае такого явления, как национальное предательство, и о существовании национальных предателей использовался Мао и его приверженцами с той целью, чтобы дискредитировать и тех людей, которые выступали за дружественные и союзнические отношения с нашей страной, таких как Лю Шаоци, были против взгляда на нашу страну как на военного врага, таких как Пэн Дэхуай.

7 января 1940 года в Харбине начались переговоры между японцами и марионеточными властями Маньчжоу — Ди Го, с одной стороны, и представителями СССР и Монголии, с другой стороны, по вопросу о границе в районе Номэнькань.

Цзян Чанбинь пытается создать впечатление, что хотя наша армия и нанесла поражение японцам на Халхинголе, однако наша страна так и не продолжила активных боевых действий против японцев, то есть не помогла Китаю в войне на его территории, и даже вступила с японцами и их марионетками в переговоры о границе в районе реки Халхингол. Здесь есть намек на то, что наша сторона

якобы не учитывала мнение китайского государства (как и в случае с продажей КВЖД), а имела дело с признанным нашими властями Маньчжоу-Го.

В марте 1940 года Чжао Шанчжи был назначен заместителем командующего второй полевой армии объединенной антияпонской армии северо-востока.

Цзян Чанбинь стремится создать впечатление, что в Северо-Восточном Китае и в 1940 году действовали несколько полевых армий объединенной антияпонской армии северо-востока. Это делается для того, чтобы внушать китайским читателям, что КПК никогда не прекращала активной и эффективной, а также широкомасштабной войны против японцев в Северо-Восточном Китае. На самом деле КПК была не в состоянии вести там такую масштабную войну.

13 апреля 1941 года Япония и СССР заключили «Японо-Советский пакт о нейтралитете».

Наша страна подписала с Японией 13 апреля 1941 года Договор о нейтралитете. Это была констатация обеими сторонами, подписавшими этот документ, того, что они считали необходимым заверить одна другую в том, что при создавшейся ситуации будут воздерживаться от военных действий на границе.

Войска обеих сторон — нашей страны и Японии — с 1941 по 1945 год стояли одни против других в полной боевой готовности. Обе стороны исходили при этом из оценки обстановки в ходе Второй мировой войны.

В то же время фактом фундаментального значения для наших отношений с Китаем и для Китая было то, что мы отвлекали сильнейшую сухопутную армию Японии — Квантунскую армию, заставляя ее оставаться в Маньчжурии и не допуская ее участия в войне на территории собственно Китая.

Более того, все это происходило тогда, когда мы уже оказали Китаю огромную по масштабам военную помощь в 1937–1939 годах.

Попутно отметим, что во второй половине 1941 года, то есть тогда, когда наша страна, подвергаясь смертельной опасности, уже почти полгода вела самую кровопролитную войну, отражая наступление гитлеровцев, Китайская Республика продолжала сохранять дипломатические отношения с гитлеровской Германией, пользовалась услугами немецких военных советников. ГМД не вел значи-

тельных боевых действий против японцев. КПК уклонялась от активизации боевых действий против японцев. Китайская Республика объявила войну гитлеровской Германии не вслед за нападением Германии на нашу страну, а только после того, как японцы напали на США.

И все же нужно сказать, что начиная с декабря 1941 года две наши страны, Россия (СССР) и Китай были союзниками во Второй мировой войне. В разных формах помогали друг другу отражать нашествия Германии и Японии.

Цзян Чанбинь подает подписание Договора о нейтралитете между нашей страной и Японией лапидарно, как бы намекая на то, что наша страна была при этом якобы просто заинтересована, прежде всего, в обеспечении своих эгоистических интересов. В том, чтобы Япония не напала на нашу страну с востока. Это еще одно проявление взгляда из Китая на нашу страну как на государство, которое исходило исключительно из эгоистических интересов, не гнушаясь наносить при этом ущерб Китаю. С такой позицией нет оснований соглашаться.

15 октября 1941 года «Маньчжурско-Монгольский» комитет по государственной границе подписал соглашение о государственной границе между «Маньчжоу — Ди Го» и Монголией».

Когда речь идет о государственной границе, тогда Цзян Чанбинь подает происходящее так, чтобы у читателей складывалось убеждение в том, что линия границы, определенная в тех условиях, не может быть признана, поскольку она определялась без участия Китая.

Очевидно, есть основания сказать, что в истории был период, когда Китай из-за своей собственной внутренней отсталости и слабости оказался в положении субъекта, а не объекта мировой политики.

В эти времена события на мировой арене продолжали развиваться. Возникали реальные проблемы. Их приходилось решать без участия китайской стороны даже в тех случаях, когда это касалось территории Китая.

При этом важно подчеркнуть, что, судя по тому, как в конечном счете сложилось положение дел в отношениях между нашей страной и Китаем, наша страна сохраняла и границы Китая (на его северо-востоке), и некоторые территории Китая (в частности, Синьцзян) с тем, чтобы в свое время, после победы в войне и урегулирования соответствующих вопросов, передать эти земли Китаю и сохранить для Китая его границы.

8 декабря 1941 года началась война на Тихом океане.

Цзян Чанбинь ограничивает свою задачу рамками вопроса о границе между нашими странами. Ограничение это, конечно же, весьма условно. Здесь приходится принимать во внимание главные мировые события, особенно связанные со Второй мировой войной. Поэтому упоминание о начале войны между Японией и США, которое Цзян Чанбинь подает как начало войны на Тихом океане, имеет под собой определенное основание.

В то же время невозможно пройти мимо намеренного игнорирования Цзян Чанбином того факта, что 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война нашей страны против гитлеровской Германии. Эта война была главной войной среди всех театров военных действий Второй мировой войны. Эта война играла основную роль в разгроме главной силы держав оси — немецкой армии. Эта война принесла мир и спасение от оккупации многим странам и народам, в том числе Китаю и китайскому народу.

Не упоминать об этой войне тогда, когда речь идет о любой стороне истории наших взаимоотношений с Китаем, означает попытку внушать китайским читателям, что наша страна, жертвы нашего народа в Великой Отечественной войне, наш вклад в разгром главных военных сил Германии и Японии, дескать, не имели никакого значения или имели лишь второстепенное значение в освобождении Китая от японского ига, в обретении мира народом Китая. Историческая неправда — вот чем занимается Цзян Чанбинь. Его позиция — это пропаганда взглядов современной КПК относительно нашей страны и истории двусторонних отношений России и Китая.

К концу 1941 года уже 10 «корпусов переселенцев» из Японии вторглись во все районы северо-востока.

6 января 1942 года марионеточное правительство опубликовало «Второй пятилетний план открытия Маньчжурии», объявив о переселении 220 тысяч переселенцев из Японии на северо-восток.

Цзян Чанбинь считает необходимым, говоря номинально об истории отношений нашей страны и Китая, в особенности об истории нашей границы с Китаем, внимательно отслеживать процесс переселения сотен тысяч японцев из Японии на северо-восток Китая. Речь идет о японцах, которых «сажали на землю». Речь идет и о японках, которым предстояло стать женами солдат Квантунской армии, кото-

рые должны были после окончания воинской службы укорениться на территории Маньчжурии.

Представляется, что, с одной стороны, Цзян Чанбинь тем самым стремится во всей полноте рассказать об истории взаимоотношений Китая и Японии применительно к этому району Китая.

С другой стороны, Цзян Чанбинь, вероятно, хотел бы напомнить своим читателям о том, что при решении пограничных вопросов, касающихся Дальнего Востока во взаимоотношениях между нашей страной и Китаем, с конца девятнадцатого века и по середину двадцатого века большую роль играли действия Японии. Япония строила планы своего появления в полном смысле этого слова в качестве континентального соседа нашей страны.

Если же говорить о сути японских планов перемещения миллионов переселенцев из Японии в Маньчжурию, то очевидно, что японские политики замыслили «раскитаить» Маньчжурию, превратить Маньчжурию в континентальную часть Японии.

В связи с этим есть основания говорить о том, что разгром нами японской Квантунской армии в 1945 году положил конец и японским планам «раскитаивания» Маньчжурии, то есть оказался в совпадавших интересах России и Китая, которые в то время требовали удаления всех японцев с северо-востока Китая. И в этом мы оказали Китаю решающее содействие.

12 февраля 1942 года Чжао Шанчжи подвергся нападению вражеских агентов, был тяжело ранен и взят в плен; впоследствии умер от тяжелых ранений.

В августе 1942 года японцы и марионеточные власти согнали десятки тысяч людей на строительство имеющего военно-стратегическое значение шоссе в уездах Дуньин и Хулинь протяженностью в 1000 километров; на стройке погибла масса людей.

До конца 1943 года две партии «организованных переселенцев» из Японии вторглись на северо-восток.

26 апреля 1944 года японцы и марионеточные власти провели широкую кампанию арестов по всему северо-востоку.

Годы Великой Отечественной войны нашего народа Цзян Чанбинь обходит стороной тогда, когда это касается наших действий в войне против главного союзника Японии гитлеровской Германии.

Он, говоря об этом периоде истории, сосредоточивает внимание читателей в современном Китае на том, что партизаны в Маньчжурии были обезглавлены, не упоминая о том, что фактически японцам

удалось на огромных пространствах Северо-Восточного Китая ликвидировать партизанское движение китайцев. Он отмечает массовую кампанию арестов, осуществленную японцами.

Цзян Чанбинь говорит о том, что на японских стройках погибли многие тысячи китайцев.

В целом при обращении к этим страницам истории объективно складывается впечатление, что Китай, китайцы, находившиеся и в собственно Китае, и в особенности в Маньчжурии, практически мало чем могли помочь и мало чем помогли нашей стране разгромить армию Гитлера.

Цзян Чанбинь также отмечает, что в 1943 году японцы продолжили кампанию «ояпонивания» Маньчжурии, направляя туда в организованном порядке тысячи переселенцев из Японии. Маньчжурия в 1940-х годах постепенно превращалась действительно в нечто, что японцы рассчитывали со временем сделать «японским континентом».

Таким образом, перед нашей страной к 1945 году, к моменту выполнения нами своих обязательств перед союзниками, к моменту вступления в войну на Востоке, вставала задача не только разгромить вооруженные силы Японии, не только освободить китайцев из-под японской оккупации, но и прекратить процесс «ояпонивания» этой части Китая.

9 августа 1945 года СССР объявил войну Японии. Армия СССР начала наступление и вошла в пределы северо-востока через Маньчжоули, Хэйхэ, Тунцзян, Хутоу, Мишань. Квантунская армия была быстро разгромлена.

В августе 1945 года наша страна, выполняя обязательства перед союзниками, в том числе и перед китайским народом, начала наступление против японской Квантунской армии.

Цзян Чанбинь в этой связи вводит формулировку: «армия СССР» «вошла (была введена) в пределы северо-востока».

Иными словами, он ни одним словом не упоминает о том, что это означало для китайского народа, для Китая, то есть не говорит о спасении китайских людей от японской оккупации, о том, что не китайская армия, а наша армия разгромила японцев, которые 14 лет топтали землю Маньчжурии.

У Цзян Чанбиня получается, что разгром Квантунской армии — это как будто бы изолированная акция во взаимоотношениях нашей страны и Японии. Она происходила на территории Китая, но ведь и война 1904–1905 годов тоже происходила на территории Китая.

Возможно, Цзян Чанбинь добивается того, чтобы его читатели в Китае связали ряд событий одной мыслью, а именно мыслью о том, что русская (советская) армия в истории неоднократно «входила (вводилась)» на территорию Китая: в 1900 году, в 1904–1905 годах, в 1929 году, в 1945 году.

Когда Цзян Чанлинь говорит, что Квантунская армия была быстро разгромлена, он, вероятно, хотел бы внушить читателям в Китае, что это была война на протяжении всего лишь нескольких дней, что особой заслуги перед Китаем в разгроме этой армии у нашей страны и нет.

14 августа 1945 года Китай и СССР заключили «Договор между СССР и Китайской Республикой о дружбе и союзе». В тот же день были подписаны «Соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге», «Соглашение о Далайне», «Соглашение о Люйшуньюкоу».

В КНР, упоминая о подписании этих документов, обычно утверждают, что наша страна, дескать, извлекла для себя в Китае тогда максимальную выгоду, заставив Китай подписать неравноправный договор о дружбе и союзе, а также неравноправные соглашения о КВЖД и о Порт-Артуре и Дальнем.

Через несколько лет, в 1949 году, когда стало очевидно, что КПК придет к власти в Китае, Сталин по своей инициативе назвал договор 1945 года неравным договором. Это мнение Сталина было доведено до Мао Цзэдуна и других руководителей ЦК КПК А. И. Микояном в начале 1949 года в Сибайпо.

Вместо этого договора с нашей стороны было выражено желание совместно с китайскими коммунистами, после того как они придут к власти в Китае, разработать и подписать новый договор. При этом само собой подразумевалось, что новый договор будет равноправным, так как в нем будут в равной степени учтены интересы обеих сторон.

Очевидно также, что в 1945 году Москва и КПК в принципе должны были выступать на одной стороне, потому что речь шла о взаимоотношениях между коммунистами двух стран. А договор советские коммунисты подписывали тогда с противником китайских коммунистов, с правительством Гоминьдана. Поэтому все то, что было на пользу советской стороне по этому договору, фактически было на пользу и КПК.

15 августа 1945 года в 12 часов дня по радио было сообщено о том, что император Японии Хирохито объявил, что он принимает Потсдамскую декларацию, капитулирует без всяких условий.

Капитуляцию Японии Цзян Чанбинь преподносит как нечто не имеющее отношения к союзу нашей страны и Китая во время Второй мировой войны.

25 августа 1945 года правительства Китая и СССР ратифицировали «Договор между Китаем и СССР о дружбе и союзе».

Цзян Чанбинь здесь еще раз подчеркивает, что наша страна поспешила навязать Китаю этот договор.

29 августа 1945 года в коммюнике о боевых действиях советской армии было объявлено, что Красная армия после того, как она вошла на северо-восток, в общей сложности пленила 510 тысяч японских солдат.

3 сентября 1945 года представитель правительства Японии поставил подпись на акте о капитуляции.

В сентябре 1945 года Красная армия СССР устроила парад в Харбине в честь победы в войне над Японией.

20 ноября 1945 года по требованию армии, расквартированной СССР, руководящие учреждения организации КПК в Северной Маньчжурии были выведены из Харбина.

Характеризуя ситуацию во второй половине 1945 года, после разгрома Квантунской армии, Цзян Чанбинь преподносит события таким образом, чтобы внушать китайским читателям, что война для нашей страны, дескать, состояла в том, чтобы принять капитуляцию и взять в плен более полумиллиона японских солдат. На этом фоне декоративным выглядит парад нашей армии в Харбине.

Цзян Чанбинь считает нужным подчеркнуть, что «по требованию армии, расквартированной СССР», то есть по требованию той армии, которую наша страна, дескать, без согласования с Китаем ввела в Северо-Восточный Китай, «руководящие учреждения организации КПК в Северной Маньчжурии были выведены из Харбина».

Так Цзян Чанбинь хотел бы поставить все с ног на голову и обвинить нашу сторону в том, что она «посмела удалить» из своего же китайского города Харбина законно находившиеся там руководящие учреждения Коммунистической партии Китая.

На самом деле все было совсем не так. Наша армия нанесла поражение Квантунской армии, заставила ее сдаться. Наша армия освободила китайское население Маньчжурии от японской оккупации.

Наша армия выполнила обязательства перед союзниками по разгрому Японии.

При этом нам пришлось действовать в сложных условиях. Приходилось считаться с тем, что в Китае тогда существовало государство — Китайская Республика, с которым у нас существовали союзнические отношения. Приходилось считаться с США в вопросе о Китае.

В частности, это означало, что мы должны были передать управление, прежде всего, крупными городами Северо-Восточного Китая администрации Китайской Республики. Это также означало, что мы обещали через несколько месяцев вывести наши войска из Китая.

В целом все это было проявлением нами должного отношения к нашему союзнику в войне против Японии. И наша сторона выполняла свои обязательства.

Вместе с тем наша армия, освободив Маньчжурию, имела перед собой и такую задачу, как всемерное содействие Коммунистической партии Китая.

При японцах подпольные коммунистические организации и партизанские отряды были японцами разгромлены.

Следовательно, вставала задача сохранить освобожденные нами территории и передать их фактически под контроль китайских коммунистов, функционеров, направленных в Маньчжурию ЦК КПК.

Мало того, наша армия выполнила задачу создания крупных вооруженных сил, подчиненных КПК. Им передавалось все захваченное нами вооружение японской Квантунской армии.

К нам в плен попали двести-триста тысяч солдат марионеточных армий. После некоторой политической обработки большая их часть стала бойцами армии китайских коммунистов под командованием Линь Бяо.

Наконец, после того, как мы освободили северо-восток Китая, возникла необходимость устанавливать не только военные, но и экономические связи с китайскими коммунистами, что также было осуществлено.

Цзян Чанбинь не говорит обо всем об этом.

В двадцать первом веке в СМИ КНР печатаются статьи, в которых утверждается, что мы, дескать, не позволили Мао Цзэдуну без перерыва преобразовать антияпонскую войну в гражданскую войну в Китае, не содействовали армии КПК в ее планах занять крупные города, в том числе Шанхай. Иными словами. Мао Цзэдун и его сторонники не желали признавать нашего вклада в победу над японцами и требовали от нас немедленно вместе с ними, практически за

них, ввязаться в войну против Китайской Республики и, возможно, США. Конечно же, мы не могли пойти на это.

22 ноября 1945 года Красная армия Советского Союза выпустила в обращение на северо-востоке «Хун цзюнь цюань» — «Денежные знаки Красной армии» достоинством в 1, 5, 10 и 100 юаней.

В ноябре 1945 года в Харбине было создано Общество дружбы Китая и СССР. Председателем общества стал Ли Чжаолин.

24 ноября 1945 года Красная армия СССР не согласилась с расквартированием воинских частей КПК в окрестностях Цзямусы.

27 декабря 1945 года министры иностранных дел СССР, США, Великобритании опубликовали коммюнике, подтвердив обязательства не вмешиваться во внутренние дела Китая.

События конца 1945 года Цзян Чанбинь, искажая и опуская факты, свидетельствовавшие о нашей помощи КПК и ее вооруженным силам, сводит к выпуску нами в обращение денежных знаков на территории Маньчжурии. Это было вынужденным актом, который способствовал налаживанию экономической жизни в этом регионе в условиях, когда нам пришлось находиться на китайской территории относительно длительное время, причем в условиях, когда в этих районах еще не было утвердившихся там органов власти Китайской Республики.

Цзян Чанбинь считает нужным подчеркнуть, что во время пребывания нашей армии в Маньчжурии в Харбине было создано Общество китайско-советской дружбы, во главе которого был поставлен китаец, вошедший на территорию Северо-Восточного Китая в составе нашей армии.

Судя по материалам, которые печатаются в СМИ КНР, Мао Цзэдун и его приверженцы считают деятельность упомянутого общества вредной для Китая и направленной на внушение населению Китая представлений о нашей стране, которые, дескать, решительно расходились с реальным поведением нашей армии в Маньчжурии, которое Мао Цзэдун и его сторонники называют чуть ли не преступлением.

Нашим военным приходилось считаться с обязательствами, которые они дали союзникам. Поэтому им приходилось передавать в руки администрации Китайской Республики те или иные города. Это никоим образом не сказывалось на реальном максимально тесном и эффективном сотрудничестве нашей страны и КПК.

Наконец, Цзян Чанбинь подчеркивает, что в конце 1945 года наша страна при встрече министров иностранных дел СССР, США,

Великобритании в очередной раз дала обещание не вмешиваться во внутренние дела Китая.

Вполне очевидно, что тут имеется в виду «отказ» нашей страны «вмешаться» во внутренние дела Китая, выступить открыто в войне Мао на его стороне против Чан Кайши. Мао Цзэдун и его приверженцы, в том числе Цзян Чанбинь, обвиняют нашу сторону в том, что она не поддержала планы Мао Цзэдуна в 1945 году немедленно начать войну против правительства Китайской Республики. В то время условий для этого не было.

На самом деле если принять во внимание факты, то очевидно, что наша сторона сумела обойти препятствия международного плана, которые стояли на ее пути после окончания Второй мировой войны, вывела наши войска из Маньчжурии, но в то же время сумела самым эффективным образом содействовать созданию КПК таких мощных вооруженных сил, в опоре на которые Мао Цзэдун и пришел к власти в Китае.

Среди событий 1945 года Цзян Чанбинь выделяет решения конференции руководителей СССР, США, Великобритании в Ялте и Договор между СССР и Китайской Республикой о дружбе и союзе.

Далее он переходит к событиям внутренней или гражданской войны в Китае 1946–1949 годов.

26 февраля 1946 года начальник штаба армии СССР, расквартированной на северо-востоке, устроил пресс-конференцию и заявил, что вывод войск СССР из Китая будет завершен до того, как из Китая будет выведена армия США.

Цзян Чанбинь начинает с упрека в наш адрес. Наша страна, дескать, заявила, что она выведет свои войска из Китая раньше, чем это сделают США. Тем самым Цзян Чанбинь хотел бы посеять семена еще одного недоверия к нашей стране в душах своих читателей в Китае. Он внушает им мысль о том, что Мао Цзэдуну, дескать, пришлось одному бороться против Чан Кайши и американцев, так как наша страна вывела свои войска из Китая.

На самом деле Цзян Чанбинь, как приверженец Мао Цзэдуна, не желает допустить того, чтобы люди в КНР узнали правду, а именно то, что исключительно с помощью нашей страны и была создана та база на северо-востоке Китая, откуда вооруженные нами японским трофейным вооружением войска КПК начали свое наступление на армию Чан Кайши. Можно сказать и по-иному: США не сделали для

Гоминьдана того, что наша страна сделала для своего тогдашнего союзника — КПК.

Что же касается упомянутого Цзян Чанбином заявления представителя наших вооруженных сил в Маньчжурии, то оно было сделано с целью оказать давление на США, которые обещали вывести свои войска из Китая, увязывая это с выводом наших войск из Северо-Восточного Китая.

9 марта 1946 года знаменитый военачальник времен антияпонской войны Ли Чжаолин был убит в Харбине гоминьдановским агентом.

11 марта 1946 года армия СССР была выведена из Шэньяня.

22 марта 1946 года правительство СССР заявило, что до конца апреля армия СССР будет полностью выведена из северо-востока.

С 3 апреля 1946 года начался вывод расквартированных в Цзямусы частей армии СССР. 5 апреля вывод был завершен. 7 апреля армия СССР была выведена из Чанчуня и транзитом через Харбин отправилась на родину. 22 апреля армия СССР возвратилась на родину из Цицикара. 23 апреля армия СССР была выведена из Харбина. 30 апреля армия СССР была выведена из Муданьцзяна. 3 мая вывод армии СССР из северо-востока был завершен.

В марте — мае 1946 года наша страна вывела из Китая свои войска, разгромившие японскую Квантунскую армию. Цзян Чанбинь представляет своим читателям дело таким образом, как будто бы речь шла о выводе «инородного тела» с северо-востока Китая, куда это «тело» было «введено» в 1945 году.

Цзян Чанбинь не упоминает о том, что наша армия в 1945–1946 годах находилась на территории Китая в результате того, что мы сделали по крайней мере «два добрых дела» для Китая и КПК, за Китай и КПК.

Во-первых, освободили землю Маньчжурии от четырнадцатилетней японской оккупации.

Во-вторых, превратили землю Маньчжурии в ту базу, с которой КПК начала наступление, завершившееся взятием власти в стране.

Начать это наступление КПК имела возможность, заполучив громадную армию в сотни тысяч людей, вооруженную современным по тому времени японским оружием, переданным ей нами. Армия была сформирована в районах, которые находились после разгрома Квантунской армии под нашим контролем.

Цзян Чанбинь не упоминает и о том, что власти КПК в Маньчжурии в то время пользовались громадной экономической помощью с нашей стороны.

16 августа 1946 года в освобожденном районе северо-востока был образован комитет по отправке на родину японцев; к 19 сентября в общей сложности на родину было отправлено более 180 тысяч человек.

Цзян Чанбинь ставит рядом два события: вывод наших войск из Маньчжурии и отправку в Японию из Маньчжурии 180 тысяч японских поселенцев.

Возможно, он это делает в надежде на то, что в сознании его читателей все это сольется в один поток: освобождение китайской земли от присутствия на ней иностранцев — из России и из Японии, то есть из тех двух стран, которые, по мнению Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и их сторонников, нанесли наибольший вред Китаю (из них Россия, по словам Дэна, «преуспела» в этом больше по сравнению с Японией).

Начиная с 29 октября 1946 года части войск КПК начали облаву на бандитов. Части главарей бандитов Ли Хуатана, Се Вэньдуна были одна за другой уничтожены.

Здесь речь идет о бандах предателей, которые перешли в свое время на сторону японцев. Нельзя исключать и того, что и тут содержится намек на то, что наша армия, дескать, будучи в Маньчжурии, не уничтожила этих «лесных братьев».

21 декабря 1946 года внешнеторговая компания «Дунсин маоигунсы» (внешнеторговая компания «Дунсин») из освобожденного района северо-востока заключила с Дальневосточной компанией СССР (Всесоюзным объединением Продинторг) первое внешнеторговое соглашение, по которому северо-восток экспортировал зерно, мясо, лесоматериалы, кожу, куриные яйца; импортировал бумагу, хлопок, хлопчатобумажные ткани, пищевую соль, материалы, необходимые для заводов и рудников, станки и запасные части к ним, машинные масла, медицинские препараты.

27 февраля 1948 года внешнеторговая компания «Дунсин» из Северо-Восточного Китая заключила с Всесоюзным объединением Продинторг второе соглашение — «Внешнеторговый контракт с

СССР», по которому с северо-востока в СССР поставлялись продовольствие, мясо, уголь, а в Китай импортировались хлопчатобумажная ткань, автомашины, станки, горючее.

События 1946–1948 годов Цзян Чанбинь рисует, как «выкачивание» из Китая продовольствия и угля в нашу страну. Взамен, дескать, в Маньчжурию из нашей страны поставлялись хлопчатобумажная ткань, автомашины, станки, горючее, медицинские препараты.

Цзян Чанбинь хотел бы создать впечатление о том, что и тогда имел место простой обмен товарами, причем Китай «кормил» нашу страну.

На самом деле все было не так. Прежде всего речь шла о помощи нашей страны властям КПК, которым в то время никто в мире не помогал, вести войну против армии Гоминьдана. Мы поставляли прежде всего все то, что было необходимо для армии КПК (обмундирование, автомашины, станки для военной промышленности). Наша страна восстановила железные дороги, по которым перевозились войска и нужные им материалы. Мы возрождали ту промышленную базу на северо-востоке Китая, которая становилась основой промышленности будущего Нового Китая.

Мы заключали с китайской стороной соглашения от имени наших государственных внешнеторговых объединений и от имени нашего тогдашнего государства. Иными словами, мы не только на практике были вместе с китайскими коммунистами тогда, когда они вели войну против Гоминьдана, но и заключали соглашения с властями КПК, действовавшими еще не на всей территории Китая, а лишь на ее части, в Маньчжурии.

Мы тогда еще поддерживали дипломатические отношения с Китайской Республикой. Это мы делали для того, чтобы не дать повода США открыто вмешаться в гражданскую войну в Китае.

Одним словом, будучи сторонником Мао Цзэдуна, Цзян Чанбинь пытается стереть в памяти китайского народа все то, что связано с проявлением нами дружбы и с оказанием нами искренней и существенной помощи Китаю и КПК. При этом в разумных пределах имел место и обмен товарами. Нужно упомянуть о том, что все это мы делали в условиях, когда наша страна еще никак не оправилась от разрушений и потерь периода Великой Отечественной войны.

26 апреля, 4 июля 1948 года Мао Цзэдун дважды предлагал Сталину свой визит в СССР и в государства Восточной Европы, однако в обоих случаях Сталин отказывал.

Цзян Чанбинь не упоминает о том, что Сталин был в обоих случаях прав, так как предлагал, чтобы Мао Цзэдун посетил нашу страну в качестве законного главы нового китайского государства. Сталин со своей стороны делал все возможное для того, чтобы отношения между нами были исключительно отношениями равных и равноправных партнеров.

Выносить на первый план вопрос о том, что Мао что-то предлагал, а Сталин, дескать, в чем-то отказывал, и не говорить о том, что наша страна делала тогда все возможное и невозможное для того, чтобы помочь КПК в ее войне против Гоминьдана, — это типичный прием приверженцев Мао, когда они пропагандируют среди населения Китая враждебные нам взгляды своего «великого кормчего».

18 января 1949 года посол СССР в Китае Рощин вслед за правительством Гоминьдана перебазировался в Гуанчжоу. Посол США Лейтон Стюарт продолжал оставаться в Нанкине с целью «наблюдать» за развитием обстановки. Послы остальных западных стран поступили так же, как и американцы.

Продолжая гнуть свою линию по принципу «все, что делала наша страна в отношении Китая, должно быть осуждено», Цзян Чанбинь не только искажает предысторию первого визита Мао Цзэдуна в нашу страну, но и пытается внушить своим нынешним читателям в КНР, что наша страна во время войны КПК против Гоминьдана, дескать, поступала в отношении КПК «хуже, чем США», потому что американский посол, дескать, остался во взятом армией КПК Нанкине, а советский посол уехал с гоминьдановским правительством в Гуанчжоу.

На самом деле американский посол уже через месяц уехал из Китая в США насовсем; дипломатические отношения между США и КНР были установлены только в 1979 году, а наша страна первой установила дипломатические отношения с КНР в октябре 1949 года, то есть на 30 лет раньше американцев.

И вообще, говорить о дипломатических маневрах нашей страны, намекая на то, что они якобы были направлены в пользу Гоминьдана, и не говорить о нашей помощи КПК в приходе ее к власти в Китае — это просто бесчестно. Но такова пропагандистская линия современной КПК. Кстати, в упоминании об американском после, оставшемся в Нанкине, ощущается ностальгия Мао Цзэдуна и его приверженцев по тому моменту в истории, когда они делали шаги с целью установления отношений с Вашингтоном в 1949 году.

С 31 января по 8 февраля 1949 года член политбюро ЦК ВКП(б) Микоян находился в Сибайпо с секретным визитом в ЦК КПК. За исключением вопроса о Монголии по остальным вопросам позиции были сходными.

Значение визита А. И. Микояна в КНР в начале 1949 года было огромным. До китайской стороны была доведена позиция Москвы, которая оказывала КПК безусловную максимально возможную всестороннюю помощь и поддержку. В то же время А. И. Микоян выслушал соображения китайской стороны, что помогло координировать усилия сторон в важный момент прихода КПК к власти в Китае.

При всем желании Цзян Чанбинь не сумел бросить много упреков в адрес нашей стороны.

Однако он все-таки упомянул о том, что Мао Цзэдун пожелал, чтобы наша сторона вопреки мнению монгольской нации передала Монголию в состав государства, находящегося под властью Мао Цзэдуна. Так Мао Цзэдун начал общение в 1949 году на высоком уровне с нашей стороной с выдвижения требования «вернуть» Монголию Китаю.

С 26 июня по 14 августа 1949 года Лю Шаоци, возглавляя делегацию, находился в СССР с визитом.

Цзян Чанбинь, с одной стороны, не мог не упомянуть о визите Лю Шаоци в нашу страну. С другой стороны, он намеренно принизил значение этого визита. Во время пребывания Лю Шаоци в Москве были решены поставленные китайской стороной вопросы об оказании нами помощи, которая тогда была необходима Китаю.

После окончания визита вместе с Лю Шаоци в Китай отправились сотни наших лучших специалистов.

В Москве через Лю Шаоци КПК был дан совет, которым она воспользовалась: объявить о создании КНР не 1 января 1950 года, как планировал Мао Цзэдун, а в 1949 году.

Мао Цзэдун также рассчитывал направить свои войска в Синьцзян для войны против Гоминьдана в 1950 году. Сталин предложил на самолетах нашей военно-транспортной авиации перебросить в Синьцзян войска КПК, что и было сделано.

Практически все вопросы, поставленные китайской стороной, были решены во время визита Лю Шаоци.

Был согласован и вопрос о том, что после создания КНР Мао Цзэдун в качестве главы китайского государства приедет в Москву,

где и будет решен вопрос о подписании договора между двумя странами.

В июле 1949 года в Москве был заключен третий по счету «Внешнеторговый контракт с СССР», в соответствии с которым экспортировались зерно, лесоматериалы, мясо; импортировались хлопчатобумажные ткани, автомашины, бензин, тракторы, станки.

Цзян Чанбинь, пытаясь смазать значение характера наших двусторонних связей в то время, заканчивает хронологию этого периода упоминанием о товарообмене между сторонами. При этом подчеркивает, что Китай уже тогда «кормил» нашу страну (явно рассчитывая на современных читателей в КНР) зерном и мясом, а взамен получал станки, автомашины и т. д.

Часть третья

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ: 1949–1991 гг.

В истории наших двусторонних отношений имел место сорокалетний период связей между СССР и КНР. В мировой истории это единственный период одновременного существования на планете двух крупных социалистических государств.

Казалось бы, многое говорило о том, что естественными для них должны были бы быть отношения союза, дружбы, добрососедства, взаимной помощи, сотрудничества. В обеих странах у власти находились коммунистические партии, руководствовавшиеся теорией и идеологией марксизма. Обе правящие партии прокламировали одну цель — коммунизм. Внешний мир, за исключением примерно десятка некрупных государств, также считавшихся социалистическими, был в их глазах классово враждебным миром.

И, тем не менее, отношения между СССР и КНР оказались весьма непростыми. В этих отношениях были и искренняя дружба, и взаимная помощь, и отношения союза перед лицом мирового империализма, и сотрудничество между военными, и даже в ходе войны на Корейском полуострове.

В то же время они осложнялись национальным предубеждением, недоверием, враждебным отношением с одной стороны, со стороны Мао и его последователей и приверженцев. Они довели дело даже до применения оружия на границе.

У двух наших стран много объективно совпадающих интересов двух наций. В конечном счете это играло, играет и будет играть определяющую роль.

Однако путь к взаимопониманию осложнялся позицией Мао и Дэна, которые руководствовались чувствами национального предубеждения к России.

Россия со своей стороны всегда была расположена в пользу налаживания и развития двусторонних отношений.

Позиция Мао и Дэна была агрессивной и наступательной, враждебной по отношению к России.

Позиция нашей страны всегда была оборонительной и доброжелательной.

Мао и Дэн бросали в адрес России необоснованные обвинения.

Россия ни в чем не виновата перед Китаем и китайцами. У России есть целый реестр добрых дел, которые она совершила для Китая, на пользу добрым двусторонним отношениям.

Обратимся к тому, что происходило в 1949–1991 годах в наших двусторонних отношениях.

Здесь придется говорить об отношениях между двумя государствами и о том, как возник и как становился все более острым вопрос о границе после образования КНР.

Обострение вопроса о границе порождено исключительно настроениями и политикой Мао. Для него это был один из рычагов, с помощью которых он удерживал власть над Китаем, обращая недовольство населения против нашей страны и народа.

Здесь необходимо будет остановиться на Договоре между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанном в начале 1950 года.

Придется обратиться к утверждению Цзян Чанбиня о том, что выдвинутые при правлении Мао так называемые «пять принципов мирного сосуществования» имеют далеко идущее значение и смысл, если говорить о теории вопроса об исторических договорах Китая с другими государствами, прежде всего договорах о границе.

Цзян Чанбинь также утверждает, что на практике КНР при разрешении вопроса о сверке и разграничении государственной границы со многими государствами действовала на основании упомянутых «пяти принципов мирного сосуществования».

Пожалуй, сразу же необходимо сказать, что эти «принципы» позволяют отделять решение некоторых конкретных вопросов от того, что Мао и его приверженцы и последователи намерены сохранять и после решения упомянутых вопросов для того, чтобы снова «предъявить справедливые требования» тогда, когда они сочтут это необходимым.

Держать партнеров в нервном напряжении десятилетиями, если не столетиями — вот с какой целью Мао и его приверженцы применяют этот прием.

Создание Китайской Народной Республики было провозглашено 1 октября 1949 года. Наша страна первой дипломатически признала КНР. Вслед за СССР это сделали другие социалистические государст-

ва. КНР обрела в их лице союзников на мировой арене. Весь остальной мир оставил КНР в состоянии дипломатической изоляции. В ООН место Китая в Совете Безопасности занимала Китайская Республика, столица которой в то время находилась в Тайбэе на острове Тайвань. Наша страна с 1949 по 1971 год, когда КНР пришла в ООН, неизменно выступала за то, чтобы в ООН была представлена КНР.

2 октября 1949 года правительство СССР установило дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой.

Фактически наша страна установила дипломатические отношения с КНР мгновенно. Из-за разницы во времени между Москвой и Пекином сторонники отношения Мао к нашей стране получили возможность говорить читателям в Китае, что наша страна, дескать, не установила отношений с КНР в первый же день ее существования.

Мало того, если исходить из сути дела, то приход к власти в Китае Коммунистической партии Китая стал возможным в результате того, что с 1945 по 1949 год наша страна делала все возможное, поддерживая КПК и ее вооруженные силы и оказывая им искреннюю помощь. Поэтому между нашей страной и КПК, по сути дела, давно уже существовали максимально тесные союзнические отношения. Объявление об установлении дипломатических отношений было в этих условиях лишь формальным оформлением того, что в действительности имело место уже много лет.

16 октября 1949 года Китай установил дипломатические отношения с Монгольской Народной Республикой.

Говоря об отношениях с нашей страной, авторы из КНР непременно упоминают и о характере отношений между КНР и Монгольской Народной Республикой. Если принять во внимание подчеркнутое Цзян Чанбином расхождение в позициях между нашей страной и Мао по вопросу о Монголии в начале 1949 года, то становится очевидно, что констатация самого факта установления дипломатических отношений между КНР и МНР звучит как желание напомнить о том, что у Мао было свое отношение к Монголии, но ему пришлось вынужденно, под давлением нашей страны, установить дипломатические отношения с МНР.

С 16 декабря 1949 года по 26 февраля 1950 года проходил визит Мао Цзэдуна в СССР.

20 января 1950 года Чжоу Эньлай прибыл в Москву для участия в переговорах между Китаем и СССР.

14 февраля 1950 года поставлены подписи под «Договором между КНР и СССР о дружбе, союзе и взаимной помощи».

Любопытно, что Цзян Чанбинь датирует визит следующим образом: его началом он считает не день пересечения границы поездом, на котором ехал Мао Цзэдун, а день прибытия Мао в Москву, а днем окончания визита считает не день отъезда из Москвы, а день пересечения границы между СССР и КНР.

Цзян Чанбинь также стремится создать впечатление, что переговоры шли не гладко, поэтому, дескать, понадобился приезд Чжоу Эньлая в Москву.

Сухая констатация того, что под Договором между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи «были поставлены подписи», свидетельствует о том, что китайский автор не хотел говорить о содержании и значении этого договора. Это также должно напоминать китайцам, что Мао и Дэн считали этот договор «неравноправным». В частности, из-за того, что не был решен вопрос о «передаче» Монголии в состав КНР.

Вот с чего Цзян Чанбинь начинает описание отношений между нашей страной и КНР.

25 июня 1950 года вспыхнула Корейская война.

27 июня 1950 года президент США Трумэн заявил о расширении Корейской войны и одновременно направил Седьмой флот на незаконное вторжение на нашу территорию — Тайвань, послал корабли с целью войти в Тайваньский пролив.

С 27 июня по 7 июля 1950 года СБ ООН принял три резолюции: № 82, № 83, № 84; поддержал вооруженную агрессию США, их вмешательство во внутренние дела Кореи; при этом СССР, обладающий правом вето в СБ ООН, трижды отсутствовал на этих заседаниях.

Следующим событием в двусторонних отношениях, с точки зрения китайского автора, стала Корейская война. При этом Цзян Чанбинь делает акцент на том, что наша страна, обладая правом вето в Совете Безопасности ООН, не присутствовала на заседаниях Совета Безопасности тогда, когда были приняты резолюции, поддерживавшие «вооруженную агрессию США, их вмешательство во внутренние дела Кореи». Цзян Чанбинь также добавляет, что США направили тогда свой Седьмой флот на «незаконное вторжение» на террито-

рию КНР — Тайвань, «послали корабли с целью войти в Тайваньский пролив».

У читателей в КНР может сложиться впечатление, что война в Корее, захват Ким Ир Сеном большей части Южной Кореи в начале этой войны это, дескать, «внутренние дела Кореи». На самом деле это агрессия одного государства корейской нации против другого государства корейской нации.

С точки зрения Мао, одно государство разделенной нации имеет право применять вооруженные силы против другого государства разделенной нации, и это мировое сообщество должно считать «внутренним делом той или иной нации».

Конечно, такая постановка вопроса имела связь с позицией Мао по отношению к Тайваню и с его желанием заставить нашу страну ввязаться в войну из-за Тайваня.

Кстати, один из «пяти принципов мирного сосуществования» — это «невмешательство во внутренние дела». Позиция Мао по вопросу о вторжении Ким Ир Сена на юг Корейского полуострова говорит о том, что Мао на практике имел в виду под «невмешательством во внутренние дела». То же Мао относит и к вопросу о Тайване.

Далее, с точки зрения Мао, в Корею имела место «вооруженная интервенция» со стороны США. С точки зрения Мао, не имели никакого значения резолюции, принятые Советом Безопасности ООН. Хотя «лягнуть» при этом СССР китайский автор считает необходимым. А ведь на самом деле наш представитель отсутствовал на упомянутых заседаниях Совета Безопасности ООН в связи с осуществлением нами шагов в поддержку законного места КНР в ООН.

Кроме того, в своей войне в Корею Ким Ир Сен и Мао Цзэдун получили весьма значительную помощь вооружением и прочим с нашей стороны. Фактически наша страна взяла на себя обеспечение армий Кима и Мао вооружением и всем необходимым, хотя наша страна не принимала непосредственного участия в боевых действиях, если не считать того, что наша авиация «прикрыла» небо от налетов американцев и над Северной Кореей, и над северо-востоком Китая.

Здесь необходимо упомянуть о том, что инициатором войны на Корейском полуострове был Ким Ир Сен. Когда он обратился к Сталину за поддержкой, Сталин занял следующую позицию: по этому вопросу следует прежде всего и главным образом обращаться к Мао; СССР в любом случае поддержит Мао и Кима, однако непосредственного участия в войне принимать не будет.

Все это говорит о том, что главную ответственность за Корейскую войну, за гибель миллионов людей должны нести Ким и Мао.

Сталин, очевидно, исходил из сложившегося у него убеждения, что там, где речь идет о Китае и о Корее, ни в коем случае нельзя никогда ничего им навязывать. Можно поддерживать их собственные решения. Такова была принципиальная позиция нашей стороны.

1 октября 1950 года Ким Ир Сен из Кореи направил телеграмму Мао Цзэдуну с экстренной просьбой о том, чтобы Китай направил войска в помощь народу Кореи.

7 октября 1950 года сухопутные части армии США пересекли 38-ю параллель, направились к реке Ялуцзян.

18 октября 1950 года армия добровольцев народа Китая вошла в Корею.

6 декабря 1950 года части армий Кореи и Китая освободили Пхеньян.

Дальнейшие события в ходе Корейской войны Цзян Чанбинь излагает таким образом, чтобы создать впечатление, что корейцы обратились к китайцам с просьбой спасти их, направив в Корею своих солдат тогда, когда американцы разгромили войска Кима в Южной Корее, пересекли 38-ю параллель, «направились к реке Ялуцзян», то есть к границе между КНДР и КНР, и затем заняли столицу КНДР Пхеньян.

Снова приходится сказать, что еще до начала Корейской войны Ким просил Сталина поддержать его в войне против Южной Кореи. Сталин уклонился от прямой поддержки, посоветовав Киму обратиться к Мао. Мао согласился с планами Кима. Поэтому Ким и Мао несут главную ответственность за войну в Корее.

Нет оснований утверждать, что Мао «оказывал помощь народу Кореи». Этому народу война Кима была не нужна.

Мао попытался спасти Кима тогда, когда тот обратился за экстренной помощью. В каком-то смысле Мао был вынужден сделать это, потому что он «благословил» Кима на эту войну. В то же время Мао решил воспользоваться ситуацией для того, чтобы ввести свои войска на Корейский полуостров, добиться присутствия КНР в Корее.

Позиция нашей страны в таких обстоятельствах была вынужденной. Здесь главную роль играло понимание в Москве того, что ни Мао, ни Ким не являлись ничьими марионетками, что с их полной самостоятельностью, во всяком случае тогда, когда речь шла об их государствах, нужно было считаться, приспособившись к их решениям и действиям.

Цзян Чанбинь далее характеризует ввод китайских солдат в Корею как реакцию на угрозу для границ и территории самого Китая. Он также говорит о победе войск Мао и Кима над американской армией, хотя в действительности речь шла о взятии ценой многих жизней Пхеньяна и о выходе войск Мао и Кима на позиции перед началом войны, то есть на 38-ю параллель.

15 августа 1951 года Чжоу Эньлай выступил с заявлением по поводу «Проекта мирного договора с Японией» США и Великобритании и конференции в Сан-Франциско, указав в этом заявлении на то, что Китай никоим образом не принимает ни упомянутый проект, ни конференцию в Сан-Франциско.

В 1951 году наша страна не приняла участия в конференции в Сан-Франциско, поддержав позицию КНР. Китайский автор не упоминает об этом, а подчеркивает отдельность позиции Мао от позиции остальных государств, в том числе и нашей страны. Тенденция «стирать» из памяти современных читателей в КНР все то, что свидетельствует о дружбе и союзе между нами, о нашей искренней помощи Китаю, прослеживается в словах Цзян Чанбиня постоянно.

18 сентября 1951 года Чжоу Эньлай выступил с заявлением: мирный договор США с Японией является незаконным, не имеющим силы; Китай ни в коем случае не принимает этот договор.

8 марта 1952 года Чжоу Эньлай выступил с заявлением, выразив серьезный протест против применения войсками США бактериологического оружия с целью отравить народ Китая, а также против нарушения воздушного пространства Китая.

5 мая 1952 года Чжоу Эньлай выступил с заявлением о том, что Китай никогда не примет подписанный в Сан-Франциско «Мирный договор с Японией»; со всей решительностью выступает против так называемого «Мирного договора», заключенного между Японией и Тайванем.

Еще одним постоянно применяемым Цзян Чанбином приемом является насыщение текста, формально посвященного главным образом нашим двусторонним отношениям, информацией о действиях КНР на мировой арене. По замыслу китайского автора, это, очевидно, должно прежде всего внушать читателям, что, и находясь в изоляции, КНР действовала на мировой арене инициативно и активно.

На самом деле акции, предпринимавшиеся КНР, не находили тогда особого резонанса. Они предпринимались в ближайшей перспективе в расчете на воздействие внутри КНР, на ее население, а в далекой перспективе на то, чтобы иметь аргументы при соответствующих обстоятельствах в далеком будущем. В то же время нужно сказать, что наша страна во всех случаях поддерживала КНР.

Цзян Чанбинь так строит свою хронологию еще и с той целью, чтобы подчеркнуть постоянное стремление Мао так или иначе привлекать к себе внимание в США.

С 17 августа по 22 сентября 1952 года Чжоу Эньлай во главе делегации находился с визитом в СССР.

15 сентября 1952 года Китай, СССР, Монголия заключили соглашение о железной дороге от Цзинина до Улан-Батора.

В первые годы существования КНР наша страна, единственная в мире крупная страна, оказывала всевозможную помощь Китаю.

Мы это делали тогда, когда сами еще далеко не оправились от последствий Великой Отечественной войны.

Наши люди помогали Китаю и китайцам искренне.

В истории взаимоотношений КНР с другими странами нет другого примера столь искренней и столь масштабной и эффективной помощи.

В частности, наша страна помогла Китаю создать современную регулярную армию, ВМС и ВВС, то есть те виды вооруженных сил, которых у КПК никогда не было.

Мы помогли создать комплекс промышленных предприятий, которые обслуживали вооруженные силы КНР.

С нашей помощью была создана первоначальная основа современной промышленности Китая.

Все такого рода вопросы решались постоянно, в том числе во время визитов в нашу страну главы правительства КНР Чжоу Эньлая. Когда Цзян Чанбинь отделяется сухой констатацией того, что Чжоу Эньлай, дескать, побывал в нашей стране, это попытка скрыть от китайского народа нашу помощь, нашу искренность, нашу дружбу.

Что касается железной дороги, то она позволила нам оказывать Китаю помощь в еще больших масштабах, так как соединила этим путем нашу страну через Монголию с Северным Китаем.

30 сентября 1952 года Лю Шаоци во главе делегации участвовал в XIX съезде КПСС.

Цзян Чанбинь пишет об «участии» Лю Шаоци в съезде КПСС. В иных случаях он пишет о «присутствии» делегации КПК на том или ином съезде КПСС. Думается, что Цзян Чанбинь, применяя термин «участие», хотел бы бросить тень на имя Лю Шаоци, намекая на «чрезмерную» близость Лю Шаоци к нашей стране. На самом деле Лю Шаоци действительно был другом нашей страны. Далеко не случайно он был председателем Общества китайско-советской дружбы.

Во время пребывания в нашей стране в 1952 году Лю Шаоци получил советы Сталина.

Сталин посоветовал как можно скорее принять Конституцию КНР, а также провести выборы во Всекитайское собрание народных представителей.

Таким образом, в Китае (думается, что вопреки воле Мао Цзэдуна) удалось создать начала демократической системы; это было движение по альтернативному пути Мао пути нового демократизма, за который и выступал Лю Шаоци. Наша страна поддерживала в этом Лю Шаоци и сторонников его взглядов.

31 декабря 1952 года СССР передал Китаю все права и все имущество Китайской Чанчуньской железной дороги.

15 мая 1953 года Китай и СССР заключили соглашение об оказании помощи Советским Союзом в деле развития экономики Китая, об оказании Китаю помощи в строительстве 141 крупного объекта.

Наша страна всегда выступала за то, чтобы Китай при появлении у него такой технической возможности принял в свое полное ведение КВЖД. К концу 1952 года подготовка к этому была завершена, и КВЖД, еще при жизни Сталина, была передана китайской стороне.

В 1953 году, уже после смерти Сталина, был сделан новый крупный шаг в деле оказания нами помощи Китаю. Появилось соглашение о сооружении в Китае не одного или нескольких, а 141 крупного промышленного объекта. Примера такой помощи со стороны иных государств не было в истории КНР.

27 июля 1953 года стороны, участники соглашения о перемирии в Корее, поставили в Панмэньчжоне подписи под соглашением о возвращении военнопленных.

27 июля 1953 года в Панмэньчжоне было подписано соглашение о перемирии.

С 12 по 26 ноября 1953 года Ким Ир Сен во главе делегации посетил с визитом Китай; было подписано межгосударственное эко-

номическо-культурное соглашение; Китай оказал Корею безвозмездную помощь в целях ее послевоенного восстановления. 23 октября Китай и Корея подписали экономическо-культурное соглашение.

В 1953 году завершилась изнурявшая обе стороны война в Корею. Наша страна сыграла активную и инициативную роль при вступлении сторон в переговоры. Таким образом, с нашей стороны не была проявлена инициатива при начале войны Кимом. В то же время мы не могли не считаться с намерениями Мао поддержать Кима при начале этой войны. Когда же для этого появились условия, наша страна реально содействовала прекращению войны в Корею.

Важно подчеркнуть, что наша страна оказывала КНДР всемерную помощь после окончания войны.

Цзян Чанбинь пытается представить своим читателям в Китае ход событий таким образом, что при окончании войны в Корею Мао сначала, дескать, удалось настоять на соглашении об обмене пленными.

На самом деле Мао требовал «отдать» ему всех китайцев, попавших в плен в Корею. Их судьба была бы обычной трагедией репрессированных и их семей правителями типа Мао по возвращении из плена.

США стояли за то, что попавшие в плен имеют право сами выбирать, куда они направятся.

Иными словами, Мао хотел держать всех китайцев в качестве «собственности» государства, а точнее, его «личной собственности». Он хотел сам распоряжаться судьбами этих людей по своему усмотрению.

США выступали за свободу человека от государства, в том числе и в случае с Мао. В конечном счете Мао был вынужден согласиться с мнением США. 14 тысяч человек из числа пленных китайцев отправились из Южной Кореи на Тайвань. Эти люди прекрасно понимали, что с ними сделает Мао, зная о его бесчеловечности. Именно этим был продиктован их выбор. Собственно говоря, этот пример показывает, что человек в Китае совсем не обязательно с радостью воспринимает отношение к нему как к «собственности государства».

Вспомним, что в цинском Китае его подданных называли «Цин Го жэнь», то есть «люди государства Цин». В КНР применяют термин «Чжун Го жэнь», что означает «люди государства Чжун, то есть Китая как государства».

Цзян Чанбинь также подчеркивает, что Киму пришлось ехать в КНР, благодарить Мао и просить о помощи. Думается, что Ким ездил тогда в КНР не только за этим, но и чтобы добиться вывода войск Мао из КНДР.

Попутно необходимо подчеркнуть, что Мао не пожелал выводить китайские войска из Кореи. Наша страна в свое время, после окончания Второй мировой войны, вывела свои войска и из Кореи, и из Китая. Ким Ир Сену ценой многих усилий только в 1958 году, то есть спустя пять лет после окончания Корейской войны, удалось добиться полного вывода войск Мао из Кореи, где они вели себя как «хозяева» по отношению к корейцам.

31 декабря 1953 года Чжоу Эньлай во главе делегации провел переговоры с делегацией Индии. Впервые был выдвинут вопрос о пяти принципах мирного сосуществования.

Фактически сразу же после смерти Сталина Мао продемонстрировал всему миру, что и в сфере международных отношений он претендует на лидерство. Не вместе с СССР, а отдельно от СССР. И даже не вместе с США, а вместе с Индией. Это была заявка на совершенно самостоятельную относительно СССР и США роль в международных отношениях.

Иными словами, Мао продемонстрировал, что он сумел через Чжоу Эньлая, его руками или его голосом, побудить Индию совместно с Китаем предложить главные принципы современных тогда международных отношений, которые и были, по инициативе Мао через Чжоу, названы «пятью принципами мирного сосуществования».

Такое выступление Китая и Индии означало, что практически половина человечества — Китай и Индия — появились на мировой арене со своей концепцией международных отношений, ввели правила поведения на мировой арене, которые они предложили принять остальному миру.

Что же касается нашей страны, то можно лишь повторить и подчеркнуть, что этот акт был показателем намерения Мао полностью отделиться от СССР, от нашей страны. Оставив нашей стране выбор: либо теперь уже не идти во главе чего-то, назовем это, скажем, лагерем социалистических государств, а следовать за КНР, признать лидирующую роль Мао и его государства, либо продолжать претендовать по-прежнему на руководство в стане социалистических государств, но лишиться всякой поддержки Китая, остаться во главе «чего-то», куда КНР больше не входит, во всяком случае по сути дела.

В этой хронологии Цзян Чанбинь вводит упоминание о выдвигении пяти принципов мирного сосуществования Китая при переговорах с Индией, чтобы указать на то место, которое отныне, по мнению Мао, должна была занять Россия (СССР). Отныне пути и судьбы СССР и КНР на мировой арене полностью разошлись. Формально союз между ними продолжал действовать. По сути дела, для Мао он больше не существовал. И это пришлось постепенно уразуметь в нашей стране.

Здесь необходимо также сказать о характере двусторонних отношений между Китаем и Индией. И в той, и в другой стране существует глубокая и неизменная уверенность в том, что речь в данном случае идет об уникальном явлении в мировой истории и политике — о самостоятельных и отдельных взаимоотношениях двух государств, каждое из которых является одной из самых многонаселенных стран мира.

Из этого следует, что все свои двусторонние вопросы Китай и Индия решали, решают и, очевидно, будут решать исключительно в двустороннем порядке. Никто в мире, ни одна другая страна, в том числе и наша страна, и США, никогда не будут иметь возможности существенно влиять или воздействовать на характер и состояние взаимоотношений Китая и Индии.

Публичное выдвигение пяти принципов мирного сосуществования означало выход Мао на мировую сцену. Он выходил на нее с тем, что ему представлялось новым мировым порядком. С порядком, приемлемым для обеих сторон: и для Китая Мао, и для остального, то есть внешнего для Китая Мао мира.

Сердцевиной этого нового мирового порядка была мысль о невмешательстве во внутренние дела. Для Мао было важнее всего утвердить во взаимоотношениях между нациями принцип, согласно которому все остальные нации признавали за Мао право творить внутри нации Китая все, что ему заблагорассудится.

При этом условии Мао предлагал согласовывать подходы к существовавшим мировым проблемам и в двусторонних, и в многосторонних, и в региональных, и в глобальных отношениях.

Это, в частности, означало, что для Мао уравнивались все нации, все государства. Фактически он предлагал не делить государства на социалистические и не социалистические, как это до того времени было принято в марксизме, в нашей стране.

Это означало полное отрицание, по сути дела, принципов интернационализма и универсальности мира.

Мао одновременно хотел, чтобы остальной мир, мир вне Китая, принял предложенные им принципы международного обще-

ния и признал за Мао и его Китаем право идти по собственному пути.

Это было зарождение, формулирование и вынесение в публичную политику принципа самобытности Китая, так сказать, специфики Китая.

Китай Мао оставлял за собой право внутри страны действовать по-своему, а на мировой арене навязывать свои правила остальному миру.

Мао был против существовавших в то время обоих подходов к ситуации в мире или взглядов на ситуацию в мире.

Речь идет о взгляде тогда в нашей стране на мир как на то, что состоит из двух частей — социалистической и капиталистической — при понимании того, что только социалистический подход и взгляд правильны, единственно правильны и должны победить.

Это также означало, что для всех тех, кто соглашался с понятиями и терминами «социализм» и «марксизм», было обязательным именно такое понимание ситуации в мире.

Остальной мир, не социалистический мир, требовал иного. Он требовал признания универсальности принципов нравственности, морали и соответствующих общечеловеческим ценностям законов, устанавливаемых для всего мирового сообщества.

Мао не желал подчиняться ни социализму, в том числе и прежде всего в том понимании его, которое существовало в нашей стране, ни принципу универсальности, общности человечества, за который выступал, по сути дела, остальной мир.

Так складывалась ситуация, при которой Мао начал навязывать миру свои правила под видом или в форме нового мирового порядка и при условии признания остальным миром права Мао и его Китая «идти своим путем».

Если попытаться осмыслить ситуацию, то приходит мысль о том, что человечество имело и имеет нравственные понятия и ценности.

Наша страна, руководствуясь своим пониманием марксизма, во времена СССР предлагала тоже универсальный взгляд на мир с делением его на своих и чужих. На пролетариат и буржуазию.

Мао предлагал иное. Он не принимал универсальные ценности. Это означало, что он не соглашался с тем, что Китай — составная часть человечества и что китайцы такие же люди, как и все остальные, из чего следовало, что для всех людей, в том числе китайцев, существуют общие ценности, общая нравственность и мораль.

Он хотел навязать остальному миру свое понимание этих ценностей, но делал это под прикрытием того, что он называл «пятью

принципами мирного сосуществования». Выдвижение этих принципов было тактическим приемом Мао.

Главное же тут было в том, что, как и в других случаях, тогда, когда Мао и его приверженцы и последователи выдвигают ту или иную формулировку, тот или иной термин в области международных отношений, они наполняют эту формулировку, этот термин своим содержанием, которое может различаться в зависимости от ситуации, но быть направлено исключительно к выгоде Мао и его сторонников и фактически в ущерб принципу равноправия участников международных отношений.

Внешняя приемлемость этих принципов и побудила тогда Индию согласиться с этими принципами. Правда, тут сыграло, пожалуй, главную роль желание Индии как нации установить одновременно во взаимоотношениях с Китаем принцип полной независимости друг от друга в своих внутренних делах и ее согласие с формально провозглашенной идеей равенства всех и каждой нации на мировой арене.

Представляется также, что Мао выступил с предложениями о новом мировом порядке в форме выдвижения «пяти принципов мирного сосуществования» только после смерти Сталина, то есть тогда, когда исчезло главное, с точки зрения Мао, препятствие на пути к выходу Китая Мао и самого Мао на мировую арену в качестве главного действующего лица.

Представляется также, что осознание глубинных принципов, которыми руководствовался Мао, потребовало от людей в мире очень много времени.

Во всяком случае, в мире это происходило и происходит до сих пор.

Это также лишний раз подчеркивает то, что к формулировкам и терминам, которые исходят из Китая начиная со времени правления Мао, следует относиться самым внимательным образом. Вникать в их суть и вырабатывать свою позицию, позволяющую отстаивать свое независимое положение на мировой арене, отстаивать универсальные, с нашей точки зрения, принципы: вечный мир, полную самостоятельность и равноправие во взаимоотношениях всех наций на Земле.

Поэтому и в настоящее время любые формулировки, которые выдвигаются в Китае или даже принимаются Китаем, требуется осмысливать, имея в виду, что в них в Китае вкладывается свое содержание. Это, в частности, относится и к термину «стратегическое взаимодействие между Россией и Китаем».

С 24 апреля по 20 июня, а затем с 10 по 12 июля 1954 года Чжоу Эньлай во главе делегации участвовал в Женевской конференции;

в конференции с целью решения вопроса о Корее и о восстановлении мира в Индокитае.

Если предыдущий шаг Мао был заявкой на роль в теории международных отношений того периода, то следующий шаг, о котором пишет Цзян Чанбинь, находился в рамках практики внешней политики.

Тогда в мире были два животрепещущих вопроса. Вопрос о Корее и вопрос об Индокитае. СССР и США ощущали себя главными фигурами при решении и при обсуждении этих вопросов. Собственно говоря, фактически так оно и было, и без них, без компромисса именно между ними, ничего тут решить было тогда невозможно.

По предложению нашей стороны на конференцию в Женеве был приглашен Китай Мао Цзэдуна. Это было продолжение нашей неизменной в то время линии на то, чтобы добиваться равноправия для Китая на мировой арене. И в Москве, очевидно, тогда полагали, что в КНР будут ценить наши шаги такого рода, как в случае с введением Китая в число постоянных членов Совета Безопасности ООН, так и в случае с важнейшей тогда Женевской конференцией, фактически своего рода продолжением Ялтинской конференции.

Но не тут-то было. Мао всегда брал все то, что наша страна по доброй воле предлагала ему. Однако при этом он исходил из того, что он просто пользуется при этом опрометчивостью партнера, причем партнера, который лишь якобы номинально делает что-то ради Китая, а на самом деле, дескать, руководствуется исключительно стремлением в еще большей степени утвердить свое мнимое господство над Китаем.

Поэтому Мао с удовлетворением принял участие в Женевской конференции. Эту конференцию он также использовал исключительно для того, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать, что его политика является отдельной и независимой от нашей стороны. С другой стороны, чтобы продемонстрировать во время этой важной встречи с американцами, что Китай Мао уже появился на мировой арене. И с этим США придется считаться. Ибо Китай Мао никогда не допустит никакого господства над ним в международных делах. В том числе со стороны США. И будет предлагать США исключительно взаимное приспособление на основе компромиссов между этими и только этими двумя государствами — КНР и США.

В связи с этим необходимо также отметить, что в то время создались особые условия, при которых Китай Мао имел некоторые воз-

возможности выступать в роли государства, от которого что-то зависит и применительно к Корее, и применительно к Вьетнаму.

Однако эта ситуация была временной. И Корея (в то время Северная и Южная), и Вьетнам (в то время Северный и Южный) в принципе самостоятельны и отделены от Китая. В чем-то они вынуждены считаться с Китаем. Однако совершенно исключено господство Китая над любой из этих двух стран. История научила обе нации — корейскую нацию и вьетнамскую нацию — тому, что они, должны, добившись сегодня независимости и самостоятельности, отдельности от Китая, предпочесть погибнуть, но больше никогда не попадать под власть Китая. Именно этим определяются взаимоотношения Китая с Кореей (с каждым из ныне существующих двух государств корейской нации) и с Вьетнамом.

С 29 сентября по 12 октября 1954 года первый секретарь ЦК КПСС Хрущев по приглашению находился в Китае для участия в праздновании пятилетия Нового Китая и для проведения переговоров. Стороны выступили с коммюнике. СССР расширил масштабы помощи Китаю.

Стиль, в котором поданы эти события, намеренно предназначен для того, чтобы выхолостить само значение событий и представить их читателям в максимально тенденциозном виде.

У читателя, согласно замыслу автора, должно сложиться мнение о том, что некий «первый секретарь» чего-то там был приглашен в Пекин.

В головах у китайских читателей, на которых все это рассчитано, имелось и имеется твердое представление, что в свое время существовал, жил, правил «председатель Мао», то есть тот, кто «занимал место в торце стола».

Выше «председателя» не было и не могло быть никого. Ниже «председателя» находились его подчиненные, в частности «первые секретари» провинций, неких частей пространства, находившегося под властью «председателя».

Таким образом, даже в самой первой фразе уже заключено неравноправное отношение Мао к Хрущеву, Китая Мао и китайцев — приверженцев Мао — к России и к нам.

Судя по тому, как это подано Цзян Чанбином, это не был обмен визитами между равными. «Первого секретаря» «пригласили», и он явился «по приглашению». Иными словами, его «вызвали на ковер».

«Первый секретарь» прибыл формально и внешне для участия в праздновании пятилетия Нового Китая, то есть он должен был быть благодарен, что его на этот праздник пригласили.

Но главное, то есть то, для чего его, по сути дела, вызвали в Пекин, состояло в следующем: «для переговоров».

Имеется в виду, для читателей, воспитанных в духе поклонения Мао Цзэду, что кого-то вызывают номинально для обмена мнениями, а на самом деле для того, чтобы поставить его в известность о том, что от него требуется, что от «первого секретаря» требует «сам председатель Мао».

В итоге «первому секретарю» пришлось подписать документ, который был ему положен на стол принимающей стороной.

«Председатель» «объяснил» «первому секретарю», что Китай недоволен масштабами, да и в определенных областях характером помощи Китаю, или, в понимании приверженцев Мао, тем, что наша страна была обязана делать для Китая.

Вот примерно то, что заложено Цзян Чанбинем в слова приведенной им хроники событий.

На самом деле 1954 год стал одной из главных вех в истории взаимоотношений КПСС с КПК, СССР с КНР.

В 1953 году умер Сталин. С его уходом из жизни завершилась целая эпоха в упомянутых двусторонних отношениях. В 1920–1940-х и в начале 1950-х годов объективно наша сторона помогала Китаю. Тогда Китай попал, главным образом из-за своих внутренних трудностей, в сложное положение, нуждался в нашей помощи и просил нас о помощи.

Наша помощь сыграла роль

и в создании объединенного централизованного китайского государства в 1920-х годах,

и в разгроме японских оккупантов в 1945 году,

и в приходе к власти КПК в результате военной победы над Гоминьданом в 1949 году,

и в восстановлении разрушенной войнами экономики, создании вооруженных сил и вооружений КНР в 1949–1954 годах.

В результате всего этого складывался характер наших двусторонних отношений. В них значительное место занимали искренние отношения между людьми на рабочем уровне, да и между представителями масс населения обеих стран, которые тогда еще не пришли в непосредственное соприкосновение друг с другом.

В руководстве КПК были люди, которые исходили из национальных интересов Китая, из необходимости поддержания нормальных

добрососедских дружественных и союзнических отношений между нашими странами.

В первую очередь это был «второй человек» в руководстве КПК Лю Шаоци. На этих позициях стоял и главнокомандующий НОАК до прихода КПК к власти в стране Чжу Дэ. За это выступал и министр обороны КНР маршал Пэн Дэхуай. В пользу такого развития отношений был настроен и «гений экономики» Чэнь Юнь.

Однако на других позициях стоял Мао Цзэдун, которому помогали во всей его политике «железная рука в бархатной перчатке», главный исполнитель воли Мао в сфере внешней политики Чжоу Эньлай и главный исполнитель воли Мао внутри страны, «палач при Мао» Кан Шэн.

Мао Цзэдун считал, что с уходом Сталина пришла пора «поставить» нашу страну «на ее место», заставить ее понять, что в конечном счете ей придется учиться у Китая, идти за Китаем.

Поэтому Мао Цзэдун, исходя из национальных предубеждений, предъявил целый ряд, по сути дела, необоснованных претензий к нашей стороне. При этом он поворачивал представление о тех или иных вопросах всегда в одном направлении: наша сторона, дескать, «виновата» перед Китаем, перед китайцами, должна повиниться, «склонить голову и признать вину» в «преступлениях исторического характера» перед Китаем, в якобы «неравноправном» отношении к Китаю и китайцам.

Мао Цзэдун так представлял вопрос о Порт-Артуре и Дальнем, о смешанных советско-китайских компаниях. Он требовал от нас «вернуть» Китаю Монголию. Он требовал от нас «передать» ему атомную бомбу, технологию производства ядерного оружия.

В беседах с «первым секретарем», то есть с Н. С. Хрущевым, Мао внушал ему мысль о том, что с кем бы ни сталкивались китайцы на протяжении всей своей истории, они всех и каждого в конечном счете ассимилировали. Способность нации Китая ассимилировать другие нации, судя по словам Мао, превосходила всё и вся.

Таким образом, после смерти Сталина в наших двусторонних отношениях возник субъективный фактор «председателя Мао».

Здесь необходимо сказать, что в то время Н. С. Хрущев был председателем Совета Министров СССР и первым секретарем ЦК КПСС, то есть занимал ключевые посты в руководстве и партией, и государством в нашей стране. Н. С. Хрущев и Мао Цзэдун, по сути дела, занимали одинаковое положение в иерархии власти, каждый в своей стране.

Ни о каком «неравенстве калибров», о чем в свое время Мао говорил Сталину, имея в виду, что он, Мао, дескать, «калибром крупнее», чем Сталин, и тут не могло быть и речи.

Просто и сам Мао, и его приверженцы пытаются и сегодня всячески принижать нашу страну, ее руководителей и ставить их в неравное положение с Мао.

В жизни так не было. Наша сторона выступала за полное равенство и равноправие. Мао пытался навязывать нам неравноправие и неравенство.

Думается, что Н. С. Хрущев решил, что ради сохранения существующих двусторонних отношений, а также исходя из того, что «времена Мао можно пережить», как он «пережил» «времена Сталина», можно и должно в максимально возможной степени пойти навстречу требованиям Мао.

В результате Порт-Артур и Дальний полностью вернулись под контроль Китая, смешанные компании перестали существовать. Наша помощь Китаю в сфере содействия строительству его вооруженных сил, создания вооружения для армии КНР и в сфере промышленности была значительно увеличена, несмотря на то что мы еще далеко не залечили раны Великой Отечественной войны.

Но Н. С. Хрущев не мог «передать» монголов под власть Мао. Он также в тот момент считал невозможным передавать Мао секреты создания атомной бомбы. Этот вопрос, как, впрочем, и любой серьезный вопрос во взаимоотношениях с Китаем, требовал дальнейшего углубленного обдумывания.

На этой ноте и завершился визит Н. С. Хрущева в КНР в 1954 году.

8 мая 1955 года части войск СССР, расквартированные в Люйшуньюкоу, были выведены на родину.

Важным показателем того, что в нашей стране всегда хорошо понимали, что Россия и Китай должны поддерживать исключительно равноправные отношения, был вывод наших войск из Китая после окончания Второй мировой войны в 1946 году, а также вывод наших войск из Порт-Артура в 1955 году.

4 февраля 1956 года Чжу Дэ во главе делегации присутствовал на XX съезде КПСС.

Само то, что Цзян Чанбинь столь сухо и кратко говорит всего-навсего о том, что Чжу Дэ «во главе делегации» КПК «присутство-

вал» на двадцатом съезде КПСС, свидетельствует о том, что он хотел бы скрыть от читателей в Китае значение того, что произошло на этом съезде, а также реакцию Чжу Дэ и входившего в его делегацию Дэн Сяопина на решения этого съезда. Цзян Чанбинь, будучи приверженцем Мао и Дэна, крайне недоволен двадцатым съездом КПСС.

На этом съезде Н. С. Хрущев сделал два шага в своей политике, которые были восприняты Мао «в штыки».

Во-первых, Н. С. Хрущев предоставил возможность людям в нашей стране и в других странах открыто критиковать преступления Сталина против человечности, осуждать культ личности.

Во-вторых, Н. С. Хрущев заявил, что фатальной неизбежности мировой ядерной войны не существует.

Это были два вывода из истории. По обоим этим основным вопросам во взаимоотношениях тогда между нашими двумя нациями Н. С. Хрущев был прав, а Мао Цзэдун был не прав.

Мао считал, что в стране с коммунистической партией у власти должно устанавливать и поддерживать культ вождя.

Мао также считал, что мировая ядерная война, в которой пусть даже и погибнет «половина человечества», неизбежна и на подготовку к ней и должны быть направлены усилия его Китая и всех остальных социалистических государств, в первую очередь СССР.

Так Н. С. Хрущев оказался «впереди и выше» Мао как разумный государственный деятель, оценивший ситуацию и в мире в целом, и в таких государствах, как СССР и КНР. Н. С. Хрущев в этом случае отразил совпадение коренных объективных интересов России и Китая. Мао выступил против этих интересов.

Именно разница в отношении к тоталитаризму, самовластию (культу личности) и войне разделила Н. С. Хрущева, нашу страну и наш народ, с одной стороны, и Мао Цзэдуна, с другой стороны.

Глава делегации КПК на двадцатом съезде КПСС Чжу Дэ, ознакомившись с докладом Н. С. Хрущева о культе личности, согласился с мнением Н. С. Хрущева. В этом нашла свое отражение позиция здравомыслящих людей Китая. Приверженец Мао Дэн Сяопин возразил против намерения Чжу Дэ тут же, на двадцатом съезде КПСС поддержать Н. С. Хрущева и его доклад, предложив сначала доложить о случившемся Мао Цзэдуну. Мао, конечно же, выступил против позиции Н. С. Хрущева.

Представляется, что требование Мао в 1954 году «передать ему» секреты создания атомной бомбы и выступление Мао в 1956 году за неизбежность мировой ядерной войны и за тоталитарный режим с неприкасаемым вождем нации во главе стали причиной расхождения

путей, по одному из которых пошли наш народ и наша страна, а по другому Китай пошел за Мао.

25 апреля 1956 года ПК ВСНП принял решение о том, как поступать с находящимися в заключении японскими военными преступниками.

Речь идет о том, что примерно через десять лет после окончания Второй мировой войны КНР амнистировала находившихся в тюремном заключении в Китае японских военных преступников. Возможно, Цзян Чанбинь считает необходимым сопоставить политику «прощения», которую проводил по отношению к Японии Китай, с политикой «наказания», которую проводил по отношению к пленным японским солдатам и офицерам Квантунской армии СССР. Это своеобразное продолжение линии на поиск того, что «объединяет» Китай и Японию при взгляде на отношения в «треугольнике» Россия — Китай — Япония на Дальнем Востоке в истории с конца девятнадцатого века и до настоящего времени.

С 15 апреля по 26 мая 1957 года Китай с визитом посетил председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов.

2 ноября 1957 года состоялся визит Мао Цзэдуна во главе делегации в СССР. Он присутствовал на совещании коммунистических и рабочих партий социалистических государств и на совещании 64 коммунистических и рабочих партий.

В 1957 году Мао Цзэдун во второй и в последний раз в истории посетил нашу страну.

Это определялось обстоятельствами того времени.

Наша страна с момента создания КНР в 1949 году уже на протяжении почти десяти лет оказывала Китаю огромную по масштабам и уникальную по качеству и искренности помощь.

Затягивание ответного визита с 1954 года, когда в Китае побывал Н. С. Хрущев, становилось совершенно не соответствовавшим уровню и характеру двусторонних отношений.

Начинало складываться впечатление, что Россия (СССР) и Китай (КНР) «идут в ногу», а Мао остается «в стороне». Сохраняя реноме, он был вынужден пойти на такой визит.

Решающую роль при этом сыграло согласие Н. С. Хрущева в 1957 году передать КНР секреты технологии производства ядерного оружия.

Н. С. Хрущев, продолжая линию на выполнение требований Мао, сделал и это. Невыполненным осталось только одно требование — «вернуть» Китаю Монголию.

Нужно также отметить, что Мао и в этих обстоятельствах проявил фактически неравноправное отношение к нашей стране. Он заявил, что является главой китайского государства, а в КНР в 1954 году приезжал «всего-навсего» председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

Таким образом, Мао снова повел себя высокомерно, подчеркнув, что у него «разные калибры» в 1950 году со Сталиным, а в 1957 году с Хрущевым. Своим поведением Мао оскорблял национальные чувства нашего народа и в 1950 году, и в 1957 году.

Мао потребовал, чтобы в КНР сначала приехал формально глава государства — председатель президиума Верховного Совета СССР Ворошилов. Поэтому и состоялся визит Ворошилова в Китай. По сути дела, Мао тем самым хотел унижить нашу страну и внушить населению Китая, что он способен заставить руководителей нашего государства дважды посетить Китай, добиваясь ответной поездки Мао в СССР.

Во время этого визита, который для рядовых китайцев приверженцы Мао представляли как визит того, кто «главнее» Хрущева, Ворошилову оказывались формальные почести.

В ходе обмена мнениями с Ворошиловым китайская сторона ставила его в положение того, кто якобы должен был «извиняться» за решения двадцатого съезда КПСС.

И это несмотря на то, что в 1956 году в КНР специально приезжал А. И. Микоян, который дал все разъяснения относительно решений двадцатого съезда КПСС. Кстати, об этом визите Цзян Чанбинь намеренно не упоминает, в очередной раз дезориентируя читателей в Китае.

В 1957 году Мао посетил нашу страну. На совещании коммунистических и рабочих партий он изложил свою мысль: «не надо бояться мировой атомной войны».

Эта позиция Мао была неприемлема для подавляющего большинства лидеров коммунистических и рабочих партий всего мира. Мао потерпел фиаско в своем желании оказаться фактически «во главе» и социалистических стран, и коммунистических и рабочих партий всего мира. Думается, что из этого Мао сделал вывод о необходимости смертельной борьбы против нашей страны и всех тех сил в мире, которые ее поддерживали.

С 31 июля по 3 августа 1958 года Хрущев посетил Китай. Китай отверг предложение советской стороны о строительстве объединенного флота и длинноволновой радиостанции.

Цзян Чанбинь, следуя логике Мао, выделяет события, которые должны, с его точки зрения, убеждать читателей в КНР, что наша сторона якобы стремилась нанести ущерб Китаю, лишить Китай суверенитета, прежде всего в области обороны, в военной области.

На самом деле все было не так. После того, как наша сторона сделала весьма существенный шаг, открыв Китаю двери в клуб ядерных государств, в нашей стране, вполне естественно, исходили из того, что теперь среди социалистических стран есть две страны, одна из которых уже обладала ядерным оружием, а другая в скором времени должна была обладать этим оружием.

Это означало, что во всемирном военном противостоянии сил социализма и капитализма СССР и КНР оказывались двумя ядерными державами, что предполагало максимальную степень их военного доверия друг к другу и их объединенных действий на мировой арене в противовес США и их союзникам.

Именно руководствуясь классовым подходом, который, с марксистской точки зрения, тогда представлялся общим для двух наших правящих партий и государств, с нашей стороны и было сделано предложение создавать объединенный военно-морской подводный флот для действий, скажем, в Тихом океане, а также радиостанцию для связи с подводными лодками этого объединенного флота.

Оказалось, что Мао смотрит на все это совсем с другой точки зрения. Для него упомянутого классового подхода в таком его понимании не существовало.

Он считал, что наша страна должна просто передать ему технологию создания ядерного оружия потому, что она должна считаться с желанием Китая быть во всем равным СССР, в том числе и в обладании ядерным оружием. По Мао это было восстановление или установление равноправия между СССР и КНР в этой области.

Далее, Мао исходил из того, что Китай настолько потенциально велик, что он не должен быть связан никаким союзом, тем более в военном плане, с СССР.

Мао был за то, чтобы союза между СССР и КНР на практике не существовало.

Мао проводил политику выдавливания нашей страны из Китая, полного разъединения наших двух наций, забвения в Китае нашей помощи и нашей дружбы к Китаю.

Поэтому, с его точки зрения, Китай должен был утвердить внутри КНР отношение к нашей стране как к тому, кто либо должен подчиниться воле Китая, либо должен был испытать на себе, что такое военное противостояние с Китаем.

Мао вел дело к военной конфронтации СССР и КНР. Армия КНР, с его точки зрения, должна была считать армию СССР враждебной армией и готовиться к войне против нашей страны.

Вот почему Мао интерпретировал наши предложения об объединенном флоте и о длинноволновой радиостанции как попытку с нашей стороны, дескать, подчинить себе Китай, как часть военной агрессии СССР против КНР.

Когда Н. С. Хрущев прилетел в 1958 году в Пекин, он впервые услышал речи Мао, суть которых была в том, что он-то исходит из взгляда на нашу страну как на якобы военного противника Китая, как на военную силу, которая якобы хотела подчинить себе Китай, завладеть его территорией. Использовать китайцев и их землю в эгоистических интересах только СССР как «господина над всем миром».

Сложилась парадоксальная ситуация. Мао получил от нас атомную бомбу, что было высшим проявлением доверия и искренности с нашей стороны, со стороны России (СССР) как нации, как страны и народа, и после этого фактически стал на практике относиться к нам как к потенциальному военному противнику. Вот что означала позиция Мао при встрече с Хрущевым в 1958 году в Пекине.

Можно высказать предположение следующего характера. Расчеты Мао в ряде случаев состояли в том, чтобы говорить одно, а на практике поступать по-другому.

Так, в КНР в те годы громко провозглашался призыв Мао «Мы непременно должны освободить Тайвань!». На самом деле Мао считал и говорил в выступлениях, предназначенных для руководителей КПК, что «лучше не освобождать Тайвань, чем освобождать Тайвань», так как положение, при котором Тайвань остается мишенью, против которой всегда можно направлять стрелы в политике, выгодно, с точки зрения его планов и расчетов.

Пожалуй, примерно то же самое произошло с вопросом об атомной бомбе.

Думается, что Мао считал, что Н. С. Хрущев никогда не согласится передать Китаю технологию производства атомной бомбы. Мао строил свои расчеты на том, чтобы в беседе с Н. С. Хрущевым потребовать у него бомбу, получить отказ, а затем на этом основании осуждать нашу страну за «неравноправное отношение» к Китаю.

Н. С. Хрущев и в этом случае превзошел Мао в уме. Он сначала отказал, а потом удовлетворил просьбу Мао, чем на время поставил его в затруднительное положение.

Думается также, что у Н. С. Хрущева при этом были основания для того, чтобы принять именно такие решения. Вероятно, он полагал, что Китай так или иначе все равно будет обладать атомным оружием. Поэтому было разумно, чтобы обладанием этим оружием Китай было обязан СССР. Это могло содействовать укреплению союзнических отношений между СССР и КНР.

Кроме того, Н. С. Хрущев, очевидно, рассчитывал, предоставив технологию создания атомной бомбы Китаю, оказать влияние на китайских военачальников, настроить их в пользу добрых отношений с нашей страной.

В реальной жизни Мао, получив от нас технологию производства ядерного оружия, через некоторое короткое время стал делать шаги с той целью, чтобы заставить нас отозвать свое согласие, чтобы снова получить возможность обвинять нас во всех грехах. Вот в чем заключалась в данном случае тактика Мао.

Попутно стоит, пожалуй, сказать, что Н. С. Хрущев к тому времени трижды удивил Мао, поступил не так, как рассчитывал Мао.

Мао думал, что в нашей стране никогда не будут критиковать Сталина, никогда не откажутся от мысли о фатальной неизбежности мировой ядерной войны, никогда не передадут КНР секреты технологии производства атомной бомбы.

(Попутно можно высказать мнение, что и Дэн Сяопин в 1991 году никак не ожидал, что в КПСС не применят вооруженные силы для расстрела демократически и свободолюбиво настроенных людей в Москве во время путча ГКЧП.)

Мао исходил в свое время из того, что руководство коммунистических партий внутри той или иной страны основано на максимальной концентрации власти в одних руках, то есть на самовластии или культе вождя.

Он исходил из того, что войны на Земле всегда были, есть и будут и что применение любого изобретенного оружия, в том числе и атомного оружия, дело естественное и допустимое; никакие человеческие жертвы Мао не останавливали.

Наконец, Мао был уверен в том, что наша страна так относится к Китаю, что никогда не согласится расстаться со своим единственным преимуществом — владением секретами производства ядерного оружия.

Вот важные части идеологии Мао. И по всем этим пунктам Н. С. Хрущев поступил не так, как рассчитывал Мао.

Важно и то, что во всех этих случаях Н. С. Хрущев, во-первых, не проявлял никакого неравноправия в отношениях с Китаем, никогда и ничего не навязывал Китаю, никогда не принижал своими действиями и высказываниями в то время Китай и Мао.

Важно и то, что действия Н. С. Хрущева отражали национальные интересы народа нашей страны. Они отражали и совпадение коренных интересов России и Китая. Мао же действовал против интересов нации Китая, против совпадения национальных интересов России и Китая. Вот в чем была разница между Н. С. Хрущевым и Мао.

С 14 января по 8 февраля 1959 года Чжоу Эньлай во главе делегации посетил СССР. 7 февраля Чжоу Эньлай в Москве с Хрущевым подписал соглашение о помощи в строительстве с 1959 по 1967 год 78 крупных промышленных предприятий и электростанций.

В июне 1959 года СССР в одностороннем порядке разорвал двустороннее китайско-советское соглашение о новой оборонной технике, отказался предоставить нашей стране образец и технологию производства.

Китайская сторона продолжала «выжимать» все возможное из нашей страны, пользуясь нашей искренней и всесторонней помощью. На этой волне продолжали подписываться соответствующие соглашения о строительстве в КНР промышленных объектов.

Внешняя политика КНР при правлении Мао имела ту особенность, что, с одной стороны, Мао допускал использование Китаем сил и средств нашей страны себе на пользу и, с другой стороны, одновременно осуществлял свой враждебный нашей стране и народу политический курс.

Этот курс складывался из обработки в пропагандистском плане, прежде всего, функционеров КПК, а затем и масс населения страны в духе вражды и ненависти к нам как к нации и в проявлении во внешней политике, при контактах на высшем и иных уровнях, враждебного отношения к нам.

В частности, стало совершенно очевидно, что Мао фактически отказался от обязательств быть с нами в военном союзе, которые вытекали из Договора между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанного 14 февраля 1950 года. Во время встреч с Н. С. Хрущевым Мао говорил с нами как с военным врагом Китая. Из этого, в частности, следовало, что именно в таком духе он «воспитывает» и вооруженные силы, и членов КПК, и население КНР.

Осмыслив ситуацию, политики в нашей стране пришли к выводу, что нужно по крайней мере сделать хоть что-нибудь, чтобы показать, что мы бы не хотели, чтобы у Мао с его идеей о неизбежности мировой ядерной войны было в руках атомное оружие.

Остановить процесс обретения Мао атомной бомбы было уже невозможно. Все секреты были переданы. Оставалась формальность: направление в КНР образца атомной бомбы.

Н. С. Хрущев пошел на то, чтобы не делать этот шаг. Он, конечно же, понимал, что это в еще большей степени будет использовано Мао в его пропаганде, обращенной против нас. В то же время он хотел показать другим людям и политическим силам в Китае и во всем мире, что в нашей стране не согласны с курсом Мао на неизбежную мировую ядерную войну. Идея мира могла объединять людей в нашей стране и разумную часть людей в Китае.

С 27 мая по 1 июня 1960 года Чжоу Эньлай, Чэнь И побывали с визитом в Монголии. Был заключен договор о дружбе и взаимной помощи.

Думается, что Н. С. Хрущев был политиком, который неоднократно действовал, исходя из своей политической интуиции.

Вот и в данном случае нельзя исключать того, что интуитивные решения Н. С. Хрущева оказывались на пользу совпадению наших двусторонних национальных интересов.

В конце 1959 года Лю Шаоци стал председателем КНР. Он сумел осуществить целый ряд разумных действий в области внешней политики. Одним из них и было заключение договора о дружбе и взаимной помощи между КНР и МНР, а также решение вопроса о границе между КНР и МНР.

16 июля 1960 года СССР разорвал подписанные Китаем и СССР соглашения и контракты, принял решение за месяц отозвать всех специалистов.

В то же время Лю Шаоци не имел возможности помешать Мао навязывать на практике КНР враждебный по отношению к нашей стране и народу курс, составной частью которого была линия на полное вытеснение наших людей из Китая. Мао создал нетерпимые условия для продолжения работы в КНР наших специалистов: им не давали работать в соответствии с техническими инструкциями, им навязывали призывы подняться на борьбу против находившейся тогда

у власти в нашей стране КПСС, называя ее партией «ревизионистов». Поэтому наша сторона была вынуждена возвратить на родину попавших во враждебное окружение, лишенных возможности продолжать оказание китайцам искренней и неоценимой помощи наших людей в Китае.

С 5 ноября по 10 декабря 1960 года Лю Шаоци во главе делегации по приглашению участвовал в мероприятиях по случаю 43-й годовщины Октябрьской революции в СССР и осуществил дружественный визит.

Несмотря на такую враждебную нашей стране и народу акцию Мао, как вытеснение из Китая наших специалистов, Лю Шаоци в конце того же 1960 года посетил нашу страну.

Во время этого визита состоялось единственное в истории выступление главы китайского государства, председателя КНР на массовом митинге на стадионе в Лужниках в Москве.

В своей речи Лю Шаоци заявил: «Наше сплочение — это жизнь! Наше сплочение — это сила! Наше сплочение — это победа!» Этот факт свидетельствовал о том, что КПК — это не монолит, что помимо Мао в Китае есть разумные люди, которые исходят из совпадения наших национальных интересов.

Думается, что и за это, то есть за то, что Лю Шаоци показал себя сторонником сплочения наших стран и народов, Мао бросил в тюрьму Лю Шаоци, подверг его пыткам и довел до смерти во время «культурной революции».

10 октября 1961 года премьер-министр Бирмы У Ну побывал с визитом в Китае. Был подписан протокол между правительствами двух государств о границе, а также опубликовано совместное коммюнике.

С 15 по 23 октября 1961 года Чжоу Эньлай во главе делегации присутствовал на XXII съезде КПСС.

В первой половине 1960-х годов Лю Шаоци удавалось удерживать наши двусторонние отношения на минимально вежливом уровне. В частности, межпартийные связи сохранялись в форме посещения съездов КПСС делегациями КПК.

В то же время Лю Шаоци продолжал там, где это оказывалось возможным, решать пограничные вопросы. Одни за другими были подписаны совместные документы по этому вопросу с Монголией и с Бирмой.

25 мая 1962 года СССР создал контрреволюционный мятеж в Или; отношения между Китаем и СССР всесторонне ухудшились.

На самом деле Мао последовательно ухудшал наши двусторонние отношения еще и потому, что, возбуждая вражду и ненависть к нашей стране и народу, он стремился дать выход недовольству, вырывавшемуся наружу в КНР в связи со страшными негативными последствиями курса Мао на «великий скачок», «народные коммуны». Мао довел страну до массового голода. От голода умерли десятки миллионов китайцев в мирное время. Мао и его пропаганда пытались говорить, что виной голода были якобы «стихийные или природные бедствия». Лю Шаоци тогда прямо сказал, что в этом голоде на тридцать процентов виноваты стихийные бедствия, а на семьдесят процентов — виноваты люди. Лю Шаоци имел в виду прежде всего Мао Цзэдуна и его политику.

Итак, в 1959–1961 годах жизнь в КНР для населения страны стала невыносимой. Особенно материально страдали жители такой окраины Китая, как СУАР. К тому же коренные обитатели этого района испытывали на себе неравноправное отношение к ним ханьцев. Наконец, у многих жителей СУАР были родственники в нашей стране. Люди хотели поддерживать семейные связи, чему противились на практике власти КНР. За всем этим стояло и недоверие Мао к неханьскому населению Синьцзяна. Он видел в этих людях «пятую колонну» СССР.

Оказавшись в такой ситуации, особенно переживая голод и материальные лишения, явившиеся, как уже упоминалось, следствием политики Мао — политики «великого скачка» и «народных коммун», люди массами стали уходить через границу в нашу страну. В общей сложности ушли более 60 тысяч человек.

Пропаганда Мао попыталась представить это как действия, якобы инспирированные нашей стороной. Однако комиссия, созданная, очевидно, под влиянием Лю Шаоци центральными властями КНР, во главе которой были первый секретарь комитета КПК СУАР Ван Эньмао и министр общественной безопасности, начальник генерального штаба НОАК Ло Жуйцин, изучив все обстоятельства, пришла к выводу, что наша сторона не имела отношения к действиям масс населения Синьцзяна. Комиссия внесла предложение создать по китайскую сторону советско-китайской границы двадцатикилометровую (по ширине) безлюдную зону, чтобы предотвратить повторение этих событий.

В ноябре 1962 года произошла война на границе между Китаем и Индией; СССР поддержал Индию.

Мао допускал разумные действия Лю Шаоци во взаимоотношениях с такими государствами, как Бирма и МНР, или не имел возможности им противодействовать.

Однако он сосредоточился на главном, с его точки зрения, на изменении характера отношений Китая с нашей страной и с Индией.

Здесь Мао стремился настроить массы населения Китая в поддержку его политики и его власти. Он делал это на волне пропаганды утверждения, что наша страна и Индия якобы являются военными врагами Китая, что войны против них неизбежны, что Китаю с их стороны грозит «агрессия», что они, дескать, не желают «возвращать» Китаю его «исконно законные» территории.

Мао при этом имел и такую цель, как демонстрация США своей реальной вражды к нашей стране и к Индии, абсолютное отсутствие какой бы то ни было возможности объединения усилий Китая с этими странами в противостоянии того времени с США.

По всем этим причинам Мао и организовал, спровоцировал военные действия в 1962 году на границе между КНР и Индией.

Наша сторона заняла позицию нейтралитета, призывая прекратить военные действия. Это было истолковано пропагандой Мао как показатель враждебности нашей страны к Китаю. Собственно говоря, и в этом случае на первый план, по сути дела, выходила такая цель Мао, как в военном плане противопоставить наши страны, исключить союзнические отношения из наших двусторонних отношений, осуществлять в Китае политику подготовки войны против нашей страны.

С 25 по 27 декабря 1962 года председатель Совета Министров Монголии Цеденбал побывал в Китае; был подписан договор о границе между Китаем и Монголией.

В 1962 году Лю Шаоци удалось довести дело до подписания договора о границе между КНР и МНР.

Мао был вынужден согласиться с этим, чтобы, так сказать, «успокоить» Лю Шаоци, да и ввести его в заблуждение относительно своих дальнейших планов, предусматривавших объявление Лю Шаоци «предателем нации» Китая.

Думается, что Мао мог также играть и на пропаганде мысли о том, что есть ряд стран, которые «идут» на соглашения с Китаем по границе, а вот наша страна, да и Индия, этого, дескать, не делают.

8 марта 1963 года «Жэньминь жибао» опубликовала редакционную статью, в которой впервые был выдвинут вопрос о неравноправных исторических договорах.

8 марта 1963 года — важная веха в истории наших двусторонних отношений. Ясно, что в соответствии с установкой Мао впервые в центральном печатном органе КПК, в газете «Жэньминь жибао», был выдвинут вопрос о существовании так называемых «неравноправных» договоров, имея в виду прежде всего договоры о границе между нашими странами.

Таким образом, история вопроса о «неравноправных» договорах в толковании Мао насчитывает к настоящему времени уже почти полвека.

Китайская сторона подтверждала неизменность этой своей позиции в заявлении Дэн Сяопина в его монологе при встрече с М. С. Горбачевым в 1989 году, и в документе МИД КНР от 8 октября 1969 года, и в своей пропаганде, прежде всего в учебниках истории для всех китайских школьников, вплоть до настоящего времени.

Вопрос о «неравноправных» договорах — это, может быть, один из тех главных рычагов, с помощью которых Мао попытался разделить навсегда наши страны и народы.

Это — увековечение вопроса о том, что наша страна якобы «захватила» земли Китая, не желает признавать того, что она это сделала, то есть не желает дать возможность торжествовать «справедливости» во взаимоотношениях России и Китая как наций на мировой арене.

В этом главная опасность такой постановки вопроса и того, что и нынешнее руководство ЦК КПК стоит на этой позиции, выдвинутой Мао и подтвержденной Дэном.

16 сентября 1963 года министерство иностранных дел Китая направило ноту посольству СССР в Китае с резким протестом против нарушения Советским Союзом соглашения о международном пассажирском сообщении.

В 1960-х годах официальные власти КНР, используя разного рода надуманные предлоги, стали пытаться формировать в сознании жителей Китая устойчивое представление о ненормальном характере наших двусторонних отношений, внушая, что это, дескать, наша сторона обостряет отношения. На самом деле все обстояло наоборот.

С 23 февраля по 14 августа 1964 года Китай и СССР провели первые переговоры о границе. Стороны обменялись картами границы в масштабе 1 к 10 000; на уровне рабочих групп достигли единства относительно большей части линии границы между Китаем и СССР, однако в целом не достигли результата.

Мао руководствовался чувствами национального предубеждения по отношению к нашей стране и к нашему народу. Эти чувства владела Мао. Для него они не нуждались ни в каких рациональных объяснениях.

Наоборот, вначале были чувства, эмоции. Потом Мао искал и, естественно, находил у нашей стороны то, что он считал необходимым осуждать.

Мао решил, что самым действенным способом разделения навечно наших стран и народов может стать «квартирный вопрос» мировых масштабов, то есть вопрос о принадлежности территорий, «земель для проживания».

Мао решил объявить Нерчинский договор 1689 года единственным равноправным договором в наших взаимоотношениях. Он не желал принять во внимание насильственный для Русского государства характер заключения этого договора, то есть того, что этот договор был навязан нашей стороне под угрозой военной силы.

Мао считал правильным и справедливым отнять у нашей страны территории, которыми она к моменту подписания Нерчинского договора владела уже на протяжении 40 лет.

Захват наших земель был, с точки зрения Мао, единственно равноправным и справедливым актом.

Когда же Россия вернула свои земли, когда во второй половине девятнадцатого века и в начале двадцатого века обеими сторонами были подписаны договоры и другие документы о пограничном размежевании, то Мао не пожелал считаться с тем, что подписи под ними поставили обе стороны, и объявил эти договоры и документы «неравноправными».

С помощью этого утверждения Мао глубоко внедрил «занозу», которая, по его расчетам, будет вечно вызывать боль и осложнять наши отношения.

Все это понадобилось Мао и для того, чтобы перевернуть в сознании китайцев представление о нашей стране и народе.

Жизнь в двадцатом веке сложилась так, что мы реально единственные в мире помогли китайцам и в 1920-х, и в 1930-х, и в 1940-х, и в 1950-х годах.

Мао попытался стереть память о нашем искреннем дружественном отношении к Китаю, о нашей помощи Китаю.

Вместо этого он внушал населению Китая, что Россия и русские, дескать, всегда «неравноправно» относились к Китаю, «отняли» исконные китайские земли. Да еще и спровоцировали Монголию на отделение от Китая.

Так возникло то, что Мао именовал «счетом по реестру» якобы «захваченных» нашей страной у Китая земель.

Мао поэтому и говорил о том, что счет по этому реестру еще не предъявлен. О том же сказал Дэн в 1989 году.

Принимая все это во внимание, можно себе представить, что логичной, с точки зрения Мао, была и позиция китайской стороны на пограничных консультациях 1964 года.

Думается, что согласие пойти на такого рода консультации возникло в Китае благодаря Лю Шаоци, который стремился решить все пограничные вопросы Китая с соседними странами.

Мао попытался в максимальной степени использовать возможности, которые были предоставлены началом пограничных консультаций 1964 года.

Мао выдвинул к нашей стороне требования «признать» «неравноправный» характер договоров о границе, подчеркнув, что наша страна, дескать, «отняла» у Китая полтора миллиона квадратных километров.

Лю Шаоци сумел, наряду с позицией Мао, внести и свои предложения. Они состояли в том, чтобы обменяться картами с нанесенной на них линией границы и совместно определить линию прохождения границы при том условии, что она на речных участках будет проводиться не так, как это предусмотрено договором, то есть по китайскому берегу, а по середине главного фарватера на судоходных реках.

Н. С. Хрущев понял разумность предложения Лю Шаоци.

Во взаимоотношениях с Китаем нашей стране приходится находить возможные компромиссные решения.

Таким решением и было то, что можно назвать «договоренностью Хрущева — Лю Шаоци» от 1964 года.

Суть этой договоренности была в принятии Хрущевым предложения Лю Шаоци.

Сторонам удалось тогда же пройти по карте и совместно определить линию прохождения границы, за исключением островов у Хабаровска.

Мао не допустил официального соглашения по этому вопросу, обнародовав на весь мир в беседе с японской делегацией свое мне-

ние, состоявшее в том, что Китай еще не предъявлял, дескать, счет по реестру якобы «захваченных» нашей страной территорий. При этом Мао говорил о землях к востоку от озера Байкал и до Тихого океана.

Фактически это означало ультимативное условие, только приняв которое оказывалось возможным действительно решить пограничные вопросы. Мао сделал, как он полагал, хитрый ход: китайская сторона заявила, что она «не требует возвращения территорий», но требует «признания неравноправного характера договоров».

Наша сторона согласиться с этим не может, потому что в этом случае нам придется жить в ожидании предъявления Китаем в любой момент счета по реестру территорий, о котором говорил Мао.

Если подходить к делу разумно, спокойно и с целью достижения компромисса, то надо отделить вопрос о трактовке характера договоров каждой стороной в отдельности для своих внутренних целей от вопроса о состоянии и перспективах межгосударственных отношений. В межгосударственных отношениях вопроса о характере договоров быть не должно; он не должен их осложнять.

Было бы разумно вместо всех нынешних договоров о границе подписать новый общий договор о границе, исходя из определенной и демаркированной ныне линии прохождения границы на всем ее протяжении.

В договоре 2001 года было сказано, что обе стороны с удовлетворением констатируют отсутствие взаимных территориальных претензий.

Однако на практике и после подписания этого договора китайская сторона требовала передать ей все острова под Хабаровском. Следовательно, с точки зрения китайской стороны, термин «претензии» должен относиться только к позиции нашей стороны. При таких обстоятельствах мы пошли на компромисс по островам у Хабаровска потому, что в наших национальных интересах иметь с Китаем хотя бы линию прохождения границы, с которой согласны обе стороны.

Вопрос о характере договоров о границе, «о справедливости и о неравноправии» в толковании Мао и его сторонников, продолжает висеть над нынешней картиной наших отношений и представлять собой угрозу нашей стране и народу.

Необходимо сказать о том, что практически последним внешнеполитическим решением Н. С. Хрущева на посту руководителя КПСС и СССР было принятие им предложения Лю Шаоци, позволявшего обеим сторонам совместно определить линию прохождения

границы между нами и создававшего возможность решения на практике вопроса о линии прохождения границы.

Так, накануне отстранения от власти Н. С. Хрущев сделал четвертый неожиданный для Мао шаг: согласился с принципом определения прохождения линии границы на речных участках по главному фарватеру судоходных рек и по середине несудоходных рек.

Этот принцип лег в основу соглашений о прохождении линии границы между нами в 1991, 1994 и в 2004 годах.

Мао никак не ожидал, что наша сторона и в этом вопросе пойдет навстречу пожеланиям китайской стороны и согласится отойти от положений договоров о границе между Россией и Китаем.

Так Н. С. Хрущев по крайней мере четыре раза принимал разумные решения в пользу совпадения национальных интересов России и Китая и оказывался «на голову» выше Мао в подходе к вопросу о согласовании позиций двух наших сторон.

18 октября 1964 года был произведен первый успешный взрыв атомной бомбы Китая.

В КНР полагают, что наши двусторонние отношения приобрели новый характер после того, как у КНР появилось ядерное оружие.

Думается, что это обстоятельство при рациональном взгляде на отношения наших стран должно только побуждать обе стороны в еще большей степени заботиться о том, чтобы принцип вечного мира в двусторонних отношениях был самым первым и самым главным.

С 5 по 14 ноября 1964 года Чжоу Эньлай во главе делегации принимал участие в торжествах по случаю 47-й годовщины Октябрьской революции в СССР.

Этот факт заслуживает проникновения в его содержание и более пространных объяснений.

В октябре 1964 года от власти в КПСС и в СССР был отстранен Н. С. Хрущев.

В своей политике в отношении Китая Н. С. Хрущев прошел путь прозрений и принятия важных решений.

Когда Н. С. Хрущев пришел к власти, то он думал, что Сталин «не сошелся характерами» с Мао и поэтому допустил ошибки и оставил в наследство ряд проблем, которые можно снять и, таким образом, открыть путь к продвижению по широкой и гладкой дороге осуществления того, что полезно для обеих стран.

Н. С. Хрущев исходил при этом из того мнения, что нужно удовлетворить некие личные амбиции Мао. Он не хотел принимать во внимание того, что для обвинений в адрес Сталина и нашей страны у Мао не было никаких оснований.

Н. С. Хрущев слышал, что Мао недоволен существованием смешанных советско-китайских компаний. Поэтому он передал советскую часть этих компаний китайской стороне. (Попутно можно вспомнить, что эти компании были созданы по инициативе и в соответствии с пожеланием ЦК КПК.)

Н. С. Хрущев слышал, что Мао недоволен тем, что наши войска находились в Порт-Артуре. Поэтому он принял решение о выводе наших войск из Порт-Артура. (Попутно можно вспомнить, что наша сторона предлагала вывести войска из Порт-Артура, и они оставались там по просьбе и в соответствии с пожеланием китайской стороны.)

После этого Н. С. Хрущев полагал, что он устранил «ошибки» Сталина и теперь у Мао нет оснований быть недовольным нашей страной и ее политикой в отношении Китая.

Оказалось, что в ответ Мао предъявил новые требования: «отдать» Монголию и «передать» секрет производства атомной бомбы.

И то, и другое требование были неожиданными для Н. С. Хрущева.

Все это произошло во время первой поездки Н. С. Хрущева в КНР в 1954 году. Тогда Мао также показал, что, с его точки зрения, к Н. С. Хрущеву можно и должно относиться бесцеремонно. В Пекине в те дни открылась Выставка достижений экономического и культурного строительства в СССР. Н. С. Хрущев оказался «главным хозяином» на этой церемонии. На нее прибыли все высокие руководители КНР, кроме Мао. Мао продемонстрировал тем самым, что он не желает оказаться «в гостях» у себя в стране.

Мао также, очевидно, поступил таким образом как бы «в отместку» нашей стране и Сталину.

Мао в пропаганде создавал впечатление, что это не он, а Сталин «холодно» отнесся к партнеру во время встречи в Москве.

На самом деле тогда, в 1949–1950 годах это Мао вел себя бесцеремонно при общении со Сталиным. Сталину тогда пришлось проявить выдержку и не сорваться в ответ на неуважительные высказывания Мао. В частности, на его заявление о том, что «калибр» у Сталина «меньше», чем у Мао. Можно также вспомнить о том, что Мао не сдержал слова, которое он дал Сталину: вместе продемонстрировать США единство взглядов и позиций СССР и КНР.

В 1954 году Мао в ходе бесед с Н. С. Хрущевым делал упор на том, что китайцы, дескать, всегда ассимилировали всех, с кем им пришлось встречаться на своем пути. Это насторожило Н. С. Хрущева. Именно об этом он рассказал членам политбюро ЦК КПСС по возвращении из этой поездки в КНР.

В 1956 году Н. С. Хрущев выдвинул два новых положения: открыл возможность критиковать культ личности в партии и в стране и стал утверждать, что фатальной неизбежности мировой ядерной войны не существует.

С точки зрения Мао, Н. С. Хрущев, таким образом, отходил от фундаментальных основ, позволявших коммунистическим партиям находиться у власти и вести борьбу против классового врага на мировой арене.

С точки зрения Мао, внутри страны культ личности был необходим (варианты: необходимость «твердой власти», «жесткой руки», а далее «авторитаризма» и т. п.).

С точки зрения Мао, на мировой арене должно вести классовую борьбу не на жизнь, а на смерть, а это предполагает применение любого оружия в борьбе против классового врага, которым можно объявить и империализм, и ревизионистов.

Таким образом, Н. С. Хрущев был прав и в политике внутри страны, там, где речь шла о критике культа личности, и в политике на мировой арене, там, где речь шла о войне, в том числе о мировой войне.

Мао распространял идею «тоталитарного правления» на весь мир, а идею атомной войны на отношение к любой, в том числе и к социалистической, стране, если она не нравилась Мао.

И вот Н. С. Хрущева по внутренним причинам в нашей стране не стало на посту руководителя КПСС и СССР.

Вместо него пришел Л. И. Брежнев. Он фактически предложил Мао начать отношения как бы с самого начала и на равных, то есть без предъявления ультимативных условий.

Руководству ЦК КПК было передано приглашение направить делегацию в Москву для обмена мнениями.

Думается, что Мао не был склонен принять это приглашение. Однако Лю Шаоци был в большинстве. Решение о направлении делегации было принято. Во главе делегации Мао поставил своего приверженца Чжоу Эньлая.

В Москве Чжоу Эньлай спровоцировал крах переговоров. Выражая взгляды Мао, он предъявил ультиматум: КПСС должна отказаться от решений съездов партии начиная с двадцатого съезда, то

есть и от критики культа личности, и от тезиса о том, что не существует фатальной неизбежности мировой ядерной войны.

Наша сторона не могла принять ультиматум и сдаться Мао Цзэ-дуну: повернуть вспять, снова сделать из Сталина объект поклонения и снова объявить о том, что мировая атомная война является неизбежной. При этом еще и открыто заявить, что Мао во всем прав и отныне следует идти вперед, руководствуясь его «идеями» и указаниями.

Министр обороны СССР маршал Малиновский в частном разговоре предложил заместителю руководителя делегации КПК маршалу Хэ Луну следующее: мы сняли нашего первого руководителя, снимите и вы вашего, и тогда все станет хорошо.

Думается, что нельзя исключать того, что это был шаг, согласованный с Л. И. Брежневым. Иными словами, наша сторона предлагала с уходом Н. С. Хрущева воспользоваться ситуацией, устранить то, что многие считали частными причинами появления разногласий в отношениях, то есть личную неприязнь друг к другу Мао и Н. С. Хрущева, оставить прошлое в покое, сделать вид, что теперь нет никаких разногласий между двумя крупными социалистическими странами.

Чжоу Эньлай, действуя в соответствии с линией Мао, использовал этот случай, чтобы разыграть возмущение словами Р. Я. Малиновского. Л. И. Брежнев принес извинения. На этом инцидент был исчерпан.

Попутно представляется важным обратить внимание на то, что когда делегация во главе с Чжоу Эньлаем была в Москве, на прием по случаю годовщины событий октября 1917 года в посольство СССР в КНР пришли Лю Шаоци и другие китайские руководители. Лю Шаоци сказал советскому послу, что все политбюро ЦК КПК в этот день находится «вместе с вами»: одни здесь в посольстве, другие — в Москве. (Лю Шаоци оставил за пределами руководства Мао, которого не было ни там, ни там.) Кроме того, Лю Шаоци сказал, что наши противоречия являются классовыми противоречиями.

Таким образом, открывалась возможность и при «классовых противоречиях» «быть вместе», наладить отношения. Однако Чжоу Эньлай выполнил волю Мао и сорвал переговоры. Прежде всего ультимативным требованием «отменить» решения съездов КПСС и дополнительно к этому «осуждением» «поступка» Р. Я. Малиновского.

13 мая 1965 года правительство Китая заявило, что оно уже определило линию границы с Бирмой, Непалом, Монголией, Пакиста-

ном, Афганистаном и заключило договоры или соглашения о границе; карты Китая составляются в общем порядке в соответствии с договорами, соглашениями.

Китайский автор не пишет о последней встрече руководителей наших двух стран при жизни Мао. В феврале 1965 года председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин побывал в Пекине и беседовал с Мао Цзэдуном. Несмотря на все усилия А. Н. Косыгина, который думал, что с Мао можно договориться, из этого ничего не вышло. Точек соприкосновения не нашлось. Мао заявил, что он намерен продолжать конфронтацию с нашей страной на протяжении десяти — минимум девяти тысяч лет.

В беседе с А. Н. Косыгиным Мао вел себя так же, как и в беседах со Сталиным и Хрущевым в том смысле, что пытался вывести собеседников из себя, фактически унижая и оскорбляя и их, и нашу страну.

В данном случае Мао позволил себе сказать, что на прошлой неделе он не принял какого-то английского министра, а вот вас, то есть А. Н. Косыгина, «я принимаю».

А. Н. Косыгин во время пребывания тогда в Пекине через Чжоу Эньлая предложил совместно оказывать военную помощь Вьетнаму. Китайская сторона отвергла это предложение.

В то же время 1965 год и начало 1966 года были последними годами пребывания у власти в КНР в качестве председателя республики Лю Шаоци.

Ему удалось довести до конца дело налаживания отношений с рядом соседних стран и подписания соответствующих договоров.

К сожалению, позиция Мао не позволила Лю Шаоци добиться успеха в пограничных переговорах с нашей страной.

19 сентября 1965 года армия Индии на западном участке границы между Китаем и Индией спровоцировала вооруженное столкновение; наша сторона предприняла ответный удар в целях самообороны.

Цзян Чанбинь внушает читателям в Китае, что у Китая в то время якобы были «два врага». Так вводится мысль о том, что наша страна и Индия сами вели себя так на границе, что это потребовало от китайской стороны нанесения «ответного удара в целях самообороны».

Войну, начатую Мао на границе с нашей страной, Цзян Чанбинь пытается представить как ответные действия.

Одновременно важно подчеркнуть, что Мао готовил КНР к войне против нашей страны. Он вел дело к нападению на нашу страну. Его целью на том этапе было внушить китайцам, что наша страна — это не только не друг Китая, но и военный враг Китая.

В начале 1966 года Лю Шаоци еще занимал пост председателя КНР. Посол СССР в КНР С. Г. Лапин, используя возможность встретиться с Лю Шаоци на протокольном мероприятии, сказал Лю Шаоци, что у него есть письмо с приглашением делегации ЦК КПК на очередной съезд КПСС. Лю Шаоци ответил: «Передайте мне это письмо».

Известно, что при обсуждении этого вопроса на заседании политбюро ЦК КПК Мао высказался против направления такой делегации. Он разрывал все связи с нашей страной; в данном случае это означало разрыв межпартийных связей между КПСС и КПК. До этого он выдал из Китая наших специалистов. Мао готовил войну против нашей страны.

3 февраля 1966 года советские головорезы совершили налет на наше посольство в СССР.

Цзян Чанбинь здесь заговорил предельно оскорбительным и грубым языком приверженцев Мао, согласных с осуществлением его замыслов.

Из высказываний руководителя центра стратегических исследований Центральной партийной школы ЦК КПК следует, что сегодня, в двадцать первом веке, население КНР обучают тому, чтобы считать людей нашей страны, протестовавших в Москве против враждебного нашей стране и народу политического курса Мао, людей, находившихся на улице около посольства КНР в Москве и не входивших за ограду посольства, «головорезами».

Очевидно, что это делается для того, чтобы побуждать современные поколения китайцев оправдывать враждебные действия Мао в отношении нашей страны и народа. Обман людей в КНР продолжается. Вражда к нашим людям и нашей стране пропагандой КПК поддерживается.

Из этого следует, что, с точки зрения современных руководителей КПК, уже в начале 1966 года следовало применять термин «советские головорезы». Повторим, что на самом деле, конечно же, никогда никаких «налетов» на посольство КНР в нашей стране не совершали.

В 1966 году китайская сторона, приверженцы Мао, очевидно во исполнение «идей» и указаний Мао, вели себя в отношении наших людей в Китае, в частности работников посольства, так, что это представляло собой угрозу их жизни. В нашей стране ответные действия выливались в форму протеста на улице перед посольством.

7 октября 1966 года СССР изгнал всех китайских студентов.

22 октября 1966 года наше министерство иностранных дел заявило решительный протест против того, что СССР силой выгнал всех наших студентов.

Китайские власти в соответствии с планами Мао, нацеленными на подготовку войны против нашей страны, отозвали всех китайских студентов из нашей страны и из государств Восточной Европы.

3 февраля 1967 года советские головорезы ворвались в наше посольство в СССР, повредили информационный стенд на ограде посольства, нанесли побои нашим дипломатам. 5 февраля наше правительство выступило с заявлением, высказав решительный протест.

Цзян Чанбинь повторяет термин «советские головорезы». Следовательно, это прием современной пропаганды в КНР начала двадцать первого века в отношении к нашей стране.

Здесь прямая ложь. Никто и никогда в посольство КНР не врвался. Это солдаты армии Мао во время «культурной революции» входили на территорию посольства СССР в Пекине и демонстрировали там свою ненависть и вражду к нашей стране и к нашим людям.

В Москве китайское посольство организовало поход китайских студентов, которых отзывали из государств Восточной Европы и которые проездом были в Москве, на Красную площадь. Понятно, что эти студенты знали, что их ждет на родине (политические подозрения), и старались доказывать свою «преданность председателю Мао».

Студенты вошли за ограду вокруг мавзолея. Остановились и стали громко и долго кричать лозунги, призывавшие к свержению тогдашней власти в нашей стране, и славить «председателя Мао».

Ими руководил первый секретарь посольства КНР Ван Цзиньцин, которого за это объявили у нас персоной нон грата, но в 1990-х годах впустили к нам в качестве посла КНР. (Попутно можно вспомнить, что в КНР тогда объявили персонами нон грата двух сотрудников нашего посольства, которые после этого, будучи специали-

стами по Китаю, никогда больше не работали в КНР.) А тогда китайские студенты и работники посольства КНР применили силу к нашим людям, которые стали их оттеснять от мавзолея на Красной площади в Москве.

10 февраля 1967 года наше министерство иностранных дел решительно протестовало против разрыва советской стороной в одностороннем порядке соглашения о безвизовом порядке для обоих государств и усугублении, таким образом, ухудшения отношений между двумя государствами.

Цзян Чанбинь заговорил языком Мао, без всяких на то оснований считавшего нашу страну военным врагом Китая и соответственно настраивавшим население КНР: «решительный протест», «разрыв советской стороной», «усугубление, таким образом, ухудшения отношений между двумя государствами».

В обстановке того времени с нашей стороны пришлось принимать меры, которые защищали нас от провокационных действий Мао и его приверженцев. Одной из таких мер была отмена безвизового порядка въезда в страну. Цзян Чанбинь в данном случае проявляет обычное отношение приверженцев Мао к взаимоотношениям с нашей страной: он пытается навязывать нашей стороне «новый порядок», при котором нам «дозволялось бы» что-то делать только после согласия с этим Мао Цзэдуна. Цзян Чанбинь вводит термин «разрыв» в соответствии с линией Мао на разделение двух наших народов и стран. Наконец, он говорит об «усугублении» «ухудшения» межгосударственных отношений.

По сути дела, Мао никогда не действовал в пользу улучшения наших двусторонних отношений. Он всегда враждебно относился и к нашему государству. Во времена Н. С. Хрущева Мао потребовал «отдать» ему секреты производства ядерного оружия. Это было ярким проявлением ухудшения самим Мао по его инициативе межгосударственных отношений между СССР и КНР. Таким образом, ответственность и вина и за «разрыв», и за «усугубление», и за «ухудшение» лежит целиком на Мао и его приверженцах.

К этому необходимо добавить следующее.

Выполняя волю Мао, его приверженцы создали нетерпимые условия и угрозу для жизни наших людей в Китае. Работники посольства и торгпредства СССР в КНР и их семьи оказались заперты, блокированы на территории посольства и торгпредства. За оградой бушевали сотни тысяч исполнителей воли Мао. Сотрудники репрес-

сивных органов Мао на грузовиках с битым кирпичом объезжали здания посольства и торгпредства и методично били стекла в окнах жилых домов, подвергая угрозе жизни детей и женщин. Территорию посольства и торгпредства «простреливали» пущенные на максимальную громкость громкоговорители. Детям и женщинам это не давало уснуть по ночам. Демонстранты у посольства призывали «повесить», «изжарить в масле» Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина; заявляли, что «долг крови придется платить кровью». Сотрудников посольства на улицах Пекина избивали, оскорбляли, мучили.

Власти Мао, по сути дела, лишили людей в посольстве и торгпредстве возможности нормально питаться, отрезали их от продовольственных магазинов, вынудили закрыть столовую, создали трудности при отоплении зданий в очень холодные зимние дни и ночи, отозвали китайский персонал, работавший в посольстве.

Все это создало такую обстановку, в которой наша сторона приняла решение вывезти из КНР жен и детей сотрудников советских учреждений.

На аэродроме приверженцы Мао и сотрудники специальных органов режима Мао, находившиеся в десятикратном численном преимуществе, издевались над безоружными людьми из нашего посольства и торгпредства. Схватили двоих, отделили от остальных и заставили часами стоять на виду у всех, оскорбляя их и применяя физическую силу.

Выезд членов семей сотрудников посольства и торгпредства из Пекина был вынужден действиями сторонников Мао. Очевидно, что он продолжал свой курс на разъединение наших народов. Сначала Мао выдавил из КНР тех русских людей, которые находились там в связи с работой КВЖД. Потом выдавил наших специалистов, помогавших создавать основу промышленности Китая. Наконец выдавил членов семей сотрудников наших учреждений в КНР.

Обо всем об этом Цзян Чанбинь не упоминает.

10 апреля 1968 года СССР изгнал группу специалистов Китая, находившихся в СССР; наше министерство иностранных дел заявило решительный протест.

Несмотря на то, что Мао и его приверженцы крайне враждебно относились к нашей стране и народу, мы вплоть до 1968 года продолжали предоставлять возможность для специалистов из КНР работать в Дубне, то есть продолжать получать материалы, рассказывавшие о новых разработках в области исследования атома. Мы до по-

следней возможности показывали на деле, что с нашей стороны нет никаких намерений отвечать враждебно на действия Мао, относившегося к нам как к военному врагу, готовившему войну против нас.

Действия Мао и его сторонников в конце концов заставили нас прекратить эту работу.

23 августа 1968 года Китай протестовал против вторжения СССР в Чехию.

Цзян Чанбинь указывает на это обстоятельство в соответствии с линией Мао на то, чтобы внушать населению Китая, что между нашей страной и государствами Восточной Европы существовали всегда (и в досоветское, и в советское время) непримиримые противоречия, а Мао и его сторонники, дескать, также всегда были на стороне государств Восточной Европы в их борьбе «за независимость» против нашей страны.

Для Мао речь тут шла не о движении народов этих стран в пользу демократии, а о непримиримой борьбе наций этих стран против России как нации. Стратегия Мао состояла в том, чтобы создавать и углублять в максимальной степени противоречия между Россией как нацией и Китаем, а также всеми другими странами как нациями.

Иными словами, вражда Мао к нашей стране была в конечном счете национальной враждой, враждой нации к нации, а не только враждой того или иного государства, или политической партии, или идеологии. Вражда во всех этих видах включалась им в общее понятие борьбы Китая как нации, других государств, как наций против нашей страны как нации.

2 марта 1969 года армия СССР вторглась на наш остров Чжэньбаодао, создала кровопролитный инцидент.

Цзян Чанбинь употребил термин «армия СССР» и применительно к началу Мао пограничной войны против нас на острове Даманском, к первым выстрелам находившихся в засаде солдат Мао по нашим безоружным пограничным представителям. Здесь сквозит радость и Мао, и вслед за ним таких, как Цзян Чанбинь, от того, что удалось начать стрелять на поражение в нас как во врагов.

Цзян Чанбинь считается в КНР самым крупным специалистом по пограничным вопросам в истории наших двусторонних отношений. Он не может не знать, что в соответствии и с Пекинским дополнительным договором, и с приложенной к нему картой, и с красной

чертой на этой карте, и в связи с тем фактом, что пограничный знак, обозначенный литерой «Е», стоял на китайском берегу протоки Казакевича, острова на пограничных реках, в том числе и остров Даманский, безусловно, принадлежали в договорно-правовом смысле России.

Поэтому вторгались на этот остров в марте 1969 года солдаты армии Мао. Кровь первыми пролили солдаты Мао. Ответственность за это несет Мао и исполнители его воли.

24 мая 1969 года правительство Китая выступило с заявлением по вопросу о границе между Китаем и СССР.

7 июня 1969 года на границе между Китаем и СССР продолжал возникать целый ряд инцидентов.

8 июля 1969 года армия СССР вторглась в район острова Бачадао на реке Хэйлунцзян.

Мао начал то, что Чжоу Эньлай, разъясняя ситуацию для США и других государств, назвал «пограничной войной» против СССР, причем Чжоу Эньлай тогда заявил, что «пограничная война» против нашей страны начнется, дескать, раньше, чем война КНР с США.

Мао начал ее накануне очередного съезда КПК, на котором Мао хотел закрепить в решении этого партийного форума свое «возвращение» во власть «со второй линии», куда он был вынужден отступить в 1959 году.

Мао хотел соединить свое формальное возвращение во власть в сознании китайцев с войной против нашей страны. Мао хотел пролитой кровью разделить наши страны и народы.

Еще одной целью Мао было максимально долго продолжать «пограничную войну» против нас, чтобы убедить США в том, что Китай Мао находится в состоянии непримиримой вражды к нашей стране. Поэтому были и заявление правительства КНР, и новые наскоки на нашу границу летом 1969 года.

С нашей стороны все это время следовали один за другим шаги с целью добиться прекращения стрельбы и начала переговоров между двумя государствами.

А. Н. Косыгин в марте 1969 года попытался дозвониться до Чжоу Эньлая, но получил оскорбительный отказ: «Мы с ревизионистами не разговариваем».

Москва продолжала предлагать встречу глав правительств, но Мао тянул с ответом до сентября 1969 года.

13 августа 1969 года СССР пустил в ход самолеты, танки, бронемашину и вторгся в район Теректы в Синьцзяне, возник кровопролитный инцидент; 20 августа наше правительство заявило решительный протест против целого ряда провокаций армии СССР на границе между Китаем и СССР.

Мао и его сторонники, в данном случае Цзян Чаньбинь, громоздят ложь на ложь. На самом деле в районе Жаланашколь на западном участке границы солдаты Мао, выполняя его планы, перешли границу, заняли близлежащую высотку и окопались. Мао рассчитывал, что у него есть время, так как, с его точки зрения, нашим военачальникам надо было доложить о случившемся политбюро ЦК КПСС и ждать его решения.

На практике получилось иначе. Пограничники уведомили о случившемся командира полка нашей армии, дислоцированного неподалеку. Отправив донесение начальству, этот командир полка отдал приказ, и его бойцы на бронетранспортерах обошли высотку и уничтожили десятки вторгшихся солдат Мао.

Думается, что это и оказался тот язык, который понимают Мао и его приверженцы. Из этого Мао сделал вывод о том, что в нашей стране дано разрешение стрелять по вторгшимся солдатам Мао, не ожидая дополнительно решения Москвы. Поэтому трупы своих солдат китайская сторона забрала молча и без протестов. Более того, на этом прекратились нарушения солдатами Мао нашей границы.

11 сентября 1969 года Чжоу Эньлай на аэродроме в Пекине встретился с председателем Совета Министров СССР Косыгиным; стороны провели откровенную беседу, в том числе и по вопросу о границе.

К этому времени Мао добился некоторых своих целей.

Внутри КНР ему удалось настроить большую часть населения Китая на отношение к нашей стране и народу как к военному врагу, война против которого «естественна».

В США поняли, что Мао разделил наши две страны глубокими противоречиями, и приняли решение идти к взаимопониманию с Мао.

В этой обстановке Мао, считая, что свою военную враждебность к нашей стране он уже доказал, решил, что теперь он может вступить с нами в нескончаемые переговоры, показывая тем самым США, что «в случае чего» он может и «договориться» снова с нашей страной.

Вот чем объяснялось согласие Мао на встречу А. Н. Косыгина с Чжоу Эньлаем в сентябре 1969 года. Встреча была организована Чжоу Эньлаем, который продолжил линию оскорбительного отношения к нам при Сталине и Хрущеве, не в городе Пекине, а на пекинском аэродроме, недалеко от туалета.

После встречи китайская сторона, как это неоднократно бывало, нарушила свое слово, сначала согласилась опубликовать согласованный текст коммюнике об этой встрече, а затем без согласования с нами изменила согласованный текст. Мао изменил текст, убрав намек на благоприятные результаты встречи. На самом деле стороны договорились начать переговоры в Пекине в октябре 1969 года.

25 сентября 1969 года Китай успешно осуществил первое ядерное испытание под землей.

7 октября 1969 года правительство Китая сделало заявление, выступив за решение пограничных споров по вопросу о границе между Китаем и СССР путем мирных переговоров.

Цзян Чанбинь последовательно пытается внушать своим читателям, что состояние наших двусторонних отношений определялось усилением военной мощи Китая: сначала обретением ядерного оружия, затем проведением ядерного испытания под землей. Думается, что и это отражает ход мыслей Мао, который был намерен добиться такого соотношения военных сил, при котором он или его последователи получили бы возможность заставить нашу страну выполнить их ультиматум.

Что же до заявления правительства КНР, то оно сопровождалось документом МИД КНР от 8 октября 1969 года. В заявлении речь, в частности, шла о мирных переговорах. В документе официально на уровне МИД КНР к нам предъявлялось требование «признать» «неравноправный» характер договоров о границе. Вплоть до настоящего времени это требование остается в силе.

20 октября 1969 года в Пекине проводились во второй раз переговоры о границе; из-за того, что советская сторона не признавала, что на границе существуют спорные районы, придерживалась линии фактического контроля, осуществляемого армией СССР, переговоры на протяжении длительного времени находились в тупике; в 1979 году из-за того, что армия СССР вторглась в Афганистан, переговоры были прерваны.

20 октября 1969 года в Пекине начались переговоры. С нашей точки зрения, было важно закрепить согласие обеих сторон прекратить огонь на границе, а затем обсуждать остальные, в том числе пограничные вопросы.

Формулировка Цзян Чанбиня «переговоры о границе» — это формулировка Мао и его сторонников. Ее суть в попытке навязать мнение о том, что границы, признанной обеими сторонами, якобы еще нет и только предстоит вести переговоры о будущей границе.

Наша сторона в то время никогда не признавала этой формулировки, исходя из того, что есть договоры о границе и есть граница, определенная этими договорами, что граница между нами существует.

Цзян Чанбинь пытается внушать своим читателям, что границы между нами не было, что стороны находились в состоянии военной конфронтации, что наша армия просто удерживала некую фактическую линию контроля над соответствующими территориями.

Иными словами, таким образом китайскому населению внушают, что и нынешние земли России, и граница — все это ожидало решения о принадлежности земель и о том, где будет проходить граница.

Китайская сторона была намерена навязать нам свое решение в соответствии с выдвинутым ею принципом «справедливости и рациональности». Пока этого не произошло, китайская сторона согласилась вести переговоры, настаивая на своей позиции.

Термины «справедливость» и «рациональность» требуют особого внимания, проникновения в суть того, как китайская сторона трактует и то, и другое, что это означает на практике.

Очевидно, что обсуждение этих вопросов еще впереди, так как китайская сторона и в двадцать первом веке продолжает говорить о «справедливости и рациональности», так и не разясняя, что она конкретно имеет в виду, что означает, с ее точки зрения, «справедливость» и «рациональность» применительно к тому, что в КНР именуют «вопросом о границе» между нашей страной и Китаем.

Трактовка Цзян Чанбиня, согласно которой пограничные переговоры были прерваны в 1979 году из-за ввода советских войск в Афганистан, направлена на то, чтобы ввести читателей в Китае в заблуждение.

Действительно, переговоры велись с 1969 года на протяжении ряда лет. Стороны не сходились во мнениях.

В 1976 году умер Мао. Спустя три года, в 1979 году, по настоянию Дэн Сяопина, продолжавшего курс Мао на вражду и ненависть к нашей стране и народу, ПК ВСНП принял решение не продлевать

срок действия Договора между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи, который истекал в 1980 году.

Таким образом, Дэну удалось настоять на таком решении. Однако оказалось, что в руководстве ЦК КПК нашлись люди, которые одновременно с навязанным Дэном решением прекратить действие упомянутого договора в текст ноты, направленной нашей стороне, внесли предложение начать переговоры о межгосударственных отношениях, причем без каких-либо предварительных условий. Это было поражение курса Мао и Дэна на вражду и ненависть к нашей стране и народу.

Такие переговоры состоялись в Москве. Мы еще на этом остановимся. Пока скажем, что стороны договорились провести их следующий раунд в Пекине, а также продолжать переговоры по пограничным вопросам отдельно от переговоров по межгосударственным отношениям. И это шло вразрез с курсом Мао и Дэна.

Однако Дэну удалось, сославшись на ввод советских войск в Афганистан, прервать на время и переговоры по вопросам отношений между государствами, и переговоры по пограничным вопросам.

19 апреля 1970 года Китай успешно запустил первый искусственный спутник.

3 марта 1971 года у нас успешно был запущен первый спутник для проведения научных исследований.

Цзян Чанбинь продолжает внушать читателям в Китае, что на состоянии наших двусторонних отношений сказывались достижения Китая в военной области.

На самом деле ядерный потенциал нашей страны был и остается таким, что это исключало и исключает при разумной политике возможность начала войны против нас со стороны КНР.

11 апреля 1971 года наше правительство через «пакистанский канал» передало устное послание США, выразив желание принять в Пекине для переговоров высокопоставленную американскую делегацию.

14 апреля 1971 года правительство Никсона ослабило торговые санкции против Китая, разрешило экспортировать в Китай то, что не имеет стратегического значения.

26 апреля 1971 года специальный комитет при президенте США предложил США изыскать пути прихода Китая в ООН.

19 мая 1971 года Китай получил устное послание Никсона; ответ состоял в том, что он направит Киссинджера с секретным визитом в Китай.

С 9 по 11 июля 1971 года помощник президента США по вопросам безопасности Киссинджер совершил секретный визит в Китай.

16 июля 1971 года было опубликовано «коммюнике о переговорах» во время визита Киссинджера в Китай.

2 августа 1971 года США официально поддержали восстановление места Китая в ООН.

20 августа 1971 года наше министерство иностранных дел выступило с заявлением, выразив решительный протест против попыток правительства Никсона создавать «два Китая».

25 октября 1971 года при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН о принятии Китая в ООН результат был следующим: 57 голосов за, 49 голосов против, 25 членов ООН воздержались.

29 октября 1971 года правительство Китая выступило с заявлением в связи с принятием на 26-й сессии ГА ООН решения о восстановлении места Китая в ООН и об изгнании из организации чанкайшистского блока. 1 ноября в ООН впервые был поднят флаг КНР.

С 21 по 28 февраля 1972 года президент Никсон совершил визит в Китай; стороны в Шанхае опубликовали совместное коммюнике.

С 19 по 24 июня 1972 года Киссинджер совершил визит в Китай; состоялись переговоры о нормализации отношений между государствами.

С 15 по 19 февраля 1973 года Киссинджер посетил Китай.

12 февраля 1973 года обе стороны, Китай и США, одновременно объявили об учреждении у партнера миссий связи.

В 1971–1973 годах наши двусторонние отношения продолжали находиться в одном и том же ненормальном состоянии. Главной причиной этого было то, что Мао продолжал проводить свой курс на отношение к нашей стране как к военному врагу, внушал населению Китая вражду и ненависть к нашему народу.

Мао был в эти годы поглощен одной мыслью: установить отношения с Вашингтоном, добиться от США согласия создать вместе с КНР единый всемирный фронт для борьбы против нашей страны или по крайней мере публично выступить с таким предложением.

Президент США Ричард Никсон в эти годы одновременно пошел на детант во взаимоотношениях с нашей страной и на установление связей между США и КНР. Никсон посетил Пекин и имел беседу с Мао. Собеседники сошлись в осуждении нашей страны.

США и КНР договорились об обмене миссиями связи. США перестали возражать, и КНР заняла место постоянного члена Совета Безопасности ООН. (Здесь можно вспомнить о том, что с момента образования КНР 1 октября 1949 года и вплоть до того дня, когда КНР заняла свое место в ООН, наша сторона всегда последовательно и неизменно выступала за то, чтобы место Китая в ООН принадлежало КНР.) США сохранили отношения с Тайванем.

10 марта 1973 года Дэн Сяопин возвратился к работе, снова занял пост заместителя премьера ГС КНР.

С 10 по 14 ноября 1973 года Киссинджер посетил Китай; стороны опубликовали совместное коммюнике.

С 4 по 16 апреля 1974 года Дэн Сяопин присутствовал на специальной сессии ГА ООН, изложил внешнюю политику Китая, а также теорию деления на «три мира».

Цзян Чанбинь подчеркивает тот факт, что Мао вернул Дэна к активной политической деятельности в том же 1973 году, когда Мао выступил со своей мыслью о создании единого всемирного фронта с включением в него и КНР, и США для борьбы против нашей страны, о превращении всех остальных развивающихся государств в «единый тыл» упомянутого фронта.

Мао также предложил делить мир на три части: первый мир — США, второй мир — Западная Европа и Япония, третий мир — развивающиеся страны, включая Китай. При этом делении нашей стране, с точки зрения Мао, не находилось места на Земле. (Именно это следовало из пропагандистского фильма, который в то время демонстрировали для населения КНР.)

Именно эти идеи Мао и изложил Дэн Сяопин на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 году.

Таким образом, Мао знаменовал установление отношений с США и свой приход в ООН навязыванием всем своим партнерам мысли о создании единого всемирного фронта борьбы против нашей страны.

Мао и Дэн — главные проводники этой идеи и главные «моторы» политики вражды и ненависти по отношению к нашей стране и народу в КНР. Мао видел в Дэне своего преемника в деле продолжения враждебного нашей стране и народу внешнеполитического курса КНР.

К этому можно добавить важную деталь: выступая на сессии ГА ООН в 1974 году, Дэн Сяопин перечислил три, с его и Мао точки

зрения, великих революции: французскую, американскую и китайскую, не упомянув о революции 1917 года в нашей стране. Мао использовал любую возможность для того, чтобы показывать США, что, с его точки зрения, нашей стране «нет места» ни на карте мира, ни в мировой истории.

18 октября 1974 года президент США Форд объявил об отмене «Акта об обороне Тайваня», введенного в действие в период президента Эйзенхауэра.

С 25 по 29 ноября 1974 года Киссинджер посетил Китай; стороны согласовали визит президента Форда в Китай.

В 1974 году США пошли на формальное изменение характера взаимоотношений с Тайванем. Исчезло официальное военное противостояние США и КНР.

Таков был ответ США на изложенные ранее мысли Мао о ситуации в мире. Мао предлагал США объединиться против нашей страны. США формально не шли на это, но демонстрировали Мао, что они поощряют его подход к нашей стране.

15 февраля 1975 года делегации обоих государств, с Ильичевым в качестве главы делегации СССР и Хань Няньлуном в качестве главы делегации Китая, продолжили переговоры между Китаем и СССР по вопросу о границе.

Мао последовательно проводил курс на то, чтобы время от времени «припугнуть» США возможностью продолжения переговоров с нашей страной.

Наша сторона всегда была готова и готова искать взаимопонимание с китайскими партнерами. Поэтому в отношениях наших государств у китайской стороны всегда была и остается возможность делать инициативные шаги различного характера, приемлемые и неприемлемые для нас.

С 1 по 5 декабря 1975 года состоялся визит президента США Форда в Китай.

Цзян Чанбинь считает необходимым подчеркнуть, что вплоть до смерти Мао США делали шаги с целью подтвердить принципиальное согласие с сущностью предложенного им курса в области китайско-американских отношений и относительно нашей страны.

С 16 по 21 июля 1977 года в Пекине работал 3-й пленум ЦК КПК 10-го созыва; Дэн Сяопин занял пост заместителя председателя ЦК КПК, заместителя председателя Военного совета ЦК КПК, заместителя премьера ГС КНР, начальника генерального штаба НОАК.

17 мая 1978 года наше министерство иностранных дел выступило с нотой, резко протестуя против того, что самолеты СССР, военные корабли СССР необоснованно совершают против нас провокации.

Цзян Чанбинь также подчеркивает, что возвращение Дэн Сяопина к активной политической деятельности в 1977 году взаимосвязано с подтверждением враждебного нашей стране и народу курса Мао без Мао, который умер в 1976 году.

15 декабря 1978 года Китай и США достигли соглашения о нормализации отношений; 16 декабря оба государства одновременно опубликовали коммюнике об установлении дипломатических отношений и заявления правительств. В тот же день Вьетнам совершил агрессию против Камбоджи.

С 18 по 22 декабря 1978 года состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, на котором было принято решение перенести центр тяжести в работе на создание модернизации (на осовременивание), осуществлять политику реформ и открытости.

11 января 1979 года Китай и США официально установили дипломатические отношения. С 28 января по 5 февраля Дэн Сяопин совершил визит в США, имел беседы с президентом Картером.

С 17 февраля по 16 марта 1979 года войска, обороняющие границу Китая, нанесли контрудар в целях самообороны по Вьетнаму.

Цзян Чанбинь стремится объединить в сознании своих читателей несколько событий, которые, с его точки зрения, демонстрируют то, как осуществлял внешнюю политику Дэн на протяжении относительно короткого времени, когда ему это удавалось делать единолично.

Здесь, с точки зрения Цзян Чанбиня, важно было обратить внимание на то, что пик в китайско-американских отношениях пришелся на конец 1978 — начало 1979 года. США, очевидно учитывая то, что Дэн Сяопин возвратился к власти и будет продолжать политику Мао, пошли на установление дипломатических отношений с КНР.

Дэн Сяопин совершил визит в США.

Дэн Сяопин решил показать США, что он не только продолжает курс Мао и призывает к созданию единого фронта для борьбы против нашей страны и ее союзников, но и сам начинает реально вести такую борьбу.

Это нашло свое проявление в том, что сразу после поездки в США Дэн бросил свою армию через границу на территорию Вьетнама, который Дэн видел как союзника нашей страны.

Дэн оказался таким же негодным военным стратегом, когда речь шла о войне за границами КНР, как и Мао. Армия Мао не смогла нанести поражение американцам в Корее, армия Дэна не смогла нанести поражение вьетнамцам.

Эта авантюра Дэна напоминает авантюру Мао с «великим скачком» и «народными коммунарами» в конце 1950-х годов. После краха этой авантюры Дэну, как в свое время Мао, на несколько лет пришлось отойти от единоличного руководства и военной, и внешней политикой КНР. Это, собственно говоря, и создало условия для начала продвижения к нормализации наших двусторонних отношений.

16 марта 1979 года министр иностранных дел Хуан Хуа пригласил посла США в Китае и провел с ним переговоры по вопросу о принятии в США «Акта об отношениях с Тайванем».

28 и 29 марта 1979 года обе палаты Конгресса США приняли «Акт об отношениях с Тайванем».

3 апреля 1979 года ПК ВСНП принял постановление о том, чтобы «больше не продлевать “Договор между КНР и СССР о дружбе, союзе и взаимной помощи”».

С 24 по 28 апреля 1979 года Киссинджер находился с визитом в Китае.

28 апреля 1979 года наше министерство иностранных дел направило правительству США ноту протеста в связи с «Актом об отношениях с Тайванем».

Цзян Чанбинь, по сути дела, объединяет вопрос о Тайване во взаимоотношениях КНР и США с вопросом о договоре 1950 года между СССР и КНР.

Может складываться впечатление, что, потерпев военное поражение во Вьетнаме, потеряв в какой-то степени авторитет в Китае, Дэн попытался восстановить его за счет нажима на США, требуя от них уступок в вопросе о Тайване. При этом Дэн бросил на чашу весов и такую «кость», как отказ КНР от продления договора с нашей

страной о дружбе, союзе и взаимной помощи. Однако все это не сработало. Американцы приняли в конгрессе Акт об отношениях с Тайванем. Очевидно, Дэн в значительной степени утратил свой авторитет в глазах американцев. Нельзя исключать и того, что военная авантюра Дэна против Вьетнама побудила американцев укрепить отношения с Тайванем.

Что же касается отказа от продления договора с нами, то мы об этом уже говорили. Важно отметить, что текст ноты по этому поводу, в которой содержалось инициативное предложение другой части руководства КПК, разумных людей, а не Дэна, о начале переговоров о межгосударственных отношениях без предварительных условий, был опубликован в Китае только в 2007 году, десять лет спустя после смерти Дэна.

С 17 октября по 30 ноября 1979 года в Москве состоялся первый раунд переговоров между Китаем и СССР по вопросу об отношениях между государствами.

30 декабря 1979 года правительство Китая выступило с заявлением, резко протестуя против агрессии армии СССР в Афганистане.

В конце 1979 года СССР и КНР провели первые переговоры о межгосударственных отношениях после смерти Мао. Переговоры начались по инициативе китайской стороны. Китайскую делегацию на переговорах возглавлял зять Ху Яобана.

Во время переговоров фактически повторилась ситуация 1964 года, когда в позиции китайской стороны одновременно присутствовали взгляды Мао и Лю Шаоци. На сей раз присутствовали взгляды Дэна и Ху Яобана. Это позволило сторонам договориться о продолжении переговоров в Пекине.

Дэну удалось использовать ввод советских войск в Афганистан как предлог для того, чтобы не допустить продолжения переговоров.

С 10 ноября по 5 декабря 1980 года проходило расширенное заседание политбюро ЦК КПК; Ху Яобан занял пост генерального секретаря ЦК КПК, Дэн Сяопин занял пост председателя Военного совета ЦК КПК.

Конец 1980 года — важный момент в истории Китая и в истории наших двусторонних отношений. В руководстве КПК произошли изменения. Ху Яобан занял пост генерального секретаря ЦК КПК, а Дэн Сяопин стал председателем Военного совета ЦК КПК.

Таким образом, возникли два центра принятия решений. Дэну путем интриг удалось закрепиться на посту руководителя всех вооруженных сил КНР. Ху Яобан получил возможность издавать директивы по вопросам внешней политики страны на основе решений политбюро ЦК КПК.

После смерти Мао понадобилось несколько лет, чтобы положение в руководстве партии «устоялось».

Сначала шла борьба за возвращение к власти Дэна и других старых номенклатурщиков. В 1977 году Дэн получил официальные посты. В то же время зять Ху Яобана Ван Юпин в 1977 году был назначен послом в нашей стране.

В 1978–1979 годах Дэн добился установления дипотношений с США и пошел на авантюру во Вьетнаме. Можно предположить, что Дэн думал, что сумеет тут «обойти» Мао, которому так и не удалось установить контроль над Северной Кореей. Однако и Дэн потерпел поражение и контроля над Вьетнамом не установил.

Начиная с 1979 года во внешней политике КНР стали проявляться «две линии»: линия Дэна и линия Ху Яобана.

В конце 1980 года произошло и формальное разделение властей: у Дэна осталась военная власть, у Ху Яобана партийная власть. Причем авторитет Ху Яобана в массах был несравненно выше авторитета Дэна.

Политика Дэна в отношении нашей страны состояла в том, чтобы продолжать проводить курс на вражду и ненависть к нашей стране и народу, выдвигая препятствия, не позволявшие нормализовать отношения.

Политика Ху Яобана состояла в том, чтобы добиться нормализации отношений, несмотря на противодействие Дэна.

17 августа 1982 года Китай и США опубликовали совместное коммюнике относительно решения вопроса о продаже США Тайваню вооружения.

Дэн добивался новых заверений со стороны США в том, что они уменьшат поддержку Тайваня. Это было нужно Дэну для повышения своего авторитета в Китае. В частности, и для того, чтобы продвигать свою политику в отношении нашей страны. Американцы в известной степени поддерживали Дэна в его политике.

Очевидно, что американцам и другим людям в мире становилось ясно, что внешняя политика Дэна — это политика, в которой центральное и главное место отводится США, а внешняя политика Ху Яобана — это политика, согласно которой в интересах Китая улуч-

шить и закрепить отношения с рядом крупных стран, в том числе и с нашей страной, для того, чтобы на этой основе увереннее чувствовать себя во взаимоотношениях с США.

Стоит упомянуть и о том, что Ху Яобан побывал на границе с нашей страной и на китайской пограничной заставе оставил в книге отзывов запись — призыв крепить дружбу между народами наших двух стран.

15 ноября 1982 года министр иностранных дел Хуан Хуа принял участие в похоронах Брежнева.

25 декабря 1984 года вьетнамцы вторглись в Камбоджу, масса беженцев бежала в направлении Таиланда.

12 марта 1985 года премьер ГС КНР Ли Пэн участвовал в церемонии похорон Черненко.

В 1982 году умер Л. И. Брежнев, в 1984 году умер Ю. В. Андропов, в 1985 году умер К. У. Черненко.

В связи с этим появилась так называемая «похоронная» дипломатия. Из Пекина на эти похороны направлялись руководители правительства и государства.

Министр иностранных дел Хуан Хуа писал в воспоминаниях, что перед переговорами после смерти Л. И. Брежнева он получил две инструкции. Сначала из ЦК партии, то есть от Ху Яобана, а потом от Дэна. Ху Яобан считал, что не нужно поднимать вопрос о разногласиях. Дэн настаивал на выдвижении требования к нашей стороне устранить «три крупных препятствия».

Цзян Чанбинь, думается, не случайно, не пишет о том, что к нам на похороны Ю. В. Андропова ездил Вань Ли, который был сторонником Ху Яобана.

На похороны К. У. Черненко поехал сторонник Дэна Ли Пэн.

Таким образом, до нашей стороны доводилась то одна, то другая позиция.

Несмотря на то, что Дэну удалось выдвинуть требование об устранении «трех крупных препятствий», одновременно с этим движение в сторону нормализации началось, так как полностью воспрепятствовать ему у Дэна не было возможности.

22 ноября 1985 года Китай и Россия парафировали вновь заключаемый консульский договор между двумя государствами.

28 июля 1985 года генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев в Хайшэньвэе выступил с пространной речью, в которой выразил

желание серьезно обсуждать добрососедские отношения СССР и Китая, согласился разграничивать границу по фарватеру, поэтапно вывести войска из Афганистана.

М. С. Горбачев считал, что во взаимоотношениях с Китаем главное — в нормализации этих отношений. В этой связи он искал пути к устранению тех «препятствий», о которых говорил Дэн.

Цзян Чанбинь является специалистом по пограничным вопросам. Очевидно, что он намеренно не упоминает о том, что предложение о принятии фарватера за линию границы было внесено сторонником Лю Шаоци на пограничных консультациях и поддержано Н. С. Хрущевым. М. С. Горбачев просто повторил нашу позицию.

25 февраля 1987 года наше министерство иностранных дел заявило о согласии Китая и СССР определить прохождение линии границы между двумя государствами, причем начать с восточного участка.

В феврале 1987 года в Москве начался новый раунд переговоров между Китаем и СССР по вопросу о границе.

11 апреля 1987 года СССР объявил о выводе войск из Монголии.

26 ноября 1988 года Китай и Монголия подписали договор о подходе к вопросу о границе.

26 апреля 1989 года СССР начал вывод войск из Восточной Европы.

Параллельно стали развиваться два процесса. Наша сторона создавала ситуацию, при которой можно было объявить об устранении «препятствий». Одновременно шли переговоры по пограничным вопросам.

Здесь попутно можно отметить и ту особенность наших двусторонних взаимоотношений, что по некоторым вопросам сторонам время от времени приходится договариваться снова и снова. Иными словами, прежние договоренности могут требовать новых подтверждений, особенно в случае, когда к власти приходят новые политики.

Цзян Чанбинь не упоминает о том, что готовивший встречу М. С. Горбачева с Дэн Сяопином тогда министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в 1989 году посетил КНР. В беседе с ним Дэн сказал: «Китаю принадлежат обширные земли, от трех до четырех миллионов квадратных километров, и я убежден, что будущие поколения займутся этой проблемой. Кому будет способствовать удача, сейчас невозможно предвидеть. Китайцы умеют терпеливо

ждать. Но вот вы отказываете нам в обладании маленьким островом, где живет всего пара тысяч человек. Я прошу вас передать Горбачеву, что в отношениях между нашими странами останутся “белые пятна”, если вопрос с островом не будет решен. Личной заинтересованности в этом вопросе у меня нет, это не принесет никакой пользы» (*Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Пер. с нем. Г. Леоновой. М.: Европа, 2009. С. 142–143*).

Вероятно, Дэн имел в виду острова под Хабаровском.

Очевидно также, что мнение Дэна Шеварднадзе довел до Горбачева. Важно отметить, что ни Шеварднадзе, ни Горбачев не изложили позицию нашей стороны по вопросам, которые затронул Дэн.

Думается, что в таких случаях целесообразно, с одной стороны, излагать наш принципиальный взгляд, с другой стороны, предлагать приемлемые для обеих сторон практические решения тех или иных вопросов.

С 15 по 18 мая 1989 года произошла встреча в Пекине Горбачева и Дэн Сяопина; Китай и СССР выступили с совместным коммюнике, объявили о нормализации отношений между двумя государствами, двумя партиями.

Дэн Сяопин на десять лет оттянул объявление о нормализации наших двусторонних отношений. Но не допустить нормализации он был не в силах. Нормализация отношений отвечала совпадавшим национальным интересам России и Китая. За нормализацию выступали генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, председатель ПК ВСНП Вань Ли, премьер ГС КНР Чжао Цзыян. Думается, что и большинство населения Китая не было согласно жить постоянно в ситуации «подготовки к войне», на какую его обрек своей политикой Мао.

В 1989 году были нормализованы отношения между КПСС и КПК, между СССР и КНР. При этом китайская сторона наибольшее значение придавала нормализации именно межпартийных отношений. Дэн встретился с М. С. Горбачевым. Встреча представляла собой монолог Дэна. М. С. Горбачев, очевидно, решил, не перебивая, выслушать «старшего» и не говорить ничего, что могло бы помешать объявлению о нормализации отношений. Дэн повторил все требования Мао к нашей стороне: признать «неравноправный» характер договоров, признать, что Россия «захватила» полтора миллиона квадратных километров территории Китая, признать, что Рос-

сия содействовала отделению Монголии от Китая. К этому Дэн добавил утверждение о том, что наша страна, дескать, представляет собой военную угрозу с севера для Китая. Из этого вытекало требование создать вдоль границы стокилометровую полосу, в которой Дэн требовал от нас сократить вооружения и вооруженные силы. М. С. Горбачев практически согласился с требованиями Дэна.

С 13 по 27 ноября 1989 года группы дипломатических, военных экспертов Китая и СССР впервые провели в Москве переговоры.

С 23 по 26 апреля 1990 года премьер ГС КНР Ли Пэн посетил с визитом СССР.

С 15 по 19 мая 1991 года генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь посетил СССР. 19 мая стороны опубликовали «Совместное коммюнике Китая и СССР»; министры иностранных дел обоих государств подписали «Соглашение между Китаем и СССР о восточном участке границы».

Цзян Чанбинь стремится создать впечатление, что после принятия М. С. Горбачевым требований Дэна Сяопина между нами начали активно развиваться связи, прежде всего по партийной линии. Цзян Цзэминь совершил свой первый визит в нашу страну весной 1991 года именно в качестве генерального секретаря ЦК КПК. Затем у нас побывал глава правительства КНР Ли Пэн. Оба отражали точку зрения Дэна на наши отношения.

Очевидно, что та же точка зрения нашла свое отражение в том факте, что посол КНР в СССР Юй Хунлянь поспешил поддержать ГКЧП в августе 1991 года. Это означало, что те, кто в КНР применил бронетехнику и вооруженных солдат для подавления мирных выступлений за демократию в июне 1989 года, оставались на своих позициях и стремились чем могли поддержать тех, кто в августе 1991 года попытался пойти против народа своей страны, устроив попытку вооруженного переворота и установления власти ГКЧП.

Вместе с тем Цзян Чанбинь подчеркивает два аспекта наших двусторонних отношений того времени.

Во-первых, то, что стороны продолжали продвигаться к определению прохождения линии границы между двумя государствами. Это действительно диктовалось совпадавшими национальными интересами обеих сторон.

Во-вторых, то, что Дэну удалось заставить М. С. Горбачева пойти на подготовку соглашения о создании вдоль границы стокилометровой (в ширину) полосы, в которой надлежало сокращать вооружен-

ные силы и вооружения. Для Дэна это было важно, так как позволяло пропагандировать в КНР мысль о том, что М. С. Горбачев согласился с тем, что наша страна якобы представляет собой военную угрозу Китаю с севера. Кроме того, это давало Дэну возможность реально нанести существенный ущерб нашей обороне вдоль границы с КНР.

Часть четвертая

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ: 1991–2010 гг.

1991–2010 годы — это новый период в наших двусторонних отношениях. Это взаимоотношения Российской Федерации с Китайской Народной Республикой и с Китайской Республикой на острове Тайвань.

Иными словами, впервые наша нация легально установила отношения с обеими частями китайской нации. Это отвечает совпадающим интересам обеих наших наций. Шаг по установлению отношений с Тайванем сделал первый президент РФ Б. Н. Ельцин. На Тайване откликнулись на нашу инициативу. В Пекине согласились с этим при условии, что это будут только экономические и культурные связи, но не политические и не дипломатические отношения. Такое решение устроило все три стороны.

В 1991 году в нашей стране произошла замена одного государства другим государством. Вместо исчезнувшего СССР появилась Российская Федерация. Главным отличием нового государства от прежнего государства было то, что изменился характер власти и идеологии. Это, в свою очередь, означало, что изменился характер взаимоотношений между нашей страной и Китаем. Открылась возможность строить межгосударственные отношения не на основе связывавшей обе стороны идеологии коммунистических партий, так как в нашей стране коммунистическая партия больше не находилась у власти, в то время как в КНР КПК продолжала находиться у власти. Отношения 1989–1991 годов после их нормализации были прежде всего, во всяком случае с точки зрения КПК, отношениями между двумя правящими политическими коммунистическими партиями.

Исчезновение с политической сцены КПСС в качестве правящей партии повергло в шок руководителей КПК. Они на протяжении некоторого времени находились в замешательстве. Им понадобились годы, чтобы осмыслить произошедшее и предложить и себе, и населению своей страны, и окружающему миру свое объяснение случившегося.

В то же время жизнь, как и всегда, не остановилась ни на минуту. Новые межгосударственные отношения РФ и КНР пришлось строить, начиная с установления дипломатических отношений, поддержания необходимых практических связей, а также с выработки принципов, на которых должны были строиться эти отношения. Кто-то должен был взять в свои руки инициативу в этом деле.

В сентябре 1991 года Китай установил дипломатические отношения с вновь обретшими независимость Эстонией, Латвией, Литвой.

После провала путча ГКЧП в августе 1991 года китайской стороне пришлось реагировать на то, что практически происходило на территории бывшего Советского Союза.

В формулировке, предложенной Цзян Чанбином, явственно просматривается продолжение отношения в КНР к исчезновению СССР. Выход из состава СССР эстонцев, латышей и литовцев и появление таких государств, как Эстонская Республика, Латвийская Республика, Литовская Республика, было с удовлетворением встречено в Пекине. Это отвечало желаниям увидеть раздробленное на многочисленные государства пространство, которым ранее был СССР. При этом китайский автор подчеркивает, что три упомянутых государства «вновь обрели независимость». Тем самым населению КНР внушают, что КПК всегда осуждала СССР за включение прибалтийских стран в свой состав. Из этого при желании можно делать и другие исторические выводы, в частности относящиеся к истории Второй мировой войны.

И дело тут не в сочувствии настроениям людей в упомянутых прибалтийских государствах, а в иррациональном желании увидеть исчезновение такого государства, как Россия последних нескольких столетий.

27 декабря 1991 года Китай установил дипломатические отношения с РФ; вслед за тем последовательно установил дипломатические отношения со всеми остальными государствами СНГ.

СССР прекратил свое существование 25 декабря 1991 года. КНР и РФ установили дипломатические отношения между собой практически мгновенно после этого. То же произошло с дипломатическими отношениями между новыми государствами на территории СССР и КНР. Таким образом, все продемонстрировали понимание необхо-

димости всегда поддерживать дипломатические отношения вне зависимости от того, что происходит в той или иной стране.

13 февраля 1992 года после ратификации парламентом РФ и ПК ВСНП КНР «Соглашения между Китаем и СССР о восточном участке границы» и обмена в марте того же года ратификационными грамотами между министрами иностранных дел обоих государств это «Соглашение» официально вступило в силу.

Итак, прежде всего обе стороны подтвердили понимание необходимости непрерывности поддержания официальных дипломатических отношений между собой вне зависимости от событий, меняющих государство в той или другой стране.

Вторым шагом обеих сторон стало проявление понимания того, что совпадавшие национальные интересы обеих стран требовали продвижения по пути решения пограничных вопросов. Поэтому, также вне зависимости от прочих обстоятельств, стороны приняли меры, благодаря которым вступило в силу соглашение о прохождении линии границы на ее восточном участке. Этот акт свидетельствовал и о том, что стороны намерены продолжать движение в этом направлении. Сторонам было ясно, что пограничные вопросы — это вопросы, касающиеся отношений между нациями, между народами и странами, а не только между государствами или политическими силами в той и другой стране.

С 17 по 19 декабря 1992 года президент России Ельцин посетил Китай; во время визита стороны подписали «Совместное заявление об отношениях между КНР и РФ», соглашение о культурном сотрудничестве, соглашение о научно-техническом сотрудничестве, соглашение о действиях по мирному использованию атомной энергии, о действиях по мирному исследованию и использованию космического пространства, соглашение о сотрудничестве в области социального труда, соглашение о сотрудничестве в сфере внешней торговли в 1993–1994 годах.

Первое десятилетие взаимоотношений РФ и КНР явилось десятилетием активной внешней политики нашей стороны, активных и инициативных действий первого президента РФ Б. Н. Ельцина. Наша сторона начала череду встреч на высоком и прочих уровнях.

В 1992 году Б. Н. Ельцин выступил с первой своей инициативой в области наших двусторонних отношений с Китаем. Он предложил

обеим сторонам исходить из того, что наши отношения носят дружественный характер. Китайская сторона согласилась с этой инициативой первого президента РФ.

Это означало, что из наследия прошлого в первую очередь обеим нациям требуется подтверждение вечной дружбы между народами. Дружба между народами должна существовать при любых обстоятельствах.

Весной 1993 года объединенная комиссия Китая и России по демаркации границы начала работу по установке пограничных знаков.

Обе стороны не прерывали работу по определению линии границы. Соглашение 1991 года означало окончание процесса делимитации границы. Сразу же после вступления в силу этого соглашения обе стороны начали осуществлять демаркацию границы. Это было подтверждением обоюдного стремления решить вопрос о прохождении линии границы.

С 18 по 29 апреля 1994 года Ли Пэн посетил Украину, Туркмению, Киргизию, Казахстан и Монголию.

20 апреля 1994 года Китай и Монголия подписали договор о дружественных отношениях.

Цзян Чанбинь подчеркивает тот факт, что в КНР сразу же после появления РФ начали придавать большое значение работе с государствами, либо образовавшимися на территории СССР, либо с соседними государствами. КНР сразу же проявила свое желание развивать свои отношения с этими государствами в новых условиях появления на политической карте мира Российской Федерации. Это требовало от РФ со своей стороны придавать большое значение развитию реальных взаимно выгодных связей со всеми этими государствами.

Со 2 по 6 сентября 1994 года председатель Цзян Цзэминь посетил Россию; во время визита были подписаны «Совместное заявление Китая и России», «Соглашение между Китаем и РФ о западном участке границы», «Соглашение между Китаем и РФ о сотрудничестве и взаимной помощи между таможенными службами обоих государств», «Соглашение между Китаем и РФ о прохождении судов из реки Уссури мимо города Хабаровска в реку Хэйлунцзян и обратно», «Соглашение 1994 года между правительствами Китая и РФ

о сотрудничестве в экономике и во внешней торговле» и ряд других соглашений.

Наша сторона начала регулярный обмен визитами глав государств РФ и КНР.

Б. Н. Ельцин первым посетил КНР в 1992 году. Дэн Сяопин тогда сделал очередной шаг по пути традиционного для него и для Мао намеренного оскорбления нашей страны и народа, демонстративно отказавшись встретиться с первым президентом РФ Б. Н. Ельциным во время его первого визита в КНР. Несмотря на это Б. Н. Ельцин сделал тогда все от него зависящее для закрепления новых межгосударственных отношений между РФ и КНР.

В 1994 году состоялся ответный визит Цзян Цзэминя в РФ. Во время этого визита стороны подписали соглашение о прохождении линии границы на ее западном участке. Подтвердили лишний раз понимание необходимости таких действий.

В 1994 году президент РФ Б. Н. Ельцин сделал второй инициативный шаг в наших двусторонних отношениях. Он предложил придать этим отношениям характер конструктивного партнерства. Китайская сторона приняла и это предложение Б. Н. Ельцина.

Таким образом, в фундамент двусторонних отношений между РФ и КНР наша сторона заложила сначала понятие дружбы, а затем понятие конструктивного партнерства.

Это позволяет сохранять и развивать традиционные дружественные связи между народами и странами, а также строить отношения между двумя государствами как между партнерами, то есть взаимно расположенными друг к другу сторонами.

При этом речь шла о том, что обеим сторонам необходимо выдвигать такие предложения, которые носили бы, с точки зрения обоих партнеров, взаимно приемлемый и конструктивный, то есть созидательный характер.

Итак, вырисовывались основные принципы наших отношений на тот момент: дружба, равноправие партнеров, созидательный конструктивный характер отношений. Лишний раз подчеркнем, что наша сторона в 1990-х годах осуществляла активную политику в области двусторонних отношений с Китаем.

С 7 по 9 мая 1995 года Цзян Цзэминь по приглашению посетил Москву для участия в церемонии празднования 50-й годовщины победы в антифашистской войне; во время встречи с Ельциным Ельцин в связи с тем, что в России кое-кто высказывает критику в

связи с вопросом о границе между Китаем и Россией, подтвердил, что подписанные обоими государствами соглашения священны и неизменны, российская сторона будет со всей решительностью выполнять их.

В 1995 году Цзян Цзэминь принимал участие в торжествах в Москве по случаю нашей победы в Великой Отечественной войне, которую Цзян Чанбинь, выражая взгляды Мао и Дэна, именует «антифашистской войной».

С одной стороны, в этом акте можно усмотреть желание подчеркнуть то, что нас соединяло в истории.

С другой стороны, это делалось, думается, в немалой степени для того, чтобы «указать нам наше место», с точки зрения Мао и Дэна.

Выступая в Москве, Цзян Цзэминь счел нужным привести цифру потерь китайской стороны в ходе Второй мировой войны — 35 миллионов человек. Тем самым он как бы сопоставил официальную цифру наших потерь — 27 миллионов человек — и цифру потерь Китая. «Соревнование в потерях» представляется не содействующим добрым отношениям между партнерами.

В связи с этим о потерях китайской стороны во время антияпонской войны можно сказать также следующее.

В 1995 году в связи с 50-летием окончания Второй мировой войны председатель КНР Цзян Цзэминь, выступая в Москве, назвал цифру: в этой войне погибли и были ранены 35 миллионов китайцев. Можно предположить, что эта цифра была согласована с Дэном.

Ян Кэлинь в книге «Период Антияпонской войны Китая», изданной в КНР в 2005 году, повторил эту цифру. И в то же время писал, что в этой войне погибли 3,8 млн военнослужащих Китая, 18 млн человек гражданского населения, в общей сложности 21,8 млн человек.

До «культурной революции», то есть до 1966 года, в КНР в книге «Общая история периода революции нового демократизма в Китае», изданной в Пекине издательством «Жэньминь чубаньшэ», также говорилось, что погибли более 18 млн человек, а материальный ущерб составил 60 млрд американских долларов. В 1998 году во время визита в Японию Цзян Цзэминь заявил, что материальный ущерб составил 600 млрд американских долларов.

Ху Цзиньтао увеличил цифру, названную Цзян Цзэминем, сказав о 35 миллионах только погибших. В КНР в Интернете варьируются цифры от 7 до 40 миллионов.

В 1946 году гоминьдановское правительство опубликовало официальную цифру: с 7 июля 1937 года по момент окончания войны были убиты и ранены 3,31 млн военнослужащих, потери среди гражданского населения составили 8,42 млн человек. 20 мая 1947 года на Тайване эту цифру уточнили, увеличив ее до 12 млн 784 тыс. 934 человек.

Некоторые считают, что в эти годы от болезней погибли 422 тыс. 479 человек; в результате наводнения на реке Хуанхэ погибло мирное население — 893 тыс. человек. В гоминьдановской армии в результате жестокого обращения, еще не добравшись до фронта, погибли более миллиона новобранцев. Гибли люди и в боях между Гоминьданом и КПК. Во время событий в южной части провинции Аньхой потери составили 10 тыс. человек; по большей части в армии Гоминьдана.

Фальсификация в этом плане началась во времена правления Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя. Прежде всего, КПК после событий 4 июня 1989 года на площади Тяньаньмэнь в Пекине считала нужным раздуть националистические настроения в целях сплочения населения. Далее, цель была в том, чтобы напомнить, что от японцев не потребовали возмещения убытков, выплаты контрибуции. Это была и реакция на распространявшиеся в КНР слухи о том, что КПК погубила больше людей, чем японцы. Поэтому КПК старалась увеличить цифры погибших в антияпонской войне.

Со стороны Японии во Второй мировой войне погибли 1,5–2 млн японских военнослужащих. В момент окончания войны в Китае находились 2 млн японских военнослужащих. Приводились сведения о том, что значительная часть личного состава японской оккупационной армии в Китае состояла из китайцев, корейцев, маньчжуров, монголов.

Все эти цифры могут дать представление о масштабах и характере войны 1931–1937–1945 годов, во время которой Китай так или иначе оказывал сопротивление Японии.

Возвращаясь к выступлению Цзян Цзэминя в 1995 году в Москве, необходимо сказать, что он подчеркнул, что в то время в России существовали возражения против соглашений о прохождении линии границы между РФ и КНР, но Б. Н. Ельцин заверил Цзян Цзэминя, что наша сторона будет выполнять подписанные соглашения.

Б. Н. Ельцин при этом, очевидно, имел в виду и то, что и китайская сторона должна выполнять подписанные соглашения, то есть не допускать требований «вернуть» «отторгнутые» якобы Россией у Китая территории.

Цзян Чанбинь не упоминает о том, что в Китае были и есть те, кто возражает против этих соглашений.

Что касается нашей стороны, то в нашей стране беспокойство вызывает позиция китайской стороны, которая до сих пор так и не дезавуировала ни заявления Мао (1964) и Дэна (1989), ни документ МИД КНР от 8 октября 1969 года, в которых содержатся требования к нам «признать» «неравноправный» характер договоров о границе.

С 21 по 25 июня 1995 года Ли Пэн посетил Белоруссию, Украину, Россию; в ходе визита стороны подписали «Совместное коммюнике», «Договор между Китаем и Россией о выдаче», «Соглашение о совместном строительстве большого моста через реку Хэйлунцзян между Хэйхэ и Благовещенском», «Соглашение и взаимном признании дипломов о присуждении ученых степеней, ученых званий», «Соглашение о контроле над флорой и о защите флоры», «Соглашение о сотрудничестве в сфере информатизации» и «Соглашение о создании и укреплении связей» между машиностроительными отраслями обоих государств.

Российская сторона в лице президента РФ Б. Н. Ельцина активно создавала основу нормальных добрососедских и дружественных двусторонних отношений.

Китайская сторона в лице премьера ГС КНР Ли Пэна, приверженца Дэна, настояла на подписании между РФ и КНР «Договора о выдаче». В документе говорилось о «выдаче преступников».

По сути дела, речь шла об обязательствах сторон не допускать на своей территории деятельности организаций, которые партнер может охарактеризовать как «антиправительственные» или «антигосударственные». На практике это означало, что на территории Российской Федерации больше не могли выступать в СМИ и каким бы то ни было образом действовать никакие граждане КНР, которые критически относились к политике КПК. По требованию властей КНР российские власти должны были выдавать их властям КНР. Такие случаи имели место.

В сентябре 1995 года министры иностранных дел обоих государств достигли соглашения относительно проекта соглашения, которое должно быть подписано во время предстоявшего визита Ельцина в Китай; подписали проект «Соглашения об установлении горячей линии телефонной связи между правительствами двух государств — Китая и России».

17 октября 1995 года министры иностранных дел обоих государств обменялись «Ратификационными грамотами Соглашения

между Китаем и Россией о западном участке границы»; Китай, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан достигли единогласия в вопросе о Соглашении об укреплении доверия в районе границы и парафировали его.

Еще одним шагом со стороны КНР было навязывание Китаем России, Казахстану, Киргизии, Таджикистану соглашения о сокращении вооружений и вооруженных сил в стокилометровой полосе вдоль границы с Китаем и о мерах доверия.

Здесь необходимо напомнить об истории этого вопроса. Мао проводил политический курс вражды и ненависти к нашей стране и народу. Он выдвинул установку на подготовку войны против нашей страны.

В этом духе пропагандистки обрабатывалось все население Китая.

В соответствии с замыслами Мао его солдаты в 1969 году начали стрельбу по нашим безоружным пограничным представителям, начали пограничную войну против нас.

Таким образом, Мао, и только он, и его приверженцы несут ответственность за создание военной угрозы нашей стране из КНР, за начало пограничной войны против нас.

Наша сторона никогда никакой военной угрозы для Китая не создавала.

Наши действия по укреплению обороны нашей границы с КНР последовали только после нападения солдат Мао на нас на границе, после создания Мао военной угрозы для нашей страны, после начала Мао пограничной войны против нас.

Однако Дэн в беседе с М. С. Горбачевым в 1989 году настаивал на том, что это, дескать, наша сторона создала военную угрозу для Китая.

Это была ложь в отношении политики и действий нашей стороны. В духе этой лжи обрабатывается население КНР. Ему внушают, что Мао, дескать, был прав, говоря о нашей стране как о якобы военном враге Китая и о допустимости, так сказать, естественности, с классовых позиций, войны против нас.

М. С. Горбачев совершил большую ошибку, не возразив против такой постановки этого вопроса Дэном. Более того, М. С. Горбачев заставил наших военных и дипломатов принять участие в разработке соответствующего соглашения с китайской стороной и подписать соглашение о мерах доверия и сокращении войск и вооружений в стокилометровой полосе вдоль границы.

Подписание такого соглашения разрушило нашу оборону на границе с Китаем, нанесло ущерб нашим вооруженным силам, создало причину для опасений у населения приграничных районов России.

Это соглашение стало основой для продолжения опасной пропаганды в КНР установки, состоящей в том, что в войне на границе в 1969 году якобы виновата наша сторона, что Мао якобы был прав, нацелив Китай и китайцев на подготовку войны против нас, а также начав пограничную войну против нас.

Из самого факта подписания и действия в настоящее время этого соглашения следует, что в Китае продолжают считать нас потенциальным военным врагом, которому нельзя доверять и которого приходится «держат в узде» упомянутого соглашения. Возможно, что в КНР поступают таким образом, оглядываясь на США.

Кстати, в соответствии с этим соглашением китайские военные инспекторы по желанию китайской стороны вплоть до сегодняшнего дня имеют право проверять на нашей территории соблюдение нами условий сокращения нами вооруженных сил и вооружений.

Китайская сторона также навязала подписание аналогичного соглашения тем нескольким странам, которые имеют традиционные связи с Россией и граничат с Китаем.

Таким образом, упомянутые обязательства были распространены китайской стороной не только на Россию, но и на Казахстан, Киргизию и Таджикистан.

В чем они «провинились» перед нынешним Китаем, сказать трудно. Можно лишь предположить, что они, с точки зрения современных властей КНР, виноваты уж тем, что когда-то входили в состав СССР и все еще находятся «под контролем» или «под влиянием» нашей страны.

С нашей точки зрения, прошло много лет с момента подписания этих соглашений.

Сегодня стороны, подписавшие упомянутые соглашения, могли бы сделать публичное заявление о том, что теперь между ними существует полное взаимное военное доверие. Они могли бы также заявить об отмене действия упомянутых соглашений как выполнивших свою задачу.

Стороны могли бы перенести внимание к военным опасностям с партнеров на внешние силы. Представляется важным еще раз подчеркнуть, что пока остаются в силе эти соглашения, существует и вопрос о взаимном военном недоверии сторон, которое якобы приходится сдерживать таким образом.

С 24 по 26 апреля 1996 года Ельцин совершил второй визит в Китай; стороны подписали третье совместное коммюнике, объявили о создании «равноправных, обращенных в XXI век партнерских взаимоотношений стратегического взаимодействия». В эти дни президент Казахстана Назарбаев, президент Киргизии Акаев, президент Таджикистана Рахмонов собрались в Шанхае, главы пяти государств подписали соглашение об укреплении военного доверия в районе границы.

Процесс параллельных действий обеих сторон в области наших двусторонних отношений продолжался.

С нашей стороны президент РФ Б. Н. Ельцин сделал третий активный шаг и заложил в фундамент двусторонних отношений важное положение относительно характера и перспектив наших отношений.

Он предложил сделать их равноправными и обращенными в XXI век доверительными партнерскими отношениями стратегического взаимодействия.

Это означало, что наша сторона, прежде всего, подчеркнула значимость принципа равноправия в наших отношениях, а далее желание того, чтобы они носили доверительный характер.

Вместе с тем речь шла об отношениях партнеров, во всем равноправных и благожелательно настроенных по отношению друг к другу. Собственно говоря, партнеров-друзей.

Предполагалось также, что такими эти отношения должны оставаться на протяжении всего двадцать первого века.

Наконец, речь шла о том, что тактически могут возникать разного рода коллизии, но они не должны мешать стратегическому взаимодействию, то есть нацеленности обеих сторон на обязательное согласование вопросов стратегии.

При этом думается, что Б. Н. Ельцин имел в виду совпадение объективных интересов наших двух наций — России и Китая.

Китайская сторона приняла и это предложение Б. Н. Ельцина.

Предстояло увидеть, что она вкладывает в эту формулировку на практике со своей стороны.

В то же время китайская сторона как бы обусловила согласие с этим предложением Б. Н. Ельцина навязыванием своей установки об обязательности подписания не только Россией, но и Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном (президенты которых были «приглашены» в Шанхай) соглашения о мерах доверия, о котором мы уже говорили.

Думается, что принятие предложения китайской стороны было вынужденным для нас.

В целом складывается мнение о том, что обе стороны стремились связывать друг друга своими формулировками. Обе стороны пока принимали формулировку партнера в ответ или в обмен на принятие им своей формулировки.

Предстояла политическая борьба за выработку реального характера двусторонних практических отношений. В ходе этой борьбы каждая сторона предполагала настаивать на своей интерпретации формулировок, принятых обеими сторонами в принципе.

С 26 по 28 декабря 1996 года Ли Пэн совершил рабочую поездку в РФ.

С 22 по 26 апреля 1997 года Цзян Цзэминь совершил четвертый государственный визит в Россию; было подписано «Совместное заявление Китая и России о многополярности мира и о создании нового международного порядка»; в эти дни Китай, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, пять государств, подписали «Соглашение пяти государств о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы».

С китайской стороны в эти годы политика в отношении нашей страны определялась Дэном. Главными исполнителями его политики были председатель КНР Цзян Цзэминь и премьер ГС КНР Ли Пэн.

В двусторонних отношениях складывалась своеобразная картина.

Наша сторона проявляла свою заинтересованность в установлении и развитии дружественных, конструктивных, доверительных, партнерских отношений стратегического взаимодействия и в закреплении их на весь двадцать первый век. В сфере двусторонних отношений наша сторона действовала активно и инициативно и добивалась по крайней мере принятия ее предложений партнером, который тут как бы следовал за нами.

Однако партнер тоже с годами начинал действовать все более напористо. При этом в Пекине избрали тактику, состоявшую в том, чтобы повести за собой Россию в оценке международной ситуации, состояния всемирных международных отношений, навязать нашей стороне свой взгляд на происходящее в мире и на то, как в этой связи необходимо действовать. При этом китайская сторона действовала также активно и инициативно и добивалась по крайней мере принятия ее предложений нами. Нам как партнеру пришлось как бы следовать за китайской стороной.

В 1997 году во время визита Цзян Цзэминя в нашу страну китайская сторона предложила нашей стороне согласиться с ее формулировками: многополярный мир и новый мировой порядок. Наша сторона согласилась внести эти формулировки в совместные документы.

Думается, однако, что у каждой стороны было и есть свое толкование того, что все это означало и означает. Причем у китайской стороны, как у автора и инициатора, было продуманное стратегическое видение того, что все это должно означать, а у нашей стороны все это представляло как нечто необходимое ради создания соответствующей атмосферы в двусторонних отношениях и вроде бы в основном приемлемое.

Цзян Цзэминь в ходе визита в нашу страну в 1997 году, вскоре после смерти Дэна, добился двух вещей: принятия нашей стороной его тезиса о многополярности и о новом мировом порядке и подписания вызванными в Москву руководителями Казахстана, Киргизии, Таджикистана вместе с Китаем и Россией соглашения этих пяти государств о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы.

Так Цзян Цзэминь в глазах приверженцев Мао и Дэна, да и большей части населения КНР, подтвердил продолжение политики Мао и Дэна в отношении нашей страны.

С 9 по 11 ноября 1997 года Ельцин посетил Китай; это была пятая встреча с 1992 года; были опубликованы «Совместное заявление Китая и России», «Меморандум о принципиальном взаимопонимании между правительствами Китая и России по вопросу о строительстве газопровода из Восточной Сибири России в Китай и о сырой нефти»; к этому времени работа по установке на местности пограничных столбов между Китаем и Россией была в основном завершена.

С 26 по 28 июня 1997 года председатель правительства РФ Черномырдин совершил официальный визит в Китай. Стороны подписали «Соглашение между правительствами Китая и РФ на 1997–2000 годы по внешней торговле», «Соглашение о сохранении в Специальном административном районе Сянган Китая генерального консульства РФ», «Протокол о внешней торговле между Китаем и Россией в 1997 году».

1997 год был наполнен взаимными визитами руководителей двух стран. Это свидетельствовало о том, что практические отношения требовали все большего внимания и решения возникавших вопро-

сов. Вставала задача создавать механизм обмена мнениями для постоянного отслеживания ситуации и принятия решений.

Пока же китайская сторона добилась от нашей стороны принципиального решения о строительстве газопровода из России в Китай.

Интересам обеих сторон отвечало завершение к этому времени установки пограничных знаков на всей линии прохождения границы, согласованной сторонами.

С 22 по 25 ноября 1998 года Цзян Цзэминь посетил Россию. В связи с тем, что в это время Ельцин находился в больнице, главы двух государств провели в больнице «встречу без галстуков». Стороны обсудили вопросы двусторонних отношений и международные вопросы; при обсуждении вопроса о границе стороны с удовлетворением отметили, что разрешение вопроса о границе Китая и Россией стало почти образцом, одновременно с определением прохождения линии границы были также сокращены вооруженные силы и вооружения в районе границы; стороны призвали к созданию многополярного мира.

В действиях китайской стороны в это время ощущалась крайняя заинтересованность в проведении встреч с президентом РФ Б. Н. Ельциным с целью продвижения своих интересов.

Цзян Цзэминь поехал в Москву даже несмотря на то, что Б. Н. Ельцин находился в больнице.

Китайская сторона, с одной стороны, подчеркнула то, что и она удовлетворена решением пограничных вопросов на той их стадии. Здесь она как бы шла навстречу нашей стороне.

В то же время Цзян Цзэминь связывал вопросы пограничного урегулирования с сокращением вооруженных сил и вооружений в районе границы. Таким образом, Цзян Цзэминь, очевидно, добивался возможности доказывать неким силам в Китае, что он продолжает выполнять «заветы» Мао и Дэна (Дэн Сяопин умер в 1997 году).

Наконец, Цзян Цзэминь также добился от Б. Н. Ельцина очередного подтверждения согласия России с предложенным китайской стороной тезисом о многополярности мира.

Необходимо отметить, что с этим тезисом не были согласны ни США и государства Западной Европы, ни те развивающиеся государства, которые не соглашались вносить это положение в двусторонние документы с КНР, указывая на то, что этот подход ставит их в неравноправное положение, так как делит мир на некие центры силы и на остальную массу, не обладающую силой.

С 23 по 27 февраля 1999 года премьер ГС КНР Чжу Жунци посетил РФ. Провел переговоры с председателем правительства РФ Примаковым. Это была четвертая по счету встреча с 1997 года, когда правительства обоих государств создали механизм консультаций в установленные сроки; стороны решили расширить потенциал сотрудничества в области ядерной энергии, приняли решение относительно генерального соглашения, главным в котором был пункт о строительстве из Иркутской области с Ковыктинского газового месторождения газопровода в Китай, о технических и экономических обоснованиях этого проекта; было решено на протяжении 30 лет ежегодно поставлять в Китай не менее 20 миллиардов кубометров природного газа; кроме того, имеется возможность ежегодно поставлять в КНР не менее 15–18 миллиардов киловатт часов электроэнергии; оба государства также рассчитывали построить нефтепровод с той целью, чтобы ежегодно поставлять в Китай от 25 до 30 миллионов тонн нефти.

В начале 1999 года в Москве побывал премьер ГС КНР Чжу Жунци. Это был государственный деятель, который разбирался в экономических вопросах и был нацелен на достижение таких соглашений с нашей страной, которые помогали решать экономические проблемы Китая.

Во время пребывания Чжу Жунци в Москве его принял президент РФ Б. Н. Ельцин.

Думается, что именно во время этой встречи Б. Н. Ельцин впервые, возможно так же, как в свое время Н. С. Хрущев, ощутил, что такое подлинное отношение в Китае к нашей стране.

Во время встречи с Б. Н. Ельциным Чжу Жунци, будучи ниже по положению своего собеседника, позволил себе поставить вопрос таким образом, как будто бы в недостатках при осуществлении торгово-экономических связей виновата исключительно российская сторона. На самом деле при желании каждая из сторон может предъявлять такого рода односторонние претензии.

Можно также предположить, что именно во время визита Чжу Жунци выяснилось, что в КНР над подготовкой такого рода встреч работает, возможно, самый многочисленный в мире аппарат. Чиновники этого аппарата ориентированы своим руководством на то, чтобы дотошно вникать во все подробности и предъявлять нашей стороне максимально возможные претензии.

Наша сторона, тогда председатель правительства РФ Е. М. Примаков, оказалась не готова к такого рода обсуждению и не смогла

защитить свои позиции. Тем более что Е. М. Примаков в принципе был настроен просто на удовлетворение практически любых предложений китайской стороны. Он, не имея на то оснований, думал, что «почтение» с нашей стороны к китайской стороне как к «старшему» побудит китайского партнера «хорошо» относиться к нам. В каком-то смысле в этом Е. М. Примаков «следовал» тут за М. С. Горбачевым, который именно так ориентировал себя и своих сотрудников перед встречей с Дэном в Пекине в 1989 году.

В результате визита Чжу Жунцзи стороны договорились о создании двустороннего механизма, который постоянно готовил бы очередные встречи глав правительств двух стран.

Стороны достигли соглашения о сотрудничестве в области ядерной энергии, о строительстве газопровода в Китай, нефтепровода в Китай и о поставке в Китай электрической энергии.

Так китайская сторона к концу 1990-х годов обозначила свою заинтересованность в наших ресурсах. Это означало, что в КНР видели нашу страну в качестве сырьевого придатка КНР.

Наша сторона в тот момент ничего не противопоставила такому подходу, не защитила наши интересы. Судя по поведению президента РФ Б. Н. Ельцина, он с удивлением обнаружил, что председатель правительства РФ Е. М. Примаков не был готов достойно защитить наши интересы.

Можно также отметить, что если наша сторона в 1990-х годах была нацелена на выдвижение принципиальных основ наших отношений, то китайская сторона в том, что касалось двусторонних связей, сделала в конечном счете упор на обеспечение своих материальных интересов, на то, чтобы добиваться от нашей стороны поставок максимального количества сырьевых ресурсов.

При этом китайская сторона использовала бартерную торговлю и челночную торговлю с той целью, чтобы обеспечить работой и прожиточным минимумом миллионы людей в Китае, обеспечить поступление в распоряжение властей КНР десятков миллиардов долларов прибыли от этой торговли. В связи с этим встает вопрос о том, через какие каналы китайская сторона вывозила и вывозит эти капиталы из нашей страны в КНР.

С 25 марта по 8 сентября 1999 года в Москве состоялось восьмое заседание китайско-российской комиссии по демаркации границы; стороны парафировали следующие главные документы: «Китайско-российский протокол относительно описания восточного участка границы между Китаем и Россией», «Китайско-российский

протокол относительно описания западного участка границы между Китаем и Россией» и приложения к ним.

Итак, во времена президента Б. Н. Ельцина нам удалось завершить демаркацию всей линии прохождения границы, за исключением одного острова на реке Аргунь и нескольких островов у города Хабаровска. Это было большим достижением. Оно отвечало совпадавшим интересам обеих наций — России и Китая.

10 мая 1999 года Ельцин по горячей телефонной линии говорил с Цзян Цзэмином, выразил крайнее возмущение в связи с нанесением США ракетного удара по посольству КНР в Югославии, заявил о полном совпадении позиции России с позицией Китая.

24 мая 1999 года заместитель председателя Военного совета ЦК КПК Чи Хаотянь встретился с прибывшим в Китай главнокомандующим ВМС РФ адмиралом Куроедовым.

С 7 по 15 июня 1999 года заместитель председателя Военного совета ЦК КПК Чжан Ваньянь по приглашению нанес визит в РФ, посетил военные объекты и воинские части во многих пунктах.

В связи с событиями в Югославии каждая из сторон так или иначе выразила свою позицию.

Президент РФ Б. Н. Ельцин, как и подобает в таких случаях, выразил возмущение попаданием американской ракеты в одно из зданий посольства КНР в Белграде, а также свои соболезнования семьям погибших сотрудников посольства. Он ввел здесь тезис о полном совпадении позиций. Можно предположить, что это означало, что и наша сторона ожидает от китайских партнеров в подобных ситуациях подтверждения полного совпадения позиций Китая с позициями нашей стороны.

Китайская сторона одним из приемов своей дипломатии в отношении нашей страны считает подчеркивание при любой возможности того, что наша сторона, дескать, следует за китайской стороной, а потому мнения сторон полностью совпадают.

Пожалуй, трудно найти случай, когда бы китайская сторона подчеркивала, что она следует за нашей стороной.

В данном случае Цзян Чанбинь подчеркивает, что наша сторона полностью согласилась с китайской стороной.

Возможно, что наша сторона сочла необходимым в создавшейся обстановке продемонстрировать существование тесных связей меж-

ду военными двух наших стран. Именно этим можно объяснить взаимные визиты военачальников.

25 августа 1999 года главы пяти государств — Китая, России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана — собрались в столице Киргизии Бишкеке; состоялась встреча глав государств Китая и России.

Встречи глав пяти государств становились тогда регулярными. Очевидно, что назревал вопрос о создании механизма, позволявшего постоянно поддерживать связи между ними и решать вопросы, касавшиеся всех пяти государств.

Это требовало от руководителей РФ постоянного внимания к состоянию и развитию как двусторонних связей РФ с каждым из государств Центральной Азии, так и со всеми этими государствами в их совокупности.

Только при выполнении этих предварительных условий можно было, помимо всего этого, делать что-то и в области сотрудничества РФ, государств Центральной Азии при совместном согласовании ими в предварительном же порядке своих интересов с КНР.

Итак, подчеркнем важность того, что сначала необходимо установить и поддерживать тесные отношения РФ и государств Центральной Азии и только потом, на этой основе, в дополнение к этому, но не в противовес и не взамен этого возможно приемлемое для России сотрудничество с КНР в том, что касается Центральной Азии.

9–10 декабря 1999 года Ельцин по приглашению посетил Китай; главы двух государств выступили с совместным заявлением и с совместным коммюнике для печати. Министры иностранных дел подписали «Протокол между КНР и РФ — описание восточного участка государственной границы между двумя государствами», «Протокол между КНР и СССР — описание западного участка государственной границы между двумя государствами» и «Соглашение КНР и РФ относительно совместного хозяйственного использования некоторых островов и прилегающих к ним акваторий на пограничных реках».

В декабре 1999 года состоялся последний официальный визит президента РФ Б. Н. Ельцина в КНР. Глава нашего государства счел необходимым подчеркнуть, что именно Китай, отношения России и Китая являются приоритетом во внешней политике нашей страны.

Этот визит состоялся в обстановке, когда США пытались пригрозить нашей стране в связи с событиями в Югославии.

Б. Н. Ельцин в этот момент находился в Пекине. Он был в известной степени интуитивным политиком. Вот и в данном случае он в присутствии того же Чжу Жунцзи, как бы дав ему ответ на его выпад в Москве, перед журналистами заговорил о том, что он проснулся ночью и сначала не понял, где он. Потом подумал и понял, что у друзей.

Далее Б. Н. Ельцин говорил о том, что президент США Клинтон не должен забывать о том, каким ракетно-ядерным потенциалом обладает Россия. По мнению Б. Н. Ельцина, дела в мире будет решать не в одиночку американский президент, они будут решаться так, как договорятся между собой Россия и Китай.

Это высказывание Б. Н. Ельцина было его политическим завещанием по вопросу об отношениях в треугольнике Россия — Китай — Америка и в особенности в наших двусторонних отношениях с Китаем.

Суть позиции Б. Н. Ельцина состояла в том, что в Китае должны глубоко осознать, что относиться к нам следует исключительно как к другу. В этом случае возможны договоренности между нами. Вообще же никто в мире не должен забывать о том, каким ракетно-ядерным потенциалом обладает Россия.

Эти слова Б. Н. Ельцин формально обратил к США, но он сделал это так, чтобы их услышали прежде всего в Китае.

Очевидно, что именно на этом фоне следует и рассматривать уступки, которые наша сторона сделала тогда в пограничных вопросах, разрешив свободное плавание китайских судов мимо города Хабаровска в наших территориальных водах.

1 января 2000 года Цзян Цзэминь направил устное послание Путину, поздравив его с вступлением на пост исполняющего обязанности президента РФ.

3 января 2000 года Ельцин говорил по телефону с Цзян Цзэминем и попрощался с ним.

5 июля 2000 года во время встречи в Душанбе глав государств «Шанхайской пятерки» состоялась встреча Цзян Цзэминя с Путиным; во время завтрака стороны обменялись мнениями по широкому кругу интересующих их вопросов.

История наших двусторонних отношений продолжилась и в двадцать первом веке. В РФ исполняющим обязанности президента, а затем и президентом стал В. В. Путин.

Ему пришлось в том же году, в котором он начал действовать в качестве президента РФ, соприкоснуться с партнерами из КНР.

В КНР, очевидно, было принято решение прежде всего воздействовать на нового президента РФ, подчеркивая признание его личных качеств. Вместе с тем китайская сторона без перерыва продолжала линию на активную политику в отношении России. При этом проявлялось стремление так или иначе побудить второго президента РФ следовать за Пекином.

С 17 по 19 июля 2000 года Путин посетил Китай, главы обоих государств подписали «Пекинскую декларацию Китая и России», а также совместное заявление по вопросу о ПРО и семь других соглашений между правительствами и министерствами.

21 июля 2000 года Цзян Цзэминь по приглашению говорил по горячей линии с Путиным, состоялся обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений и по международным вопросам.

21 августа 2000 года Цзян Цзэминь позвонил Путину, выразив соболезнование в связи с гибелью 118 моряков подводной лодки «Курск».

6 сентября состоялась встреча и беседа Цзян Цзэминя и Путина, присутствовавших на сессии ГА ООН, посвященной (прошедшему) тысячелетию.

Вторая половина 2000 года была наполнена контактами между главами двух государств. При этом инициатива исходила с китайской стороны. Возможно, что в Пекине после внимательного изучения личных качеств нового главы в РФ был сделан вывод о предпочтительности тактики активной работы с ним, внесения многочисленных предложений.

Самым главным из них было предложение о заключении нового договора между двумя государствами.

Китайская сторона знала, что наша сторона всегда в принципе выступала и выступает за существование документа, определяющего принципы наших двусторонних отношений.

В 1980 году истек срок действия договора 1950 года. Китайская сторона, выполняя волю Дэна, прекратила действие этого договора после истечения его срока.

Затем на протяжении 20 лет между нами не было договора.

И вот совершенно неожиданно для нашей стороны при первой же личной встрече с В. В. Путиным, когда тот в первый раз посетил Пекин в качестве президента РФ, Цзян Цзэминь предложил разработать и заключить новый двусторонний договор. Цзян Цзэминь также предложил, чтобы стороны сразу же условились, что договор будет заключен через год, то есть в 2001 году.

Второй президент РФ, не раздумывая, согласился с этими предложениями.

История наших двусторонних отношений свидетельствует о том, что в них не нужно торопиться, необходимо проявлять терпение и самым внимательным образом изучать любое предложение партнера, добиваясь самого глубокого проникновения в смысл каждой формулировки, каждого термина, чтобы понять сокровенную суть позиции партнера.

Предложение партнера всегда следует обдумать и принимать решение уже как согласованный компромисс, учитывающий мнение обеих сторон. Этого сделано не было.

Китайская сторона прочно взяла инициативу в свои руки. Она предложила заключить договор. Она предложила отвести на его разработку всего один год. Она внесла впоследствии проект договора.

Наши чиновники оказались в сложном положении и представили проект китайской стороны без существенных дополнений на рассмотрение второго президента РФ.

Чиновники из МИД РФ при этом, очевидно, исходили из того, что новый президент настроен таким образом, чтобы полностью удовлетворять пожелания партнера. Поэтому и проект договора был представлен президенту именно как пожелание партнера.

С 11 по 19 сентября 2000 года председатель ПК ВСНП Ли Пэн посетил РФ.

19 октября 2000 года в Пекине состоялось третье заседание Китайско-Российского комитета дружбы, мира и развития; Цзян Цзэминь пригласил председателя комитета с советской стороны; заместитель председателя Ху Цзиньтао встретился со всей делегацией российской стороны.

С 3 по 4 ноября 2000 года председатель правительства РФ Касьянов посетил Китай; во время визита стороны подписали «Коммюнике пятой регулярной встречи глав правительств Китая и России», «Протокол четвертой регулярной встречи глав правительств России и Китая».

В 2000 году китайская сторона уделяла особое внимание приему наших делегаций. С ними встречались первые руководители КНР.

Третье тысячелетие началось также с подчеркивания китайской стороной значения регулярных встреч глав правительств обеих стран.

Собственно говоря, китайская сторона начала работу с государственными руководителями РФ в 2000-х годах с двух мероприятий.

Во-первых, с продвижения своего текста нового договора между нами, в котором зафиксированы основные принципы отношений, во взаимоотношениях глав двух государств, то есть в работе со вторым президентом РФ.

Во-вторых, с активизации работы по линии глав правительств с тем, чтобы продвигать в области практических взаимосвязей интересы китайской стороны.

15 ноября 2000 года Цзян Цзэминь провел отдельную встречу с присутствовавшим на неформальной встрече руководителей АТЭС... Путиным.

19 февраля 2001 года министр иностранных дел Китая Тан Цзясюань говорил по телефону с министром иностранных дел РФ; состоялся обмен мнениями по взаимно интересующим вопросам.

4 апреля заместитель министра иностранных дел Чжан Дэгуан провел в Пекине третий раунд китайско-российских консультаций по вопросам политической стабильности с заместителем министра иностранных дел РФ.

С 29 апреля по 1 мая 2001 года Тан Цзясюань посетил РФ; министры иностранных дел обоих государств подписали протокол, подтвердив единство мнений по тексту «Договора между КНР и РФ о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве».

Таким образом, с одной стороны, Цзян Цзэминь продолжал осуществлять тактику постоянных встреч при всех возможных случаях с новым президентом России.

В то же время необычную активность проявил министр иностранных дел КНР. Он говорил по телефону с министром иностранных дел РФ. Очевидно, что речь шла о разъяснении желательности для китайской стороны принятия нами ее предложений по тексту нового договора.

Китайская сторона представила этот текст в конце 2000 года. 1 мая 2001 года китайская сторона добилась согласования текста этого документа. Таким образом, на его разработку ушло менее года.

Текст договора полностью устраивал китайскую сторону. Внешне, при первом взгляде, он был приемлем и для нашей стороны.

Все дело в том, что те или иные формулировки, предложенные китайской стороной, при том или ином повороте событий могут трактоваться ею по своему усмотрению.

При согласовании совместных документов с китайской стороной желательно всегда добиваться компромиссных решений, которые отражали бы интересы обеих сторон.

14 июня 2001 года на основе «Шанхайской пятерки государств» была создана «Шанхайская организация сотрудничества»; Цзянь Цзэминь и Путин встретились во время первой встречи глав государств ШОС; состоялся обмен мнениями по двусторонним отношениям и интересующим стороны вопросам.

Итак, на протяжении первого и второго года пребывания на посту второго президента РФ китайская сторона начала осуществлять активный и инициативный курс своей политики в отношении нашей страны.

Цель при этом состояла в том, чтобы поставить нашу сторону в пассивное положение. Вести Россию за собой и по возможности контролировать и ограничивать ее самостоятельные действия, если они будут представляться не отвечающими интересам КНР.

Китайская сторона загрузила наших чиновников предложениями по трем главным в то время направлениям развития наших отношений: отношения между национальными лидерами; отношения между главами правительств; отношения применительно к государствам Центральной Азии, имеющим общую границу с КНР.

Во-первых, китайская сторона предложила заключить новый договор между РФ и КНР и внесла проект его текста, добиваясь принятия его нашей стороной.

Во-вторых, она активизировала работу механизма связи между главами правительств обеих сторон, добиваясь выгодных для себя решений.

В-третьих, она взяла в свои руки инициативу в политике обеих стран в Центральной Азии.

По предложению китайской стороны еще в 1990-х годах была создана так называемая «шанхайская пятерка» из КНР, РФ, Казахстана, Киргизии и Таджикистана.

В 2001 году китайская сторона решила опередить возможных конкурентов и сформировать международную организацию упомянутых пяти государств.

Это и произошло в Шанхае в 2001 году. По имени города, где это случилось, структура была названа Шанхайской организацией сотрудничества.

Так название китайского города, далекого от Центральной Азии и даже не столицы КНР, стало названием организации, созданной по инициативе китайской стороны.

Номинально организация была создана для координации сотрудничества этих государств. Однако думается, что китайская сторона сделала это, и имея в виду свои намерения поставить под определенный контроль действия России в этом регионе.

В реальной жизни в 2000-х годах Россия оставалась пассивной, а КНР со временем стала все более активно развивать как двусторонние отношения с государствами региона, так и связи с прилегающими государствами, то есть с Узбекистаном и Туркменией.

С 15 по 18 июля 2001 года Цзян Цзэминь посетил РФ; главы государств подписали «Договор между КНР и РФ о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», а также выступили с «Совместным Московским заявлением глав государств КНР и РФ».

16 июля 2001 года в Москве президент РФ В. В. Путин и председатель КНР Цзян Цзэминь подписали Договор между РФ и КНР о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Цзян Цзэминь в следующем, 2002 году должен был уступить пост национального лидера Китая Ху Цзиньтао. Очевидно, еще и поэтому он хотел оставить свое имя в истории как того, кто от имени КНР подписал упомянутый договор.

В этом договоре содержалось следующее положение: «обе стороны с удовлетворением констатируют отсутствие взаимных территориальных претензий».

На самом деле и после подписания этого договора китайская сторона настаивала на том, что Россия, дескать, должна «вернуть» ей острова у города Хабаровска и на реке Аргунь. Это означало, что свои запросы китайская сторона считала «справедливыми и рациональными требованиями», а позицию нашей стороны и относила к тем «претензиям», о которых шла речь в договоре 2001 года.

На собрании в Москве Цзян Цзэминь выступил с разъяснением своего видения содержания этого договора.

Он, в частности, выдвинул призыв «всегда быть друзьями», «никогда не быть врагами», «никогда не быть в союзе».

Это означало, что Цзян Цзэминь нашел формулу, с помощью которой он подтверждал верность установкам Мао и Дэна, с точки зрения которых наша страна якобы была в истории «врагом» Ки-

тая, а договор 1950 года о дружбе, союзе и взаимной помощи был якобы «неравноправным» договором.

Президент РФ В. В. Путин ничего не сказал на этом собрании, предоставив слово Цзян Цзэминю.

18 сентября 2001 года Цзян Цзэминь имел разговор по телефону с Путиным относительно террористического акта «11 сентября». Обе стороны сочли, что терроризм представляет собой серьезную угрозу миру и стабильности во всем мире, стал серьезным общественным злом; в вопросе о терроризме чрезвычайно необходимо и актуально международное сотрудничество.

20 октября 2001 года Цзян Цзэминь в Шанхае встретился с президентом Путиным, приехавшим для участия в форуме АТЭС.

Китайская сторона в связи с событиями 11 сентября 2001 года в США подчеркнула свое желание, чтобы в РФ так же, как в КНР, считали международный терроризм «серьезным общественным злом».

Здесь обращает на себя внимание то, что, с точки зрения китайской стороны, о терроризме можно разговаривать только как о чем-то присущем «обществу», а не тем или иным международным силам и даже политике тех или иных государств. Терроризм — это общая угроза всему мировому сообществу, сообществу всех наций, сообществу государств.

Во всяком случае, и тут нашей стороне необходимо, во-первых, иметь свое понимание того, как нужно смотреть не просто на терроризм или терроризм в обществе, а на международный терроризм, выделять его как отдельный объект борьбы против него и со стороны ООН, и со стороны всего мирового сообщества, и, во-вторых, как можно глубже разобраться в том, что имеет в виду китайская сторона, давая свое определение терроризма.

С 25 по 29 октября 2001 года в Москве состоялось четвертое заседание Китайско-Российского комитета дружбы, мира и развития. Стороны обсудили вопрос о воплощении в жизнь духа «Договора между КНР и РФ о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» и внесли ряд конкретных предложений. На заседании был принят план работы на 2002 год.

Китайская сторона продолжила практику внесения своих предложений по плану работы обеих сторон во исполнение тех или иных

решений. В данном случае в целях воплощения в жизнь договора 2001 года. При этом речь шла о договоре, который еще не был ратифицирован обеими сторонами. И в этом случае наша сторона оказывалась в пассивном положении.

С 27 по 28 октября 2001 года заместитель председателя КНР Ху Цзиньтао посетил РФ.

Визит будущего генерального секретаря ЦК КПК и председателя КНР в нашу страну накануне его вступления на эти посты заложил традицию посещения нашей страны будущим национальным лидером Китая.

28 февраля 2002 года Китай и Россия обменялись ратификационными грамотами подписанными главами обоих государств «Договора между КНР и РФ о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве»; с этого момента договор официально вступил в силу.

Так была установлена практика, в соответствии с которой законодательные органы РФ не обсуждают проекты договоров и соглашений с Китаем, но лишь одобряют их уже после их подписания.

С 1 по 3 декабря 2002 года президент Путин совершил визит в Китай, было опубликовано «Совместное заявление Китая и России» за подписями глав государств.

С 27 по 31 мая 2003 года председатель КНР Ху Цзиньтао совершил государственный визит в РФ. Провел переговоры, главным образом о сотрудничестве в области нефти и природного газа; с 30 по 31 мая председатель Ху Цзиньтао присутствовал на праздновании 300-летия Санкт-Петербурга.

26 декабря 2003 года главы обоих государств определили 2004 год как Год дружбы между молодежью Китая и России.

Обмены визитами глав государств стали регулярными.

Китайская сторона использовала эти встречи для продвижения своей заинтересованности в природных ресурсах России, прежде всего в нефти и газе.

Как бы в обмен на удовлетворение экономических потребностей китайская сторона участвовала в мероприятиях в РФ, носивших пропагандистский и агитационный характер. Ху Цзиньтао побывал

на праздновании 300-летия Санкт-Петербурга даже несмотря на то, что во время состоявшихся церемоний президент РФ уделял главное внимание другим главам государств и правительств, а не председателю КНР.

Стороны начали все острее ощущать, что связи между чиновниками на высшем и высоких уровнях удалось наладить хотя бы в формально-протокольном отношении. В то же время разрыв между широкими слоями населения той и другой страны продолжал расширяться и углубляться.

В поисках путей преодоления такого разрыва и возникли планы проведения, в частности, Года дружбы между молодежью России и Китая в 2004 году.

Хотя, конечно, в том, что китайская сторона, возможно, была инициатором этого предложения или согласилась с ним, просвечивало большое беспокойство в КПК и в КНР тем, как будут относиться к Китаю подрастающие поколения людей России.

Это действительно большой вопрос. Он, конечно же, относится и к китайской молодежи. Это — двусторонний вопрос.

Думается, что главное тут не в проведении тех или иных мероприятий, хотя и они играют свою роль, а в том, чтобы главы государств глубоко обменялись мнениями о том, в чем действительные причины возникшего и углубляющегося недоверия друг к другу народов наших двух стран и что необходимо сделать каждой стороне, как изменить свою политику с тем, чтобы содействовать установлению взаимного доверия между нашими странами и народами.

С 14 по 16 октября 2004 года Путин нанес визит в Китай, состоялась встреча с Ху Цзиньтао. Главы двух государств утвердили «Программу осуществления Договора между КНР и РФ о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве на 2005–2008 годы»; Китай и Россия подписали «Дополнительное соглашение между КНР и РФ о восточном участке границы».

2 июня 2005 года министры иностранных дел Китая и России обменялись ратификационными грамотами «Дополнительного соглашения между КНР и РФ о восточном участке границы».

В первом десятилетии двадцать первого века сторонам удалось сделать два шага, отвечавших совпадавшим национальным интересам сторон.

Во-первых, в 2001 году был подписан Договор между РФ и КНР о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Значимость этого шага

определялась самим фактом появления договора, закреплявшего принципы отношений между сторонами.

Стороны согласовали и подписали программу осуществления договора на ближайшие годы. В организационном плане это может помогать развитию отношений.

Однако существует необходимость еще более глубоко обмениваться мнениями о содержании договора, о том, как его трактует каждая сторона, и находить приемлемые для обеих сторон трактовки положений договора.

Во-вторых, в 2004 году стороны пришли к компромиссу относительно островов на реке Аргунь и у города Хабаровска.

Главное достижение при этом состояло в том, что впервые за четырехсотлетнюю историю наших двусторонних отношений появилась линия прохождения границы на всем ее протяжении без изъятий, с которой были согласны обе стороны и которая была закреплена в двусторонних соглашениях.

Достичь этого решения нашей стороне удалось, только пойдя на уступку.

В договорно-правовом смысле все упомянутые острова, бесспорно, принадлежали России.

Однако оставлять линию границы с «перерывами» на ней было вредно и опасно для будущего наших отношений.

Пришлось поделить острова, принадлежавшие России.

Взамен мы получили линию прохождения границы на всем ее протяжении, согласованную обеими сторонами, что было подтверждено в соответствующих документах.

Китайская сторона при достижении этого соглашения отказалась от претензий на все эти острова и удовлетворилась их большей частью.

После подписания соответствующего соглашения обе стороны получили возможность в официальном порядке обменяться заявлениями о том, что теперь пограничный вопрос, доставшийся от истории, полностью решен. Китайские СМИ сообщали, что второй президент РФ в связи с этим сказал, будучи в КНР, что в этом вопросе поставлена точка.

Ситуация, в которой обе стороны делают подобные заявления, может позволять при обоюдном желании сторон не поднимать иные вопросы, связанные с границей, или вопросы пограничного характера и сосредоточиться на других проблемах.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что китайская сторона продолжает придерживаться той точки зрения, что Россия еще

должна признать «неравноправный» характер договоров о границе. В связи с этим еще может встать, причем по инициативе китайской стороны, вопрос о новом общем договоре о границе на основе ныне имеющихся соглашений о прохождении линии границы.

Кроме того, наша сторона заинтересована в заключении договора о режиме границы. Китайская сторона пока соглашается лишь уточнять соглашение, а не заключать договор о режиме границы. С точки зрения органов наркоконтроля РФ, ныне действующее соглашение о режиме границы не позволяет поставить непреодолимую преграду, в частности, на путях с каждым годом увеличивающейся в масштабах доставки в нашу страну из КНР наркотических средств.

Наконец, продолжает существовать, по крайней мере формально, вопрос о недоверии сторон друг к другу в военном отношении на границе и в приграничных районах.

Именно поэтому китайская сторона навязала нашей стороне, да и трем государствам Центральной Азии — Казахстану, Киргизстану, Таджикистану, соглашение о стокилометровой полосе вдоль границы, в которой стороны обязаны сократить вооружения и вооруженные силы и осуществить то, что именуется мерами доверия.

Наша сторона в принципе не согласна с тезисом Дэна о том, что мы, дескать, представляли военную угрозу для Китая.

На этом тезисе было построено требование к нам подписать упомянутое соглашение.

Поэтому было бы целесообразно для улучшения наших отношений обеим сторонам заявить, что прошло много лет, соглашение выполнило свои задачи, военное доверие между сторонами существует и не подвергается сомнению, поэтому соглашение прекращает свое действие. Стороны переносят внимание к доверию в международных отношениях с вопроса о доверии между собой на вопрос о доверии в том или ином регионе планеты.

С 30 июня по 3 июля 2005 года Ху Цзиньтао посетил РФ. 1 июля главы обоих государств подписали «Совместное коммюнике КНР и РФ о мировом порядке в XXI веке», направленное на укрепление международного сотрудничества, выдвинули состоящую из 12 пунктов программу создания в XXI веке нового международного порядка; обе стороны официально заявили: 2006 и 2007 годы Китай и Россия взаимно будут считать «Годами дружбы между государствами».

С 18 по 25 августа 2005 года Китай и Россия на территории Китая провели объединенные военные учения «Миссия мира — 2005».

В 2005 году китайская сторона продолжала активно действовать, добиваясь закрепления складывавшегося положения, при котором Россия в том, что касалось общего подхода к состоянию дел на земном шаре, следовала за КНР. Китайская сторона навязала нашей стороне свой термин «новый мировой или международный порядок в двадцать первом веке».

Конечно, всегда есть то, что можно улучшать и что необходимо изменять в сложившемся порядке вещей. Можно согласовывать при этом и двусторонние взгляды, подходы, действия.

Однако желательно, чтобы формулировки в совместных документах либо делились на две части, каждая из которых отражала бы позицию одной из сторон, либо были составлены таким образом, чтобы в них присутствовали взгляды обеих сторон.

Подход, который проявляет в первом десятилетии двадцать первого века наша сторона, состоящий, как представляется, в том, что можно и целесообразно идти навстречу китайской стороне и принимать предложенные ею формулировки, но действовать по-своему, а в случае необходимости выдвигать и свои взгляды и подходы, свою трактовку положений документов, подписанных обеими сторонами, представляется таящим в себе непредсказуемые повороты событий и отношений.

Думается, что в 2005 году сначала было принято правильное решение считать два следующих года «Годами дружбы» между Россией и Китаем. В принципе, а не только применительно к данному случаю желательно также, чтобы такие годы проводились, причем речь при этом целесообразно вести именно о дружбе между народами и странами, а не только между государствами.

Думается, что по предложению китайской стороны возникла договоренность о проведении объединенных военных учений. Эти учения тогда первоначально были названы «Миссией дружбы».

Таким образом, складывается впечатление, что в начале второго срока пребывания на посту второго президента РФ китайская сторона, с одной стороны, настаивала и настояла на принятии нашей стороной ее формулировки о «новом международном порядке». В обмен на это китайская сторона сначала согласилась проводить «годы дружбы» и объединенные военные учения под девизом «Миссия дружбы».

Иными словами, получался обмен признания Россией за китайской стороной роли ведущего в сфере общего подхода к международным отношениям на согласие китайской стороны говорить о дружбе и между двумя государствами, и между вооруженными силами обоих государств.

«Китайский порядок в мире в обмен на дружбу между Россией и Китаем» — вот суть договоренностей 2005 года между главами государств — РФ и КНР.

В третьей декаде марта 2006 года Путин посетил КНР. Вместе с председателем Ху Цзиньтао председательствовал на церемонии открытия «Года России»; главы двух государств подписали совместное заявление.

В мае 2006 года состоялось заседание совместного комитета парламентов обоих государств — КНР и РФ.

В третьей декаде марта 2007 года председатель КНР Ху Цзиньтао и президент Путин совместно председательствовали на церемонии открытия «Года Китая»; главы государств подписали заявление.

С 9 по 17 августа 2007 года ШОС на территории РФ провела совместные учения «Миссия мира — 2007».

События 2006 и 2007 годов показали, что китайская сторона применяет известный из истории прием. Сначала что-то обещает в обмен на реальное согласие партнера с ее пожеланиями, а потом, добившись выполнения ее пожеланий, отказывается от своих обещаний или переиначивает их.

Так получилось и на сей раз.

Китайская сторона неотступно заставляла нашу сторону подтверждать согласие с ее идеей нового международного порядка, определявшей многое в действиях на мировой арене. В то же время китайская сторона в эти годы убрала термин «дружба» из наших отношений.

Годы «дружбы» китайская сторона превратила в просто безличные «годы государств», годы без названия. Объединенные военные учения китайская сторона на практике стала проводить не под предложенным ею же самой изначально девизом «Миссия дружбы», а стала называть их «Миссией мира». Это означало, что китайская сторона стремилась продемонстрировать США и другим государствам, что не «дружба» объединяет КНР и РФ, а всего лишь «мир».

Нашей стороне пришлось довольствоваться ролью «послушного ученика», которого «старший» или «учитель» заставляет то писать слово «дружба», то стирать это слово.

Думается, что все это связано с выводами, которые в КПК и в КНР к этому времени сделали, тщательно изучив то, что произошло в нашей стране в 1991 году, а также отследив путь России после этих событий.

Возможно, что китайская сторона приняла решение, во-первых, пересмотреть весь вопрос о дружбе между нами, в том числе и о дружбе в истории наших отношений. Во-вторых, китайская сторона стала исходить из того, что в России идет процесс «переосмысления» отношения к тому, что произошло в 1991 году. Китаю в связи с этим следовало подождать и понаблюдать. В то же время КНР имеет возможности постоянно оказывать нажим на нашу сторону, исходя исключительно из своих интересов в тот или иной момент истории.

Та же тенденция наблюдается и в конце первого десятилетия двадцать первого века.

В 2009 году был проведен Год русского языка в Китае. В 2010 году проведен Год китайского языка в России.

Это лишний раз подтвердило то, что китайская сторона стремится пересмотреть историю отношений с нашей страной. Исключить из нее весь реестр добрых дел, которые Россия совершила для Китая в двадцатом столетии.

Китайская сторона сделала в начале первого десятилетия двадцать первого века жест: подписала Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве с РФ.

Думается, что если бы китайская сторона действовала в соответствии хотя бы даже с наименованием этого договора, тогда было бы логичным проведение последовательно Года добрососедства между Россией и Китаем, Года дружбы между Россией и Китаем, Года сотрудничества между Россией и Китаем. С упором на историю каждого из этих понятий, на современное состояние отношений с этой точки зрения и на будущее наших отношений с той же точки зрения.

Ничего такого в наших отношениях не происходит. Понятие дружбы осталось на бумаге и практически изымается китайской стороной при непротивлении нашей стороны из реальной современной политики, из современных двусторонних отношений.

В сентябре 2009 года третий президент РФ Д. А. Медведев и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали программу сотрудниче-

ства на 2009–2018 годы между районами Восточной Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и северо-востоком Китайской Народной Республики.

Содержание многочисленных конкретных пунктов этой программы говорит о том, что она составлена на основе проекта китайской стороны. Китайская сторона тщательно подготовила список объектов на территории РФ, которые ей выгодно создавать, которые будут приносить или только исключительную выгоду китайской стороне, или по преимуществу выгоду китайской стороне.

В программе чувствуется также, что китайской стороне удалось через свое лобби в нашей стране, через, так сказать, китайских компрадоров в нашей стране вставить в программу пункты, которые дают выгоду китайской стороне, номинально являясь предложениями нашей стороны.

Ощущается также, что эта программа не разрабатывалась тщательно и всесторонне в нашей стране.

Не случайно в нашей стране появлялись утверждения, что осуществление такой программы будет означать фактическую передачу китайской стороне природных ресурсов нашей Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В 2010 году китайская сторона построила туннель под рекой Амур для того, чтобы по нему прошел нефтепровод из РФ в КНР. Теперь из КНР в РФ можно пройти пешком, а возможно, и проехать по этому туннелю. Весь туннель построен силами Китая. Очевидно, что и сам туннель, и вход в него на нашей стороне также принадлежат КНР. Это проявление неравноправия в наших отношениях, а также нарушение соглашения о прохождении линии границы.

В сентябре 2010 года наша сторона завершила строительство нефтепровода до реки Амур. Затем было завершено строительство нефтепровода китайской стороной до реки Амур.

В ноябре 2010 года был введен в действие нефтепровод в КНР из РФ.

Наша сторона обязалась перекачивать в КНР 15 миллионов тонн нефти ежегодно по этому нефтепроводу.

СМИ писали о том, что наша сторона предлагала построить на нашей территории нефтеперерабатывающий завод, чтобы продавать в КНР продукты переработки нефти.

Китайская сторона опять-таки применила все тот же прием, когда первоначально предложение нашей стороны как бы принимается.

Затем китайская сторона переиначила свою позицию, предложив построить такое совместное перерабатывающее предприятие в Тяньцзине.

Наша сторона согласилась, исходя из того, что продукты переработки тогда, дескать, легко будет продавать через морской порт Тяньцзиня.

Однако затем китайская сторона сказала, что это можно будет сделать, только если наша сторона будет поставлять в КНР не 15, а 30 миллионов тонн нефти ежегодно.

Затем было сообщено, что стороны договорились о строительстве упомянутого нефтеперерабатывающего завода в Тяньцзине. 51 % акций будет принадлежать китайской стороне, 49 % — российской стороне. На завод будет поставляться ежегодно 10 миллионов тонн нефти. Цена ее будет «несколько выше», чем цена упомянутых 15 миллионов тонн нефти, поставляемых в КНР ежегодно по этому нефтепроводу. Было также сказано, что китайская сторона будет совладельцем и того нефтеперерабатывающего завода, который предполагается построить на берегу Тихого океана после того, как туда будет протянут нефтепровод.

Упомянутый нефтепровод, если исходить из интересов России, должен снабжать нефтью районы нашего Дальнего Востока: Хабаровск и Владивосток. Однако до сих пор этого не происходит. Нет и выхода нефтепровода на берег Тихого океана, что давало бы возможность продавать нефть другим странам.

В принципе ощущается, что китайская сторона не согласна вкладывать деньги в строительство предприятий, которые обрабатывали бы природные ресурсы России на территории России, а затем свою продукцию продавали другим государствам, в частности КНР. Более того, в последнее время в КНР приняты меры с тем, чтобы сделать более строгим режим инвестиций зарубежных стран в Китае.

Китайская сторона даже выдвигает условие: если Россия согласится на въезд в нашу страну беспрепятственно китайской «рабочей силы», тогда КНР, может быть, и будет инвестировать средства в создание неких предприятий на земле России. Ныне все более проявляется намерение китайской стороны строить предприятия на территориях других государств при условии, что рабочая сила для них будет ввозиться из КНР.

Китайская сторона создает сеть железных, шоссейных дорог из Китая в нашу страну.

Есть план строительства железнодорожного моста в Биробиджане для вывоза из нашей страны горнорудных ископаемых. И

здесь китайская сторона ведет себя подобным образом: руду она согласна по упомянутому железнодорожному мосту вывозить в Китай, а перерабатывать эту руду будут металлургические предприятия в Китае.

Согласовано строительство шоссе протяженностью более 200 километров из СУАР через Монголию в Россию.

Из КНР теперь через Казахстан в направлении нашей страны ведут две железные дороги с пограничными казахстанско-китайскими пунктами Дружба и Хоргос.

Китайская сторона построила шестиполосное шоссе до китайско-казахстанской границы и снабдила Казахстан деньгами на строительство почти трех тысяч километров шоссе через Казахстан к границе с Россией.

Существуют планы строительства дорог из Китая в Европу через Казахстан и Украину в обход России.

В 2009 году в Москве был закрыт крупный оптовый и розничный Черкизовский рынок, или Черкизон.

На протяжении более десяти лет в столице России существовал стотысячный анклав граждан КНР. На территорию анклава не имели доступа российские власти. Торговля через этот рынок и его филиалы или подсобия по всей России давала китайской стороне не меньше десяти миллиардов долларов прибыли ежегодно.

Может возникать вопрос о том, как именно эти деньги физически перебрасывались в КНР.

При этом китайская сторона провозила товары в нашу страну практически в обход таможи. Взятки на таможе китайская сторона платила потому, что это было ей выгодно.

Такая ситуация была создана как следствие попустительства со стороны наших властей и поощрения со стороны властей КНР.

Существование замкнутого китайского анклава в Москве со временем создало у жителей Москвы неприязненное отношение к его китайским обитателям, потому что они ведут себя в нашей стране с каждым годом все более нагло, как хозяева, а это нетерпимо для граждан РФ.

Черкизон и подобные ему анклавные рынки, особенно из-за поведения на нашей земле граждан Китая, да и действий китайских властей, которые пытаются защищать незаконные действия китайцев, играют отрицательную роль, сея рознь между нашими народами, углубляя недоверие между людьми России и КНР.

В первом десятилетии двадцать первого века, особенно во второй его половине, в КНР развернута широкая кампания воспитания населения в духе вражды к нашей стране.

Появились описания так называемых «традиционной русской политической культуры» и «мышления русского человека».

Суть этих описаний сводится к утверждению, что политика России, всех государств, существовавших в России на протяжении последних пятисот лет, то есть в досоветское, советское и послесоветское время, — экспансионизм, агрессивность, захват чужой, особенно китайской, территории.

Это, дескать, усугубляется идеологией Русской православной церкви, которая призывает русских покорить весь мир.

Идеология русского человека, русских как нации рисуется в современной КНР как стремление господствовать везде и всюду в мире. Проводниками этой идеологии в китайских СМИ называют не только «национал-патриотов» и Г. А. Зюганова, но и Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева.

Заодно в современной КНР пересмотрели отношение к Ленину и Октябрьской революции.

Если раньше Ленина отделяли от других вождей КПСС, то теперь утверждают, что он точно так же, как и остальные, не признавал «неравноправного» характера договоров о границе и не собирался отдавать Китаю якобы «захваченные» у него Россией территории, а исходил из упомянутых государственных интересов России.

Октябрьскую революцию 1917 года в современной КНР считают событием, которое только подстегнуло излишнее самомнение русских. Они, дескать, как сказал Мао, из-за этого «слишком высоко подняли свой хвост». Мао также утверждал, что Россия, в отличие от Китая, это «империализм». (Эти высказывания Мао были опубликованы в 1990-х годах.)

Таким образом, происходит процесс воспитания населения КНР в духе, содействующем тому, чтобы рвались все нити, которые в истории связывали наши страны.

В современной КНР много пишут о «войнах» между нашими странами. Особенно оправдывают «пограничную войну» Мао против нас в 1969 году на острове Даманском и в других местах.

Складывается впечатление, что тем самым хотят внушить населению КНР, что применение оружия против нашей страны и народа «было и остается делом естественным».

Подводя итоги, необходимо отметить, что в начале двадцать первого века руководители РФ и КНР выражают удовлетворение состоянием двусторонних отношений.

Вместе с тем ощущается необходимость принятия мер властями обеих сторон с той целью, чтобы установить доверие во взаимоотношениях на уровне масс населения.

Процесс взаимного приспособления России и Китая друг к другу продолжается и требует времени и усилий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Нашему соседству с Китаем 400 лет. История двух наших народов сложилась таким образом, что мы оказались «вечными» соседями.

В начале XX века сухопутная граница между нами, тогда Российской империей и Великой Цинской империей, была самой протяженной в мире и складывалась из трех частей:

восточного участка, то есть границы между Дальним Востоком России и китайской Маньчжурией, главным образом по пограничным рекам Амуру и Уссури;

центрального участка, то есть границы между Сибирью России и китайской Внешней Монголией;

и западного участка, то есть границы между Средней или Центральной Азией России и китайским Синьцзяном.

В XX веке произошли изменения. От Китая отделилась Монголия. В результате исчезновения СССР возникли центральноазиатские государства: Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Эти четыре государства теперь расположены между Россией и Китаем.

Граница между РФ и КНР в настоящее время, в XXI веке, состоит, главным образом из восточного участка границы, то есть из границы между Дальним Востоком России и северо-востоком Китая, и небольшого участка протяженностью около 55 километров на западе, от стыка границ РФ, Монголии и КНР до стыка границ РФ, Казахстана и КНР.

Наше соседство по сравнению с началом прошлого, то есть XX, века приобрело новый характер.

В этой связи наполнено новым содержанием и понятие «добрососедства».

Имеется в виду то, что теперь это соседство исключительно на Дальнем Востоке, но не в Центральной или Средней Азии.

Это требует, прежде всего, особого внимания к развитию Дальнего Востока нами самими. Думается, что было бы правильно предос-

тавить освобождение от налогов людям в приграничных районах с Китаем, по крайней мере, на весь нынешний век, а также принять законы, которые бы обеспечивали им свободу экономической жизни и деятельности.

Россия нуждается в экономически высокоразвитых и экономически сильных приграничных с Китаем районах.

Это, в частности, означает, что снабжать нефтью и газом, вообще природными ресурсами, нужно в первую очередь именно наши приграничные территории, а продавать исключительно и только с выгодой для нас нефть и газ, природные ресурсы другим государствам лишь по остаточному принципу, то есть при условии полного обеспечения наших собственных нынешних и будущих потребностей.

Налаживание нашего соседства и добрососедства при этом предполагает соблюдение обеими сторонами принципа вечного мира в наших двусторонних отношениях. Здесь основой для создания доверия между соседями мог бы стать новый общий договор о границе, который заменил бы все ныне действующие договоры о границе. Таким образом, из межгосударственных отношений был бы выведен вопрос о том, что в КНР именуют «неравноправными договорами».

Россия и Китай самоутверждаются заново, как народы и страны, как два общества, каждое с новым лицом. Россия, начиная с 1991 года, Китай, начиная с 1978 года. При этом каждый народ и каждая страна идет своим отдельным и самостоятельным путем. Отсюда возникает необходимость соблюдения принципа абсолютной самостоятельности и независимости в двусторонних взаимоотношениях, а также принципа полного равноправия или полного равенства сторон.

Новая ситуация требует взаимного приспособления. Это, собственно говоря, часть нынешнего всемирного процесса приспособления Китая ко всему остальному миру и всего остального мира к Китаю.

Процесс приспособления — это не соподчинение, то есть не подчинение России Китаю или интересов России интересам тех или иных политических руководителей Китая.

Россия и Китай находятся на разных ступенях развития.

В нынешней ситуации по-новому выглядит и термин сотрудничество. Можно обратить внимание на то, что в китайском языке термин «ХЭЦЗО — сотрудничество» используется при переводе на китайский язык слова «колхоз — ХЭЦЗОШЭ».

В свое время Мао Цзэдун обвинял нашу сторону в желании создать с Китаем «колхоз». Теперь необходимо не допускать зеркального отражения ситуации в пользу некоторых политических сил в Китае.

Сотрудничество между нами может осуществляться только при условии нашей полной самостоятельности, исключаящей какое бы то ни было подчинение наших интересов интересам тех или иных политических сил в Китае.

Одним словом, наше соседство должно основываться на принципах мира, самостоятельности и равенства. В будущем, когда истечет срок действия Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, было бы желательно заключить договор о (вечном) мире, (абсолютной) самостоятельности и (полном) равенстве между Россией и Китаем.

Отношения наших двух наций — России и Китая, — то есть наших двух народов и стран, а также временно представляющих их на протяжении того или иного исторического периода государств, складываются из двух частей: духовного взаимопонимания и материальных связей. Главной частью наших отношений, как двух соседей по планете, является духовное взаимопонимание. Материальные связи при всей их необходимости и важности — это лишь надстройка над фундаментом духовного взаимопонимания, которое предполагает согласие в вопросах совести и человечности. Духовное взаимопонимание между Россией и Китаем может быть и может стать прочным, прежде всего, при наличии такой договорно-правовой основы наших двусторонних отношений, как заключение двух договоров: нового общего договора о границе вместо всех ныне существующих договоров о границе, который обе стороны будут признавать равноправным, и договора о вечном мире во взаимоотношениях при признании обеими сторонами абсолютной независимости и самостоятельности соседа и полного равенства соседей, наших народов и стран, то есть наших наций — России и Китая.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ АВТОРА

«Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Май 1966 года — апрель 1969 года. В 4 кн.:

Книга 1. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Май — декабрь 1966 года. Академия наук СССР. Институт Дальнего Востока. Информационный бюллетень. Специальный выпуск. Для служебного пользования. М., 1974. 13,75 п. л.;

Книга 2. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Январь — июнь 1967 года. М., 1974. 15 п. л.;

Книга 3. «Культурная революция» в Китае. Июнь — ноябрь 1967 года. М., 1975. 14 п. л.;

Книга 4. Часть 1. Декабрь 1967 года — апрель 1969 года. М., 1977. 12,75 п. л.;

Книга 4. Часть 2. Декабрь 1967 года — апрель 1969 года. М., 1977. 15 п. л.

Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.) Институт Дальнего Востока Академии наук СССР (ИДВ АН СССР). М., 1988. 298 с.

«Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1. От октября 1917 г. до октября 1949 г. Т. 2. СССР и КНР (1949–1991 гг.) / Книга первая. Книга вторая. / Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН). М., 1992. 170 с., 140 с., 132 с.

Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 год. Часть 1. Студенчество и интеллигенция. Часть 2. Коммунистическая партия Китая.

Часть 3. Телесериал «Плач по реке». ИДВ РАН. М., 1995. Информационный бюллетень № 6, 7, 8. 121 с., 169 с., 88 с.

Чэнь Ицзы. Китай: десятилетие реформ. Ч. 1 и 2. Пер. с кит. и вступ. ст. Ю. М. Галеновича: «Неофициальная история реформ или исповедь китайского восьмидесятника». ИДВ РАН. М., 1996. Информационный бюллетень № 10, 11. 161 с., 147 с.

К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX века. ИДВ РАН. М., 1999. 139 с.

Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. М., 1999. Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ». (Серия «Научные доклады», выпуск 99.) 316 с. ISBN 5-98554-141-0; 5-93101-048-3.

Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши. М.: Муравей, 2000. 358 с. (Политические деятели Китая. XX век.) ISBN 5-89737-082-6.

Гибель Лю Шаоци. М.: Восточная литература РАН, 2000. 144 с. ISBN 5-02-018162-5.

Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге XXI века. М.: Изограф, 2000. 288 с. ISBN 5-87113-095-X.

Нации и государства: Сборник статей о китайско-американских отношениях. М.: ИДВ РАН, 2001. 184 с. ISBN 5-8381-0009-5.

Россия и Китай в XX веке: граница. М.: Изограф, 2001. 336 с. ISBN 5-87113-109-X.

Заметки китаеведа. М.: Муравей, 2002. 328 с. ISBN 5-89737-122-9.

Китайское чудо или китайский тупик? М.: Муравей, 2002. 144 с. ISBN 5-8463-0026-X.

Призрак Мао. М.: Время, 2002. 208 с. ISBN 5-94117-048-3.

Москва — Пекин, Москва — Тайбэй. И.: Изографус, 2002. 656 с. ISBN 5-94661-001-5.

- Самоутверждение сыновей Тайваня. М.: Муравей, 2002. 200 с. ISBN 5-8463-0105-3.
- Путешествие на родину Дэн Сяопина. М.: ИДВ РАН, 2002. 156 с. (Серия «Лидеры Китая XX века».) ISBN 5-8381-0049-4.
- Китай и сентябрьская трагедия Америки. М., 2002. Научно-образовательный ФОРУМ по международным отношениям. 168 с. ISBN 5-901981-04-9.
- Россия — Китай: шесть договоров. М.: Муравей, 2003. 408 с. ISBN 5-89737-127-X.
- От императора Николая II и императрицы Цыси до Ленина и Сунь Ятсена. М.: ИДВ РАН, 2003. 200 с. ISBN 5-8381-0071-0.
- Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М.: Муравей, 2003. 335 с. ISBN 5-89737-148-2.
- Смерть Мао Цзэдуна. М.: ИзографЪ, 2005. 672 с. ISBN 5-94661-081-3.
- Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. Политические лидеры Китая XX века. М.: Огни, 2005. 264 с. ISBN 5-9548-0037-5.
- Россия — Китай — Америка: От соперничества к гармонии интересов? М.: Русская панорама, 2006. 575 с. (Размышления историка.) ISBN 5-93165-1134-6.
- Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 392 с. ISBN 5-88451-189-2.
- Мао Цзэдун вблизи. М.: Русская панорама, 2006. 325 с. (Серия «Лидеры Китая».) ISBN 5-93165-158-6.
- Китайские метаморфозы. Китай на пороге XXI века. М.: Муравей, 2006. 384 с. ISBN 5-89737-181-4.
- Российско-китайские отношения (конец XIX — начало XXI в.). М.: ИДВ РАН, 2007. 272 с. ISBN 5-8381-0071-0.

- История КПСС и СССР в трактовке китайских ученых. М.: ИДВ РАН, 2007. 132 с. ISBN 978-5-8381-01237-3.
- Дао Ху-гуна. В 2 кн. Кн. 1. Жизненный путь Ху Яобана. М.: Русская панорама, 2008. 448 с. ISBN 978-5-93165-117-0.
- Дао Ху-гуна. В 2 кн. Кн. 2. Подвиг Ху Яобана. М.: Русская панорама, 2008. 540 с. ISBN 978-593165-118-7.
- Новое лицо Китая. Кн. I. Положение в партии. М.: ИДВ РАН, 2008. 376 с. ISBN 978-5-83891-0124-2. ISBN 978-8381-0120-4.
- Новое лицо Китая. Кн. II. Состояние общества. М.: ИДВ РАН, 2008. 376 с. ISBN 9788-5-83891-0124-2. ISBN 978-8381-01120-4.
- Новое лицо Китая. Кн. III. XVII съезд КПК: программа Ху Цзиньтао. М.: ИДВ РАН, 2008. 306 с. ISBN 9788-5-8381-0126-6. ISBN 978-8381-01210-4.
- Возвращение Лю Шаоци. М.: Русская панорама, 2008. 407 с. ISBN 978-5-93165-207-8.
- Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М.: ИДВ РАН, 2008. 372 с. ISBN 978-5-8381-0132-7.
- Сталин и Мао. Два вождя. М.: Восточная книга, 2009. 574 с. ISBN 978-5-7873-0454-1.
- Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. М.: Время, 2010. 304 с. ISBN 978-5-9691-0457-0.
- О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М.: ИДВ РАН, 2009. 85 с.
- Китайская мозаика. М.: ИДВ РАН, 2009. 415 с. ISBN 978-5-8381-0162-4.
- Китайские сюжеты: Чем доволен и недоволен Китай. М.: Восточная книга, 2010. 480 с. ISBN 978-5-7873-0522-7.

Троесловие: Сань-цзы-цзин / Пер. с кит., предисл. и послесл. Ю. М. Галеновича. М.: ИДВ РАН, 2010. 370 с. ISBN 978-5-8381-0178-5.

Пятьдесят лет с Китаем. М.: ВАГРИУС: Изограф, 2011. 352 с. ISBN 978-5-9697-0787-0.

Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Восточная книга, 2011. 416 с. ISBN 978-5-7873-0560-9.

История взаимоотношений России и Китая. В 4 кн. М.: СПСЛ: Русская панорама, 2011. (Серия «Размышления историка»). ISBN 978-5-93165-258-0 (общ.).

Книга I: Две нации — две трансформации (XVII — начало XX в.) и Книга II: Два государства — три партии (1917–1949 гг.). 464 с., карты. ISBN 978-5-93165-278-8 (кн. I–II).

Книга III: Один строй — два государства (1949–1991 гг.). Ч. 1: Главы 1–11. 464 с. ISBN 978-5-93165-279-5 (кн. III, ч. 1).

Книга III: Один строй — два государства (1949–1991 гг.). Ч. 2: Главы 12–21. 336 с. ISBN 978-5-93165-280-1 (кн. III, ч. 2).

Книга IV: Две нации — три партнера (1991 г. — начало XXI в.). 600 с., карта. ISBN 978-5-93165-281-8 (кн. IV).

Китайские интерпретации. М.: Восточная книга, 2011. 400 с. ISBN 978-5-7873-0594-4.

В КНР в 1999 году издательством «Сычуань жэньминь чубаньшэ» издана серия работ под общим названием «Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры». Серия состоит из следующих книг:

Нигула юй Цыси. Ленин юй Сунь Чжуншань (Николай и Цыси. Ленин и Сунь Ятсен). 243 с. ISBN 7-220-04338-4/D.616.

Лян да юаньшуай: Сыдалинь юй Цзян Цзеши (Два генералиссимуса: Сталин и Чан Кайши). 287 с. ISBN 7-220-04339-2/D.617.

Лян да линсю: Сыдалинь юй Мао Цзэдун (Два вождя: Сталин и Мао Цзэдун). 485 с. ISBN 7-220-04340-6/D.618.

Лянгэ ибашоу: Хэлусяофу юй Мао Цзэдун (Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун). 294 с. ISBN 7-220-04341-4/D.619.

Булежинефу юй Мао Цзэдун. Гээрбацяофу юй Дэн Сяопин (Брежнев и Мао Цзэдун. Горбачев и Дэн Сяопин). 205 с. ISBN 7-220-04342-2/D.620.

Шицзи чжи цзяо ды Элосы юй Чжунго (Россия и Китай на рубеже веков). 338 с. ISBN 7-220-04353-8/D.623.

Готовятся к изданию рукописи:

Два первых лица: Н. С. Хрущев и Мао Цзэдун.

От Л. И. Брежнева и Мао Цзэдуна до М. С. Горбачева и Дэн Сяопина.

Китайские поминки по КПСС и СССР.

«Войны Нового Китая» и его дипломатия.

Китайский реформатор Чжао Цзыян.

Китайские «подвески». (Нерешенные или «подвешенные» вопросы в истории отношений России и Китая.)

Китайский пунктир.

Научно-популярное издание

Галенович Юрий Михайлович
ЧЕТЫРЕСТА ЛЕТ СОСЕДСТВА
РОССИИ С КИТАЕМ

Корректор *Е. Соседова*
Верстка *Г. Ревцова*
Обложка *И. Мамыкин*

ООО «Восточная книга»

127273, Москва, Олонечская ул., д. 23

Тел./факс: (495) 545-07-69

E-mail: muravei@muravei.ru

Интернет: www.muravei.ru

Для корреспонденции: 127106, Москва, а/я 12

Подписано в печать 10.10.11.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 16,0.
Тираж 500 экз. Заказ №